

**Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»**

На правах рукописи

Ли Лусы

**Представления о семейных отношениях в русской и китайской
паремиологии: лингвокультурологический аспект**

Специальность 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-
сопоставительная лингвистика

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель
кандидат филологических наук,
доцент О.В. Лазарева

Москва – 2026

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. Лингвокультурологический и лингвоаксиологический анализ паремий	14
1.1. Лингвокультурология как научная дисциплина: проблематика исследований.....	15
1.1.1.Предпосылки появления, история становления, современное состояние.....	15
1.1.2.Взаимодействие языка и культуры как проблема русистики	25
1.1.3. Лингвокультурологические исследования в китайской лингвистике.....	37
1.2. Паремии в языковой системе русского и китайского языков.....	46
1.2.1. Паремиология как часть фразеологической системы русского языка.....	46
1.2.2. Статус паремий в китайской лингвистике.....	56
1.3. Аксиологический потенциал паремий в русской и китайской лингвокультуре. Семья как ценность в паремиологии.....	65
ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ	77
ГЛАВА 2. Характеристика паремий о родителях в русской лингвокультуре	79
2.1. Паремии о матери.....	80
2.1.1. Группа паремий о матери как женщине, давшей жизнь.....	82
2.1.2. Группа паремий, в которых репрезентируется образ родины-матери.....	85
2.1.3. Группа паремий, которые метафорически именуют место жительства (конкретные города) матерью или матушкой.....	86
2.1.4. Группа паремий, репрезентирующих образ Божьей матери.....	87
2.1.5. Периферийная группа паремий с компонентом <i>мать/матушка</i>	88
2.2. Паремии об отце.....	91
2.2.1. Паремии, репрезентирующие сакральный взгляд на отца.....	93

2.2.2. Паремии, в которых констатируется ответственность отца и его функции в социуме и семье.....	95
2.2.3. Паремии об отношении детей и родителей (с осуждением непочтительности и неблагодарности детей).....	96
2.2.4. Паремии, в которых противопоставляются отец и мать, их отношение к детям.....	98
2.2.5. Паремии иронического характера об отце.....	99
2.2.6. Периферийная группа паремий с компонентом <i>отец/батюшка</i>	100
2.3. Паремии о бабушках и дедушках.....	102
ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ	113
ГЛАВА 3. Характеристика китайских паремий о родителях	115
3.1. Фиксация представлений о семье в иероглифическом письме — иероглиф 家 ‘семья’.....	115
3.2. Паремии об отце.....	120
3.3. Паремии о матери.....	127
3.4. Паремии о родителях и детях.....	135
3.4.1. Паремии об отношении детей к родителям.....	135
3.4.2. Воспитание и наставление как долг родителей перед детьми.....	139
3.4.3. Методы традиционного семейного воспитания.....	140
3.4.4. Паремии о сиротстве и о приемном родительстве.....	146
3.5. Роль этнолингвомаркеров в репрезентации родственных отношений в китайских паремиях.....	147
3.6. Паремии о бабушках, дедушках и родственниках в китайской языковой картине мира.....	152
3.6.1. Паремии о бабушках, дедушках и внуках.....	153
3.6.2. Паремии о родственниках внутри китайской семьи.....	157
3.7. Аксиологические доминанты и аксиологические лакуны в русской и китайской паремиологии.....	167
ВЫВОДЫ ПО ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ	179
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	183

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	189
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	212
ПРИЛОЖЕНИЕ 1.....	212
ПРИЛОЖЕНИЕ 2.....	213
ПРИЛОЖЕНИЕ 3.....	214
ПРИЛОЖЕНИЕ 4.....	215
ПРИЛОЖЕНИЕ 5.....	220
ПРИЛОЖЕНИЕ 6.....	222

ВВЕДЕНИЕ

Фразеологическая и паремиологическая система любого языка репрезентирует систему ценностей, отражает представления народа о мироустройстве, содержит аксиологические установки этноса, определяет идеальную модель действий человека в определенных социальных контекстах. В паремиях закреплён тысячелетний опыт народов, с их помощью передается культурное духовное наследие нации, её система ценностей. Паремиологическая картина мира фиксирует аксиологическую модель этноса, что позволяет представить его ценностные предпочтения, а также охарактеризовать идеализированная модель поведения конкретного человека в типичных обстоятельствах.

Актуальность исследования определяется, во-первых, интересом современного общества к семье как базовой ценности, установки о которой содержатся в паремиологическом фонде языка; во-вторых, необходимостью анализа паремий о семейных отношениях для реконструкции фрагмента национальной картины мира, представляющей собой культурное наследие страны и отражающей ценностные доминанты и коллективные установки народа, а также модель семейного устройства, воспитания детей, взаимоотношений в семье и пр.; в-третьих, инвентаризацией культурной лакунарности для получения данных об универсальном и специфическом в русской и китайской паремиологии; наконец, активизацией культурного и экономического взаимодействия между русским и китайским народом и в связи с этим продолжением сравнительно-сопоставительных исследований двух неродственных языков для полноценного лингвокультурологического описания.

Степень научной разработанности. Паремиологические единицы в последние десятилетия анализируются в русле антропоцентрической парадигмы с учётом сложившейся методологии [Арутюнова 1988; Байрамова 2014; Бочина 2015; Ломакина 2010, 2025; Мокиенко 2018; Мокиенко, Никитина 2022; Нелюбова 2025; Ничипорчик 2015; Паремиология без границ 2020; Савенкова 2002]. Сравнительно-сопоставительные лингвокультурологические исследования

русской и китайской паремиологии проводились в работах Лю Цзюань [Лю Цзюань 2004], Юань Лиин [Юань Лиин 2016], Чжоу Цин [Чжоу Цин 2024], У Хао (吴昊) и Е.Е. Юркова [У Хао, Юрков 2006], Ма Сянфэй [Ма Сянфэй 2018], Люй Цзинвэй [Люй Цзинвэй 2018]. Описанию ценностных констант посвящены работы М.А. Бредиса [Бредис 2019]; Е.Е. Иванова [Иванова 2006]; Н.Н. Фаттаховой и М.А. Кульковой [Фаттахова, Кулькова 2020]; Е.И. Селиверстовой [Селиверстова 2017]; Н.Н. Семененко [Семененко 2011], О.В. Ломакиной [Ломакина 2011, 2016, 2019, 2021, 2023, 2025] и пр., однако сравнительно-сопоставительные лингвоаксиологические работы, где бы рассматривались семейные отношения, отраженные в русской и китайской паремиологии, носят фрагментарный характер (см. Хань Чжэнь, Чжан Вэйвэнь [Хань Чжэнь, Чжан Вэйвэнь 2020]; Сунь Сюйна [Сунь Сюйна 2024], Ян Сюэ [Ян Сюэ 2025]).

Теоретические основы работы

В диссертационном исследовании при рассмотрении теоретических основ лингвистики как особой научной дисциплины были рассмотрены работы как зарубежных ученых В. фон Гумбольдта [Гумбольдт 1983; 1984; 1985], Ф. де Соссюра [Соссюр 1960], К. Леви-Стросса [Леви-Стросс 2008], Й.Л. Вайсгербера [Вайсгербер 2004], Э. Сепира [Сепир 1993], Б.Л. Уорфа [Уорф 1960], А. Вежбицкой [Wierzbicka 1990; 1999; 2002], М. Агара [Agar 1994], Г. Палмера [Palmer 1996], Н. Бонвиллен [Bonvillain 1997], так и российских исследователей Ф.И. Буслаева [Буслаев 1848], А.А. Потебни [Потебня 1999], И.И. Срезневского [Срезневский 1959], Ф.Ф. Фортунатова [Фортунатов 2010], А.С. Хомякова [Хомяков 1994], А.А. Шахматова [Шахматов 1915; 1939].

При анализе проблемы взаимодействия и взаимозависимости языка и культуры учитывались положения работ М.М. Бахтина [Бахтин 1929; 1975], В.В. Виноградова [Виноградов 1945], Д.С. Лихачева [Лихачев 2006], Ю.М. Лотмана [Лотман 2001], Н.И. Толстого [Толстой 1997] и пр.

При рассмотрении лингвокультурологии как отдельной дисциплины, ее научного аппарата учтены концепции Н.Ф. Алефиренко [Алефиренко 2010], В.В. Воробьева [Воробьев 1997], Е.И. Зиновьевой [Зиновьева 2016], М.Л. Ковшовой

[Ковшова 2019], В.В. Красных [Красных 2012], В.А. Масловой [Маслова 2001], Нань Яньхуа [Нань Яньхуа 2022], Пэн Вэнчжао и Лю Линг [Пэн Вэнчжао, Лю Линг 2006], Д.С. Скнарева [Скнарев 2025], Тань Аошуан [Тань Аошуан 2004], В.Н. Телия [Телия 1998], С.Г. Тер-Минасовой [Тер-Минасова 2000], В.М. Шаклеина [Шаклеин 2003] и др. Отметим, что лингвокультурологию мы рассматриваем как особую научную дисциплину, в рамках которой изучается взаимозависимость языка и культуры, а также исследуется национально-культурная специфика лексической, фразеологической, грамматической и синтаксической системы языка.

Анализ паремиологического материала русского и китайского языков основан на концепциях Н.Ф. Алефиренко [Алефиренко 2010], Т.Г. Бочиной [Бочина 1998, 2023], М.А. Бредиса [Бредис 2019, 2022, 2021], О.М. Готлиба и Му Хуаина [Готлиб, Му Хуаин 2007], Д.О. Добровольского [Dobrovol'skij 2025], Е.И. Зиновьевой [Зиновьева 2016], Е.Е. Иванова [Иванов 2007, 2015, 2021], М.Л. Ковшовой [Ковшова 2019], О.В. Ломакиной [Ломакина 2010, 2016, 2018, 2024], Люй Цзинвэй [Люй Цзинвэй 2020], Лю Юэ [Лю Юэ 2024], Ма Гофаня [Ма Гофань 1959], В.М. Мокиенко [Мокиенко 2010], Г.Л. Пермякова [Пермяков 1988], Л.Б. Савенковой [Савенкова 2002], Е.Н. Селиверстовой [Селиверстова 2009, 2017], Н.Н. Семененко [Семененко 2017], В.Н. Телия [Телия 1998] и др.

Цель исследования – провести лингвокультурологический анализ паремий о семейных отношениях русского и китайского языков, определив аксиологический потенциал русских и китайских паремий.

Поставленная цель определяет следующие **задачи** диссертационного исследования:

1) проанализировать теоретические подходы к анализу *лингвокультуры, языковой и паремиологической картины мира, концептуальной и языковой картины мира, аксиологии* в русском и китайском языкознании;

2) основываясь на научно обоснованных критериях, методом сплошной выборки извлечь паремии о родителях (матери, отце, бабушке, дедушке), о

родственников (братьях, сестрах и пр.) из паремиологических словарей русского и китайского языка;

3) провести исследование русских и китайских паремий в аспекте вербализуемых стереотипных представлений о родителях, бабушках и дедушках, братьях, сестрах, о теще, тесте и зяте, о свекре и свекрови, о золовке и невестке и пр.;

4) определить аксиологический потенциал русских и китайских паремий, отражающих представления о семье и взаимоотношениях внутри семьи;

5) выявить универсальное и специфическое при отражении семейных отношений, обозначить национальные особенности, свидетельствующие об универсальности взглядов на семью и семейные взаимоотношения, и об этническом различии в двух лингвокультурах;

6) представить аксиологические доминанты и аксиологические лакуны в русской и китайской паремиологии о родителях и семье в целом.

Объект исследования — паремии русского и китайского языков, репрезентирующие представления о семейных отношениях.

Предмет исследования — аксиологические доминанты и лингвокультурные особенности паремий о семейных отношениях русского и китайского языков.

Материалом исследования стали свыше 450 русских пословиц, извлеченных методом сплошной выборки из «Большого словаря русских пословиц» В.М. Мокиенко [Мокиенко 2010] как наиболее репрезентативного источника паремий русского языка.

Китайские паремии (420 единиц) отобраны из следующих словарей: 大辞海·语言学卷/夏征农, 陈至立主编; 许宝华, 杨剑桥等著, 一修订版, 一上海:上海辞书出版社, 2013. (Большой лексикон – лингвистический том / под редакцией Ся Чжэньнуна, Чэнь Чжили; Сюй Баохуа, Ян Цзяньцяо и др., исправленное издание, Шанхай: Издательство Шанхайского словаря, 2013]; «Пословицы» сост. Вэнь Дуаньчжэн, Ван Шушань, Шэнь Хуэйюнь («谚海; 温端政, 王树山, 沈慧芸主编

»); «Большой словарь китайских поговорок (中国俗语大词典)», сост. Вэнь Дуаньчжэн (温端政主编); «Пословицы китайского языка (中华谚语)», сост. Чжэнь Хунфэн, Цзян Жуйлян (郑宏峰, 姜瑞良主编); «Национальные пословицы, которые следует знать китайцам (中国人应该知道的民谚俗语)», сост. Ху Чжицян (呼志强); «Словарь поговорок и пословиц 俗语谚语词典», сост. Ли Ханьвэнь (李翰文主编); «Словарь пословиц» (谚语大全 北方文艺出版社), 陆宗达 《训诂简论》 北京: 北京出版社 2016 年 181 页 сост. Лу Цзунда (陆宗达), «Современный словарь китайского языка (中国社会科学院语言研究所词典编辑室编)», «Большой словарь китайских пословиц (温端政等编著. 中国谚语大全)» под ред. Вэн Дэ, «Классифицированный словарь общеупотребительных пословиц (常用谚语分类词典)», Ли Чжэньи (厉振仪).

Гипотеза диссертационного исследования состоит в следующем: паремиологическая картина мира дает основания для характеристики системы ценностей народа, поэтому интерпретация русских и китайских паремий, репрезентирующих представления о семье и взаимоотношениях родителей и детей, позволяет выявить стереотипные аксиологические представления народов о семейных отношениях, систематизировать обнаруженное сходство и выявить уникальность в обусловленных национальными культурами и особенностями социального устройства паремиологических системах.

Научная новизна работы состоит в том, что впервые проведён комплексный сравнительно-сопоставительный анализ паремий о семейных отношениях в русском и китайском языках; впервые исследованы родственные отношения, отражённые в паремиологии; впервые описаны языковые средства, выражающие стереотипные представления о социально одобряемом поведении родителей и детей; выявлены аксиологические доминанты, характеризующие роль родителей в русской и китайской лингвокультуре.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что она вносит вклад в сравнительно-сопоставительную лингвоаксиологию: полученные выводы и результаты исследования семейных отношений, репрезентированных в русской и китайской паремиологии, позволили выделить и описать общие аксиологические доминанты, отражающие как общечеловеческие ценности, так и получающие в лингвокультуре национальную специфику (т.н. аксиологические лакуны), что способствует изучению универсальных и уникальных компонентов лингвокультуры.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее результаты могут быть использованы в лекционных курсах по паремиологии, лингвокультурологии, фразеологии, межкультурной коммуникации и этнолингвистике, в преподавании русского языка как иностранного, а также в лексикографической практике при составлении двуязычных русско-китайских словарей и переводческой практике.

Методы исследования. Для достижения поставленной цели используется ряд методов и подходов, в том числе **метод** обобщения и классификации, индукции и дедукции; для получения и обработки эмпирических данных были использованы **методы** сплошной выборки, семантического анализа, лингвистического комментирования, лингвоаксиологического анализа, сравнительно-сопоставительного анализа аксиологических доминант.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Паремии о семейных отношениях/家 ‘семья’ – важнейшая часть русского и китайского паремиологического пространства, в них зафиксированы ценностные ориентиры русской культуры, демонстрирующей традиционные патриархальные взгляды на семью и общество, где обозначено место родителей (мать/матушка/母 ‘мать’, отец/батьюшка/父 ‘отец’) и ближайших родственников (бабушка/бабка/баба и дедушка/дед, дедуля/дедуня /奶奶, 爷爷 ‘бабушка и дедушка по отцовской линии’, 外婆, 外公 ‘бабушка и дедушка по материнской линии’/祖父母/ ‘обобщенное именование всех бабушек и дедушек’

2. В русских пословицах образ матери репрезентируется многомерно: как женщины, давшей жизнь, а также метафорически (родины-матери, земли-матушки, в т.ч. с наименованием конкретных мест (*Москва-матушка*)), что отражает особенный взгляд на мать в русской лингвокультуре, которая осмысливается как абсолютная нравственно-духовная ценность и первооснова (*Божья мать*). Пословицы об отце представляют разнообразные функции отца в социуме и семье, показывают его как главу семьи, ответственного за ее благополучие, при этом образ отца сакрализуется, что вербализирует дихотомию русской культуры *сакральное – профанное*.

3. В языковой картине мира китайского народа пословицы транслируют традиционные национальные патриархальные взгляды на семью со всеми противоречиями. Пословицы об отце и матери репрезентируют гендерные роли в семье; отец — основа материального и духовного благополучия семьи — наделяется абсолютным авторитетом. После смерти отца все обязанности по воспитанию детей и содержанию семьи ложатся на старшего сына; младшие дети беспрекословно ему подчиняются и во всем помогают. Мать имеет зависимое положение внутри большой семьи и создает стабильную духовную связь с детьми в течение их дальнейшей жизни, что проявляется по-разному в отношении сына и дочери. Пословицы о бабушках, дедушках, родственниках полностью воссоздают отношения в традиционной китайской большой семье, в семейном клане.

4. Китайские пословицы фиксируют и положительно оценивают иерархические отношения в большой семье, состоящей из нуклеарной семьи и родственников трех поколений, в которой младшие подчиняются старшим, и царит сыновняя почтительность (по отношению к родителям и бабушкам/дедушкам), гармония и любовь между мужем и женой, между старшими и младшими родственниками, где преобладает любовь родителей к детям и наоборот. Родители в китайской семье наделены функциями наставников. При этом китайские пословицы фиксируют и отрицательные стороны семейных отношений.

5. Для русских и китайских паремий о родителях общим является безусловное признание ценности отца, матери и семьи в жизни каждого человека. Благодаря родителям человек сможет занять достойное место в обществе, любовь и забота родителей определяют его счастливое будущее. При этом и русские, и китайские паремии осуждают непочтительное отношение к родителям, нежелание заботиться о них в старости.

6. Выделенные аксиологические доминанты в русских и китайских паремиях (любовь к родителям, любовь родителей к детям, любовь к матери и любовь матери, власть отца, почитание отца, отцовская ответственность перед детьми и пр.) в основном совпадают, они универсальны, однако в паремиях отражена и национальная специфика, связанная с религиозно-нравственными основами общества, традиционным семейным укладом. Наличие аксиологических лакун в китайской и русской паремиологической системе о родственных отношениях объясняется различием в структуре семьи и семейной иерархии.

Обоснованность и степень достоверности полученных результатов определяется объемом проанализированного материала, составляющего более 1000 русских и китайских паремий; использованием широкой теоретической базы исследования; комплексным подходом к анализу системы паремий о родственных отношениях для определения аксиологических доминант и аксиологических лакун.

Апробация работы. Результаты проведенного исследования обсуждались в докладах на конференциях различного уровня: «2-й Международный форум молодых студентов и ученых «Воробьевы горы» (август 2023 г., Москва, Россия, МГУ); «Восточный калейдоскоп» (13 декабря 2023 г., Москва, Россия, РУДН); Всероссийская научно-практическая конференция «Развитие теории языка на рубеже веков: научные школы кафедры общего и русского языкознания» (25 апреля 2024 г., Москва, Россия, РУДН); Международная научная конференция «КоСМиК.ру: Корпус Современных Моделей и Кодов русского языка» (4 октября 2024, Москва, Россия, МПГУ); Международная научная конференция «Вызовы и тренды современной лингвистики» (29–31 октября 2024 г., Казань, Россия, КФУ);

Международная научная конференция «VI Виноградовские чтения. Язык и поэтика текста» (21 февраля 2025 г., Москва, Россия, Институт филологии МПГУ); Всероссийская научно-практическая конференция «Развитие теории языка на рубеже веков: научные школы кафедры общего и русского языкознания», (24–25 апреля 2025 г., Москва, Россия, РУДН).

Объем и структура работы: диссертация включает введение, три главы, заключение, списки использованной литературы и шести приложений. Общий объём диссертации составляет 227 страниц. Библиографический список насчитывает 210 наименований: на русском – 163; на иностранных языках – 47.

ГЛАВА 1. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ И ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПАРЕМИЙ

Внимание к отражению в языке национальных традиций, мировоззренческих установок, системы культуры в широком понимании встречается в научных трактатах с древнейших времен.

Работы посвящены взаимосвязи и взаимозависимости культуры и языка, национальных стереотипов и лингвистики в русском и китайском языкознании написано множество работ.

В системе нравственных основ философии Конфуция, который заложил основы национального изучения культуры, важной составляющей стало утверждение о том, что необходимо заботиться о развитии и совершенствовании «культуры и системы образования». Конфуций соотносил развитие культуры и образования с национальными традициями почитания старших в государстве и семье. В частности, он писал: “生，事之以礼；死，葬之以礼，祭之以礼”（孔子） ‘Служить родителям по правилам при их жизни, похоронить по правилам после их смерти и приносить им жертвы по правилам до конца своей жизни’; “老吾老，以及人之老；幼吾幼，以及人之幼”（孟子） ‘Старые должны жить в покое, а младшие проявлять заботу о старших’.

В истории российской лингвистической мысли о взаимовлиянии языка, культуры, национальных традиций и православных религиозных представлений писал М.В. Ломоносов, стоявший у истоков российской лингвистики. В письме И.И. Шувалову от 01.11.1761 г. М.В. Ломоносов, предлагая меры по развитию Российского государства, указывал, что необходимо заботиться об «исправлении нравов» и «большем народе просвещении». О важности народной культуры, о поддержании «народной нравственности» писали Н.М. Карамзин, А.С. Пушкин, В.А. Жуковский, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский и другие русские писатели и ученые.

В настоящее время лингвистические исследования в области лингвокультуры сосредоточены на нескольких направлениях

антропоцентрической парадигмы лингвистики. Как справедливо утверждается Х. Куссе, В.Е. Чернявской, современные лингвистические изыскания рассматривают культуру «как дискурсивную практику», как осмысление «этнической идентичности», как «систему ценностей, отраженных в ментальности» (при этом язык – «часть ментальной культуры»), «как идеология» и пр. и отмечается, что «ментальный уровень является основополагающим и исходным в понимании культуры; культура работает – актуализируется – в социальном контексте как набор правил для членов какого-либо общества; культура оформляется – получает ту или иную зафиксированную форму, следовательно, опирается на семиотические ресурсы для своего выражения [Куссе, Чернявская 2019: 444].

В российском и китайском обществе социальный контекст культуры диктует нормы и правила отношений к родителям и старшему поколению. Паремии фиксируют национально-культурные стереотипы взаимоотношений поколений.

1.1. Лингвокультурология как научная дисциплина: проблематика исследований

1.1.1. Предпосылки появления, история становления, современное состояние

Становление лингвокультуры как особой научной дисциплины связывается с именами следующих западных ученых: В. фон Гумбольдта [Гумбольдт 1983; 1984; 1985], Ф. де Соссюра [Соссюр 1960], К. Леви-Стросса [Леви-Стросс 2008], Й.Л. Вайсгербера [Вайсгербер 2004], Э. Сепира [Сепир 1993], Б.Л. Уорфа [Уорф 1960], А. Вежбицкой [Wierzbicka 1990; 1999; 2002], М. Агара [Agar 1994], Г. Палмера [Palmer 1996], Н. Бонвиллен [Bonvillain 1997] и др. В XIX в. в некоторых работах об истории языка, о семиотических знаках появляются утверждения о том, что необходимо изучать философские основы языка в совокупности с культурой, породившей данный язык.

Во второй четверти XIX в. В. фон Гумбольдт в статье об истории греческого языка «Лаций и Эллада» указывает, что «всякое изучение национального своеобразия, не использующее язык как вспомогательное средство,

было бы напрасным, поскольку только в языке запечатлен весь национальный характер» [Гумбольдт 1984: 303].

В книге «Язык и философия культуры» ученый признает, что культура народа отражается в языке, и вместе с тем язык определяет народное мышление. В. фон Гумбольдт указывает, что «своеобразие языка влияет на сущность нации, поэтому тщательное изучение языка должно включать все, что история и философия связывают с внутренним миром человека». [Гумбольдт 1985: 377].

В работе «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества», считающейся основополагающей в его философской концепции, В. фон Гумбольдт писал: «Создание языка обусловлено внутренней потребностью человечества. Язык – не просто внешнее средство общения людей, поддержания общественных связей, но заложен в самой природе человека и необходим для развития его духовных сил и формирования мировоззрения, а этого человек только тогда сможет достичь, когда свое мышление поставит в связь с общественным мышлением» [Гумбольдт 1983: 237]. Ученый аргументированно, основываясь на сравнительно-сопоставительном изучении различных групп языков, подчеркивает: «Язык есть как бы внешнее проявление духа народов: язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное. Каким образом оказывается, что они сливаются в единый и недоступный пониманию источник, остается для нас загадкой. Впрочем, не пытаясь определять приоритет одного или другого, мы должны видеть в духовной силе народа реальный определяющий принцип и подлинную определяющую основу для различий языков, так как только духовная сила народа является самым жизненным и самостоятельным началом, а язык зависит от нее» [Гумбольдт 1984: 288].

Идеи В. фон Гумбольдта стали основой для дальнейшего рассмотрения вопросов о взаимозависимости языка и национальной культуры в трудах по истории языков. Об этом опосредованно говорит и Ф. де Соссюр, в работах по общей лингвистике, указывая на важность учета социальных характеристик языка, о необходимости анализа взаимосвязи языкового знака и условий (в том числе

географических) развития национального языка. Ф. де Соссюр писал о том, что язык – «социальный продукт речевой способности, совокупность необходимых условий, усвоенных общественным коллективом для осуществления этой способности у отдельных лиц» [Соссюр 1960]¹.

В свою очередь концепция Ф. де Соссюра о лингвистике языка и лингвистике речи (с учетом социальных характеристик), а также рассмотрение системы его воззрений на соотношении лингвистики и семиотики, стали основой дальнейших исследований в области языкового знака при осмыслении взаимосвязи языковых особенностей и национально-культурных компонентов.

Э. Бенвенист, признавая важность семиотики для изучения языка, отмечал, что для языковых исследований важно учитывать «дискурсивную инстанцию», то есть конкретные проявления в процессе речи, а также он указывал, что невозможно изучать отдельно историю языка или историю какого-либо общества (народа), это можно сделать только в совокупности [Бенвенист 1974].

Важность концепции изучения диалектического единства истории языка и народа Э. Бенвениста признается в лингвокультурологии. Об этом пишет Н. Мамброл: «Хотя Бенвенист признавал, что вполне возможно изучать историю национальных языков – точно так же, как возможно изучать историю обществ, – невозможно изучать историю языка как такового или историю общества как такового, потому что история возможна только внутри языка и обществ»² [Mambrol 2018].

В середине XX в. отдельные положения теории Э. Бенвениста об истории развития человеческих обществ и языка переосмыслил К. Леви-Стросс, философ и культуролог, рассматривая языковую эволюцию в человеческих сообществах, в работах по структурной антропологии утверждал, что именно язык может рассматриваться как модель для изучения культурных явлений. К. Леви-Стросс

¹ Здесь и далее цит. по: Звегинцев, В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях / В. А. Звегинцев. – Ч. 1. – М., 1960..

² Здесь и далее перевод наш – Л.Л. (оригинальный текст: Although Benveniste recognised that it is perfectly possible to study the history of national languages – just as it is possible to study the history of societies – it is not possible to study the history of language as such, or the history of society as such, because it is only within language and society that history is possible.

также полагал, что язык является формой и способом существования культуры [Леви-Стросс 2008].

В западноевропейском языкознании в XX в. развиваются идеи фон В. Гумбольдта, Ф. де Соссюра, Э. Бенвениста. Логическим продолжением теории В. фон Гумбольдта о влиянии характера языка на «сущность нации», о влиянии культуры народа на язык стали работы Й.Л. Вайсгербера, который ввел понятие «языковая картина мира», ставшее одним из ключевых в современной когнитивной лингвистике. Ученый полагал, что каждый язык уникален и это влияет на отражение в сознании (мышлении) носителя языка окружающей действительности; язык определяет культуроспецифичность восприятия мира представителями различных народов, что стало предметом изучения в ряде работ учёного, среди которых «Родной язык и формирование духа» (1920), «Язык» (1931), «Положение языка в системе культуры» (1934); «Грамматика, ориентированная на содержание» (1953) и др.

В частности, Л. Вайсбергер указывает, что «(язык) позволяет человеку объединить весь опыт в единую картину мира и заставляет его забыть о том, как раньше, до того, как он изучил язык, он воспринимал окружающий мир» [Вайсгербер 2004: 51] и говорит о том, что мировосприятие и мышление человека, его «картина мира» напрямую зависят от национального языка, освободиться от его влияния невозможно.

В современном англоязычном языкознании общепризнанным считается, что теоретическую основу осмысления соотношения языка и культуры, а также выделения лингвокультуры как отдельной лингвистической дисциплины заложили работы Э. Сепира и Б. Уорфа, который, развивая идеи Э. Сепира в одной из своих лекций, сформулировал гипотезу «лингвистической относительности» и пришел к выводу о том, что нельзя оценивать культуру и отражающий ее национальный язык по меркам иных языков и культур.

По сути, Э. Сепир выдвинул идеи культурного релятивизма: он утверждал, языки и культуры следует оценивать с точки зрения национально-специфической картины мира народов, которые являются носителями этих языков. Э. Сепир

полагал, что языки индейцев народов Северной Америки не являются менее значимыми или менее развитыми, он отрицал превосходство западноевропейских языков, в том числе английского и, в частности, размышлял о соотношении языка и культуры: «Важность языка в целом для определения, выражения и передачи культуры не подлежит сомнению. Роль языковых элементов – их формы и содержания – в более глубоком познании культуры также ясна [Сепир 1993: 242].

Более определенно о взаимодействии языков и культур Э. Сепир пишет в этой же работе далее, утверждая, что люди находятся «... во власти того конкретного, языка, который стал средством выражения в данном обществе... "Реальный мир" в значительной мере неосознанно строится на основе языковых привычек той или иной социальной группы. Два разных языка никогда не бывают столь схожими, чтобы их можно было считать средством выражения одной и той же социальной действительности. Миры, в которых живут различные общества, – это разные миры, а вовсе не один и тот же мир с различными навешанными на него ярлыками» [Сепир 1993: 261].

В своих работах Э. Сепир уделял особое внимание не только соотношению языков и национальных культур, но и социальным аспектам, полагая, что социальные характеристики языковых общностей в структуре языка также влияют на отражение в этносознании ценностных морально-нравственных парадигм и стереотипы культурного поведения; стремился к максимально полному исследованию языка народа, социальной группы и даже индивидуума, указывая, что особенности личности выражаются в его языке.

Б. Уорф так же, как и Э. Сепир, изучал языки американский индейцев, в частности язык хопи, и пришел к выводу о том, что нельзя говорить о превосходстве и особой значимости для человечества какого-либо языка. Б. Уорф полагал, что в различные языки определяют национальное поведение и культуру его носителей; носители языка осмысливают действительность «по линиям, продолженным нашим родным языком».

Б. Уорф указывает: «Мы должны признать влияние языка на различные виды деятельности людей не столько в особых случаях употребления языка,

сколько в его постоянно действующих общих законах и в его повседневной оценке им тех или иных явлений» [Уорф, электронный ресурс]. Помимо указаний на влияние языка на стереотипное поведение его носителей, он аргументированно утверждает: «наш лингвистически детерминированный мыслительный мир не только соотносится с нашими культурными идеалами и установками, но захватывает даже наши, собственно, подсознательные действия в сферу своего влияния и придает им некоторые типические черты» [Уорф, электронный ресурс].

Теоретические основы лингвокультурологического осмысления действительности Б. Уорфом, а также детали гипотезы лингвистической относительности, были изложены в книге (сборнике статей), вышедшей после его смерти «Language, thought, and reality; selected writings» [Whorf 1956]. Сущность гипотезы лингвистической относительности, согласно теоретическим концепциям Сепира и Уорфа состоит в том, что люди, говорящие на разных языках, различно воспринимают сущность окружающей действительности, по-иному познают мир. Язык определяет мировоззренческие установки этносов, формирует мышление и регламентирует формы и содержание способов познания мира.

В.А. Звегинцев в книге «Новое в лингвистике» (1960 г.), где помещены работы Б.Л. Уорфа, рассуждая о сущности гипотезы лингвистической относительности, критически осмысливает ее сущность и указывает, что согласно Б.Л. Уорфу «действительность представляет собой беспорядочный поток впечатлений, который упорядочивает язык. Так как каждый язык обладает своей особой метафизикой, то он обрисовывает людям, говорящим на разных языках, действительность по-разному. В этом смысле язык представляет собой систему понятий для организации опыта. Навязывая человеку определенное мировоззрение, язык обуславливает нормы его мышления, а, следовательно, и поведения. <...>

... язык оказывается наделенным абсолютной и всеобъемлющей властью. Он устанавливает нормы мышления и поведения, руководит становлением логических категорий и целых концепций, проникает во все стороны

общественной и индивидуальной жизни человека, определяет формы его культуры» [Звегинцев, электронный ресурс].

В современной западноевропейской лингвистике и в российской лингвистике не ослабевает внимание к сущности гипотезы лингвистической относительности. Так, А. Вежбицкая указывает, что сущность национальной культуры можно понять, исследуя ключевые слова национального языка, репрезентирующие систему национально-культурных аксиологических ценностей и стереотипов. В ее работах также разрабатывается концепция «языковых универсалий» и отмечается, что многие ключевые понятия национальных языков и культур являются общечеловеческими. А. Вежбицкая предлагает метод, который бы исключил влияние на результаты лингвистических исследований «этноцентрической предвзятости» [Вежбицкая 2001]. Согласно этому методу, необходимо обращать внимание на универсальные элементы языков (в частности лексику), а также разработать общие принципы для сравнения систем языков и лингвокультур.

О концепции А. Вежбицкой подробно писали А.Н. Гладкова и Т.В.-Ларина: «Важной разработкой А. Вежбицкой в области прагматики (или этнопрагматики как ее отрасли) является теория культурных скриптов (Wierzbicka 2003/1991, Goddard, Wierzbicka 2004, Goddard 2006 и др.). Культурные скрипты представляют собой инновационный способ формулирования культурных норм, ценностей и практик в терминах, которые ясны, точны и доступны как для представителей данной культуры, так и представителей других культур [Goddard, Wierzbicka 2004: 153]. Данный подход основан на естественном семантическом метаязыке, на котором и формулируются закрепленные в языке и разделяемые носителями данного языка культурные нормы и правила, что согласуется с идеей о взаимосвязи языка и культуры и о том, что определенные дискурсивные практики отражают особенности культуры») [Гладкова, Ларина 2018: 720].

Важнейшим положением лингвистической теории А. Вежбицкой является утверждение о том, что среди «языковых универсалий» значительное место занимают так называемые «эмоциональные концепты», в которых

репрезентируется национально-культурный и личный опыт индивидуума. Однако следует заметить, что во многих работах А. Вежбицкая делает акцент на национальных особенностях ключевых концептов культуры этноса [Wierzbicka 1999].

При исследовании паремиологической картины мира русского народа и отраженных в ней ценностных доминант в отношении родителей и родственников следует учесть наблюдения А. Вежбицкой, репрезентированные в совокупности работ по русскому языку, в которых утверждается, что для русской культуры и менталитета народа важны такие ключевые концепты как «душа», «судьба» и «тоска», являющиеся уникальными для русской языковой картины мира. К характеристика данных концептов А. Вежбицкая обращается в различных работах. Так, в книге «Понимание культур через посредство ключевых слов» она указывает, что: «ключевые слова душа или судьба, в русском языке подобны свободному концу, который нам удалось найти в спутанном клубке шерсти: потянув за него мы, возможно, будем в состоянии распутать целый спутанный «клубок» установок, ценностей и ожиданий, воплощаемых не только в словах, но и в распространенных сочетаниях, устойчивых выражениях, в грамматических конструкциях, в пословицах» [Вежбицкая 2001: 35].

Хотя теоретические основы характеристики многообразного взаимодействия языка и культуры были заложены несколько столетий назад (но нужно отметить, что еще во времена античности об этом взаимовлиянии говорил Аристотель), термин *лингвокультура* и ее обоснование как отдельной лингвистической дисциплины со своей методологией, терминологическим аппаратом, структурой научного знания состоялось только в конце XX в.

Считается, что в западноевропейском языкознании термин лингвокультура впервые был употреблен в работах М. Агара, в частности в небольшой брошюре «LANGUAGE SHOCK / Understanding the Culture of Conversation» (Языковой шок. Понимание и культура общения), в которой исследуются проблемы коммуникации людей в Америке, связанные с различными культурными основами их родных стран и языков. М. Агар полагает, что необходимо учитывать культурные

различия, в таком случае не будут возникать конфликты и люди сумеют адаптироваться в мультикультурном языковом пространстве: «Культура все меняет. «Естественные» или «правильные» значения, те, которые говорят вам, кто вы и как устроен мир, становятся произвольными, одной из многих возможностей; – ваш «естественный» язык сияет в свете нового осознания; оно расцветает в захватывающую сложность; вы видите возможности, о существовании которых вы даже не догадывались. Культура превращает вас в человека, способного ориентироваться в современном мире, мультикультурном мире» [Agar 1994: 20–21]. М. Агар отмечает: «Культура» – это то, чем вы занимаетесь. Язык заполняет пространство между нами со звуком; через него культура налаживает человеческие связи. Культура находится в языке, а язык наполнен культурой» [Agar 1994: 21].

М. Агар с уверенностью отмечает, что традиционное понимание концептов «язык» и «культура» должно измениться, эти концепты (понятия) необходимо рассматривать в совокупности, именно тогда культура поможет найти взаимопонимание, построить мультикультурный мир взаимопонимания, при этом возникает особое взаимодействие, собственно лингвокультура. М. Агар утверждает, что знание языка и культуры не сможет изменить ситуацию социального неравенства, не сможет «отменить глубокую историческую ненависть», но сможет помочь наладить диалог, найти возможность понять друг друга: «Знание языка и культуры не взмахнет волшебной палочкой не ликвидирует глубокую историческую ненависть и не заставит ее исчезнуть. Это не устранил грубого социального неравенства, которое часто приводит к конфликтам, связанным с языком и культурой. Что это даст, так это откроет каналы коммуникации, основанные на том, кто такие люди, а не на том, кем они не являются» [Agar 1994: 29].

В американских исследованиях по лингвокультуре идеи М. Агара о важности мультикультурализма, который поможет избежать конфликтов при учете культурных особенностей участников коммуникации, получили широкую поддержку. К настоящему времени о важности изучения лингвокультуры

написано множество работ, а термин лингвокультура прочно вошел в лингвистические исследования.

На рубеже XX–XXI вв. в западноевропейском языкознании появляются научные работы, в которых с учетом гипотезы Сепира-Уорфа, предлагается рассмотрение новой лингвистической дисциплины – лингвокультурологии. Изначально лингвокультурологию (как Э. Сепир и Б. Уорф) связывали с этнографией, называли этнолингвистикой. Но затем, в исследовательских работах Г. Палмера [Palmer 1996], обосновывается термин «лингвокультура». В частности, в книге «К теории лингвокультуры» Г. Палмер пишет о необходимости объединения методов исследования и основных научных концептуальных положений антропологии, этнолингвистики и когнитивной лингвистики в единое целое, а именно в лингвокультуру, которая и позволит осуществить комплексное изучение взаимодействия культуры, языка и особенностей национальной картины мира в социокультурном контексте [Palmer 1996].

В книге Н. Бонвиллен «Язык, культура, коммуникация: значение сообщений» также предлагается комплексно исследовать проблемы этнографии коммуникации, культуры, коммуникативного взаимодействия и дискурса в рамках культурологической лингвистики [Bonvillain 1997].

Таким образом, научный интерес к выражению языком традиций и культуры этноса, а также особенностей мировоззрения носителей одного языка сформирован в научную дисциплину в работах западноевропейских лингвистов начиная с XIX в. Исследователи рассматривают факты влияния культуры на национальный язык в таких аспектах, как изменение языка в зависимости от социальных характеристик общества; национально-культурная специфика лексической, фразеологической, грамматической и синтаксической системы языка; отражение в языке особенностей духовной и материальной культуры. Ключевыми понятиями становятся языковая картина мира, ключевой концепт этноса, лингвокультурология.

1.1.2. Взаимодействие языка и культуры как проблема русистики

Проблема взаимодействия языка и культуры поднималась в российской лингвистике, начиная с XIX в. Исторические предпосылки для развития лингвокультурологического знания в российской лингвистике можно усмотреть в работах А.А. Потебни, Н.И. Толстого, И.И. Срезневского.

Полемика славянофилов и западников становится концептуальной основой исторических и филологических изысканий, связанных с анализом культурных основ российского государства и русского общества. Ф.И. Буслаев в работе 1848 г. «О влиянии христианства на славянский язык» указывает, что именно выбор христианства как основной религии русского народа повлиял на развитие языка и культуры. По мнению Ф.И. Буслаева, христианство объединяет народы, составляет духовную основу многих наций и даже сближает понятия из разных языков: «Христианство, распространяясь между народами разных языков и поверий, сглаживало следы их отличий, и таким образом древние верования и слова, их выражающие, – различные по своей местности, – применяясь к понятиям Христианским, более и более теряли свой первобытный характер, и друг с другом сближались: Христианство было тем центром, к которому сходились все разнообразные верования и обычаи разнородных племен» [Буслаев 1848: 93].

Ф.И. Буслаев одним из первых русских филологов обратил особое внимание на важность религиозного самосознания народа, на традиции, обычаи, верования и суеверия, нашедшие отражение в языке. Ф.И. Буслаев рассматривал фольклорные тексты различных народов, что и позволило ему говорить о тесной связи языка и культуры. Отметим, что понятие лингвокультуры в то историческое время еще не существовало. Однако работы Буслаева в парадигме гуманитарного научного знания ставили вопросы о тесном взаимодействии языка, культуры и религии.

Работы Ф.И. Буслаева опубликованы практически одновременно с научными трудами В. фон Гумбольдта, главный труд которого «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества» опубликован в 1848 г. (посмертно). Идеи фон Гумбольдта и Ф.И. Буслаева о влиянии культуры на язык, об отражении в языке «духа народа» отражают

появившиеся в научной парадигме представления о необходимости изучения национального языка в соотношении с историей, археологией, культурой.

Научная концепция Ф.И. Буслаева оказала влияние на работы всех филологов своего времени, в том числе и на труд Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» (1869), который в названной работе по сути повторил и обосновал тезис Ф.И. Буслаева о влиянии религии на культуру русского народа, этим он объясняет терпимость и благожелательность русских людей по отношению к людям других религий и культур: «Религия составляла и для русского народа преобладающий интерес во все времена его жизни. Но он не ожидал проповеди энциклопедистов, чтобы сделаться терпимым. Терпимость составляла отличительный характер России в самые трудные времена» [Данилевский 1991: 187]. Н.Я. Данилевский утверждал, что у России своя история и свой собственный путь развития, при этом Россия не оторвана от мировой цивилизации, но идет своим путем, полагая, что эта самобытность закреплена в языковом сознании народа; он писал о том, что Россия должна сохранять «самобытный дух», что дает возможность и далее развивать российскую цивилизацию.

Во второй половине XIX в. в российском языкознании значительное место занимают труды А.А. Потебни, который во многом основывался на концепциях В. фон Гумбольдта и Ф.И. Буслаева о взаимосвязи и взаимозависимости языка и культуры.

А.А. Потебня соглашается с Ф.И. Буслаевым, Н.Я. Данилевским, А.С. Хомяковым в том, что религия во многом определяет язык и соответственно народное искусство, поскольку в ней заключены мировоззренческие основы народной культуры: «Сначала все искусства служат если не исключительно, то преимущественно религии, которая развивается только в языке и поэзии. <...> народная поэзия, как и язык, есть произведение безличного творчества, <...> зодчество, ваяние и живопись предполагают уже обособление и выделение из массы личности художника, следовательно, возможность значительной степени самосознания и познания природы, коим начало полагается языком» [Потебня 1999: 174].

А.А. Потебня рассматривал особенности языка прозы, поэзии, науки и пришел к выводу, что многое зависит от внешней и внутренней структуры слова (что, несомненно, связывается с национальным языком). В некотором смысле парадоксальной может показаться утверждение А.А. Потебни о том, что именно поэтическое слово лежит в основе языка, оно имеет символическое значение, это своего рода знак культуры и искусства, средство создания поэтического образа.

А.А. Потебня, с одной стороны, полагал, что внешняя форма слов различна в языках народов мира, но едины многие общечеловеческие понятия, едина логика человеческого познания: «Логика одна и одни формы мысли у всех народов; поэтому и языки, органические воплощения мысли, должны бы различаться между собой только по звукам, а не по значению своих форм, должна существовать одна грамматика (философская, как ее называли в старину), равно обязательная для всех языков» [Потебня 1999: 21]. Но, с другой стороны, А.А. Потебня в работе «Язык и народность» (1895) справедливо утверждал, что «язык не есть только известная система приемов познания, как и познание не обособлено от других сторон человеческой жизни. Познаваемое действует на нас эстетически и нравственно. Язык есть вместе путь осознания эстетических и нравственных идеалов, и в этом отношении различие языков не менее важно, чем относительно познания» [Потебня, электронный ресурс]. А.А. Потебня полагает, что получение знаний человеком связано с национальным языком, в котором отражаются уникальные «эстетические и нравственные» идеалы народа, то есть культура народа.

Укажем, что и Ф.И. Буслаев и А.А. Потебня при рассмотрении вопросов о корреляции, взаимосвязи языка и культуры народа, о национальных особенностях, отраженных в структуре языка, высказывают сходные суждения с концепцией И.И. Срезневского. В фундаментальном труде «Мысли об истории русского языка» И.И. Срезневский писал: «Народ выражает себя полнее и вернее в языке своём. Народ и язык, один без другого, представлен быть не может» [Срезневский 1959: 16]. И.И. Срезневский продолжает и развивает мысли о прямой связи народа и его языка: «Язык не принадлежит частному человеку, (а народу). У всякого народа

необходимо один, свой язык, нераздельная собственность всего народа [Язык и народ, один без другого, представлен быть не может]. Язык и народ как бы две стороны одной ветви: язык – дух, народ – тело, мертвое без этого духа» [Срезневский 1959: 96]. В сущности, И.И. Срезневский пишет об отражении в языке «души народа», что, несомненно, связывается с народной культурой, верованиями и традициями.

Работы И.И. Срезневского, опубликованные в период с 1832 по 1880 гг., свидетельствуют о концептуальном единстве в российской лингвистике в отношении характеристик взаимосвязи языка и культуры народа. Российские лингвисты середины XIX в. признавали несомненную зависимость языка от национальных мировоззренческих основ культуры народа. Рассуждая о возможности создания общего для всех народов языка, А.А. Потебня указывает, что это ничего не даст человечеству, кроме «понижения уровня мысли»: «Рассматривая языки, как глубоко различные системы приемов мышления, мы можем ожидать от предполагаемой в будущем замены различия языков одним общечеловеческим – лишь понижения уровня мысли» [Потебня, электронный ресурс].

Рассматривая взаимодействие национальных (народных) культурных особенностей и языка, А.А. Потебня писал: «...народность есть великий исторический двигатель, потому что служит средством образования единства других связей между членами одного и того же народа: единство веры, образованности и пр. Народность есть стимул, действующий с появления человеческих обществ, и при том независимо от того, сознаются ли разделяющие ее особенности или нет» [Потебня, электронный ресурс]. Таким образом, в концептуальных работах А.А. Потебни содержатся утверждения в взаимосвязи языка, народности, культуры, образа мысли нации. Эти суждения о народе, языке и культуре в диахронии развивались в российской филологии XIX–XX вв. в ряде работ российских ученых как комплекс вопросов, связанных с историей языков, типологическими характеристиками языковых семей и языковых групп. Сравнительно-сопоставительные исследования развития различных языков в

диахронии невозможны без учета особенностей культурно-исторического развития.

Научная концепция Ф.Ф. Фортунатова по генеалогической классификации языков связывается с общностью отдельных грамматических, фонетических, синтаксических особенностей языков. Но, помимо этого, Фортунатов обращает внимание на связь языка и мышления народа, создавшего язык, что увязывается с особенностями культурно-исторического развития нации, народа, этнической группы [Фортунатов 2010].

Система научных взглядов и теоретических положений Ф.Ф. Фортунатова опосредованно получила развитие в научной теории А.А. Шахматова, который при изучении вопросов, связанных с историей русского языка, а также вопросов сравнительно-сопоставительного изучения генетических родственных или не связанных между собой языков, обращал особое внимание на культурно-исторические основы мировоззренческой парадигмы народов. Русский язык А.А. Шахматов предлагает изучать в рамках комплексного подхода с учетом истории русской государственности, русской культуры, этапов духовного и религиозного развития, просвещения русского народа. Он писал о том, что любой исследователь истории русского языка должен быть знаком с русской историей, культурой и бытом народа, «...хорошо знаком со всей Россией вообще», «к малейшим извилинам бытовой жизни русского народа» [Шахматов 1915: 356]. А.А. Шахматов основывал свои суждения на материалах по истории русского языка, а также результатах диалектологических экспедиций в отдаленные уголки Российской империи. Диалектная лексика давала основание говорить о теснейшей взаимосвязи языка, мышления и материальной культуры народа. Говоря о русском языке, А.А. Шахматов указывает, что «русский литературный язык представляет явление глубокого культурно-исторического интереса. Едва ли какой-либо другой язык в мире может быть сопоставлен с русским в том сложном историческом процессе, который он переживал» [Шахматов 1939: 8].

Рассмотрение историко-лингвистических основ возникновения в русской лингвистике отдельного направления – лингвокультурологии невозможно без учета концепций В.В. Виноградова и Д.С. Лихачева.

В трудах В.В. Виноградова отмечается связь национального языка и культуры и указывается на то, что национальный язык составляет базу культуры, ее основу: «Язык – не только мощное орудие культуры, не только важнейший фактор духовного развития нации, но и очень активная и выразительная форма национального творчества, национального самосознания» [Виноградов 1945: 3].

Рассматривая вопросы истории русского языка, лексикологии, фразеологии, морфологии В.В. Виноградов постоянно прямо и опосредованно возвращается к вопросу о взаимосвязи языка и культуры, об отражении национально-культурных особенностей в структуре языка. Так, в учении о фразеологии как особой лингвистической дисциплине, В.В. Виноградов обращает особое внимание на национально-культурную специфику фразеологических единиц, репрезентирующих культурную информацию, особое внимание уделяя анализу пословиц и поговорок, которые зафиксировали определенную ценностную парадигму русского национального взгляда на мир [Виноградов 1945].

В.В. Виноградов в ряде работ обосновывает понятие *языковая культура*, которую он понимает как «сложную систему отвлеченных идей (государственных, общественно-политических, лично-нравственных, художественных) и форм их выражения, которая вырабатывается всей жизнью нации» [Виноградов 1945: 171]. Языковая культура русского народа связана с его историей, национальными традициями, «русский язык – могучий фактор духовного единства русского народа». В русском языке, по мнению В.В. Виноградова, сконцентрирована духовная культура народа; «русский язык, будучи высшим выражением национальной русской культуры, является языком всемирного значения» [Виноградов 1945: 171]. Отметим, что сказанное В.В. Виноградовым о русском языке как основе национальной культуры в полной мере можно отнести и к китайскому языку, который китайскими учеными (Тань Аошуан, Чан Цзинъюй, Чжан Сяовэнь) рассматривается как основа уникальной национальной культуры.

Культурологическая концепция изучения языка В.В. Виноградова может считаться непосредственной основой создания особой дисциплины – русской лингвокультурологии.

Д.С. Лихачев, вошедший в историю русской филологии как исследователь древнерусской литературы, отмечал особую роль искусства (и литературы, и изобразительного искусства, и церковной архитектуры) в развитии русской национальной культуры в целом, а также в системе мировоззренческих доминант народа. В частности, Д.С. Лихачев отмечал: «...отражая мир, искусство вместе с тем его преображало, строило свои «модели» мира, боролось с хаосом формы и содержания, организовывало линии, цвет, колорит, подчиняло мир или части мира определённой композиционной системе, населяло окружающее идеями там, где их без искусства нельзя было заметить, обнаружить, открыть» [Лихачев 2006: 103].

Древнерусское искусство Д.С. Лихачев считал базисом русской культуры. По его мнению, древнерусская литература отражает морально-нравственные основы русского менталитета. Полагаем, что изучение русской паремиологической системы, основы которой также заложены в древнерусской литературе, также отражают ценностные доминанты русской культуры, о которых писал Д.С. Лихачев.

В культурологической концепции Д.С. Лихачева материальная и духовная культура рассматривается как центральная составляющая парадигмы развития народа. В статье «Ценности культуры» он утверждал: «История народов – это не история территорий, а история культуры. Ценности культуры не стареют. Искусство не знает старения. Истинно прекрасное остается прекрасным всегда. Пушкин не отменяет Державина. Достоевский не отменяет прозу Лермонтова» [Лихачев 2000: 198].

По теории Д.С. Лихачева, культура отражается в языке, в литературных произведениях, и в тоже время она формирует все сохраняемые историей искусства материальные и духовные проявления национального самосознания. Д.С. Лихачев утверждал, что русская культура должна оставаться основой нравственных ориентиров народа и с учетом исторического опыта помогать

строить общество будущего: «...размышляя о нашей культуре, нашей истории, мы не можем уйти от памяти, как не можем уйти от самих себя. Ведь культура сильна традициями, памятью о прошлом. И важно, чтобы она сохраняла то, что ее достойно» [Лихачев 2000: 198]. Рассматривая принципиально важный вопрос о взаимодействии языка и культуры, Д.С. Лихачев подчеркивает: «Язык является не просто способом общения, но неким концентратом культуры» [Лихачев 1997: 42]. Концепция Д.С. Лихачева лежит в основе лингвокультурологических исследований конца XX – начала XXI в.

Во второй половине XX в. исследования взаимосвязи языка и культуры в русском языкознании получают активное развитие, при этом возникает потребность создания особой научной дисциплины, которая бы изучала взаимодействие языка и культуры. Так, Ю.М. Лотман в ряде работ о русской литературе, в цикле лекций «Беседы о русской культуре» употребляет термин *культурология*. Как литературовед, Ю.М. Лотман рассматривал культуру как текст особого рода, писал о «текстоцентричности культуры». Согласно его концепции, культура является обязательной частью жизни любого социума, она представляет собой «сложно организованный механизм» хранения информации, для чего постоянно вырабатываются «наиболее выгодные и компактные способы», получения новой информации, шифровки и дешифровки сообщений, перевода их «из одной системы знаков в другую», иными словами, культура является сложно организованным и гибким механизмом познания [Лотман 2001: 33]. Ю.М. Лотман считает культуру «специфической человеческой формой накопления информации» в отношении естественного языка данного социума, что и определяет воспроизведение структуры языка внутренней организацией культуры [Лотман 2001: 396]: культура, будучи знаковой по своей природе, выражается посредством знаковой природы языка; они представляют собой неразрывное единство.

Идея создания культурологии как особой дисциплины высказывалась опосредованно в работах М.М. Бахтина [Бахтин 1975; Бахтин 1929] и А.Ф. Лосева [Лосев 1982; Лосев, Мелетинский, 1987]. Об этнолингвистике как особой

дисциплине писали Н.И. Толстой, В.Н. Топоров. Так, Н.И. Толстой указывал, что этнолингвистика должна изучать «язык в его отношении к культуре народа» [Толстой 1997: 197].

Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров предлагали рассматривать лингвострановедение как особую дисциплину, изучающую взаимодействие языка, культуры и национальных особенностей. По их убеждению, «...лингвострановедение, с одной стороны, соотносится с общим страноведением как совокупностью систематизированных научных знаний, овладение которой, вообще говоря, не предполагает обязательного знания национального языка, а с другой стороны, противопоставляется общему страноведению, поскольку несомая языком информация, как правило, принадлежит не к числу строго научных, а к числу обыденных знаний» [Верещагин, Костомаров 1990: 7].

В 1997 г. из печати выходит знаковая работа Ю.С. Степанова «Константы: словарь русской культуры», в которой собраны и проанализированы основные концепты русской культуры представленные как константы русского этносознания в аспекте диахронии [Степанов 1997]. Научная концепция Ю.С. Степанова положила начало развитию лингвокогнитивного исследования концептов русской культуры. Заметим, что опосредованно, лингвокультурологическая парадигма исследований отражается в научных трудах школы Н.Д. Арутюновой.

Особо следует указать важную веху в развитии лингвокультурологии – докторскую диссертацию В.В. Воробьева «Теоретические и прикладные аспекты лингвокультурологии», в которой были обоснованы предмет лингвокультурологии, цели и задачи научной дисциплины, предложена методика лингвокультурологических исследований. В.В. Воробьев поясняет, что лингвокультурология – «это комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающая этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового (культурного) содержания при помощи

системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установления» [Воробьев 1997: 36–37].

В монографии В.В. Воробьева, Е.С. Закировой, Д.Н. Скнуарева «Лингвокультурология и профессиональное общение» (2023) уточняется, что лингвокультурология – это «аспект языкознания, изучающий проблему отражения национальной культуры в языке; раздел семасиологии, так как определяет и описывает национально-маркированные языковые единицы». [Воробьев, Закирова, Скнуарев 2023: 14].

В 90-е гг. XX в. о взаимосвязи языка и культуры писали участники московской фразеологической школы В.Н. Телия, которая в свою очередь указывала, что лингвокультурология должна рассматриваться «как часть антропологической парадигмы науки о человеке, в центре которой находится феномен культуры» [Телия 1998: 222].

С.Г. Тер-Минасова в работе «Язык и межкультурная коммуникация» отмечает, что язык является «мощным общественным орудием, формирующим людской поток в этнос, образующий нацию через хранение и передачу культуры, традиций, общественного самосознания данного речевого коллектива» [Тер-Минасова 2000: 14]. В ее концепции язык и культура неразрывно связываются в единое целое, при этом, язык передает и сохраняет культурные ценности этноса.

В настоящее время в работах по истории лингвокультурологии отмечается, что в начале XXI в. «большой вклад в ее становление внесли Н.Д. Арутюнова, Н. Ф. Алефиренко, А. Вежбицкая, С.Г. Воркачев, В.Г. Костомаров, В.В. Красных, В.А. Маслова, В.Н. Телия, А.Т. Хроленко, А.Д. Шмелев и др.» [Коурова 2018: 149].

В работе «Современная парадигма лингвокультурологических исследований» В.М. Шаклеин подчеркивает, что «современная лингвокультурология выступает как новая самостоятельная парадигма исследовательского подхода и взаимосвязи языка и культуры» [Шаклеин 2003: 6–12]. Укажем, что современные лингвокультурологические исследования, действительно, выстраиваются в определенную парадигму, в рамках которой

неизменным остается исследование отражения особенностей национальной культуры в языке.

Существование лингвокультурологии как отдельной дисциплины и описание ее аппарата в конце XX в. отражено в работах школ В.В. Воробьева, В.М. Шаклеина, С.Г. Тер-Минасовой, В.Н. Телия, В.А. Масловой, Н.Ф. Алефиренко, В.В. Красных, В.И. Карасика, И.В. Зыковой, О.В. Ломакиной, Е.И. Зиновьевой и др.

О лингвокультурологии как особой дисциплине писали В.А. Маслова, Н.Ф. Алефиренко, в настоящее время издан ряд учебников и учебных пособий по данной дисциплине. В.А. Маслова в работе «Лингвокультурология» справедливо указывает, что дисциплина является частью новой антропоцентрической научной парадигмы: «Лингвокультурология — продукт антропоцентрической парадигмы в лингвистике, которая развивается в последние десятилетия», «лингвокультурология изучает язык как феномен культуры. Это определенное видение мира сквозь призму национального языка, когда язык выступает как выразитель особой национальной ментальности» [Маслова 2001: 4—5].

Рассматривая цели, задачи и проблематику новой лингвистической дисциплины, В.А. Маслова указывает на междисциплинарный характер лингвокультурологии: «Лингвокультурология – это наука, возникшая на стыке лингвистики и культурологии и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке» [Маслова 2001: 8].

Методология лингвокультурологии соотносится с философской, частной и общенаучной, при этом «методы лингвокультурологии – это совокупность аналитических приемов, операций и процедур, используемых при анализе взаимосвязи языка и культуры. Поскольку лингвокультурология – интегративная область знания, вбирающая в себя результаты исследования в культурологии и языкознании, этнолингвистике и культурной антропологии, здесь применяется комплекс познавательных методов и установок, группирующихся вокруг смыслового центра «язык и культура» [Маслова 2001: 3].

Н.Ф. Алефиренко в работе «Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка», подводя некоторые итоги обоснования существования лингвокультурологии как особой научной дисциплины предлагает следующее определение: «современная лингвокультурология – это научная дисциплина, изучающая (а) способы и средства репрезентации в языке объектов культуры, (б) особенности представления в языке менталитета того или иного народа, (в) закономерности отображения в семантике языковых единиц ценностно-смысловых категорий культуры» [Алефиренко 2010: 21]. Н.Ф. Алефиренко уточняет понятие лингвокультурологии: «Лингвокультура – неотъемлемая часть любой этнокультуры, представляющая собой синергетически возникшую амальгаму (слияние, сплав, совокупность) взаимосвязанных явлений культуры и языка, зафиксированную и освоенную определенным этноязыковым сознанием» [Алефиренко 2010: 51].

В.В. Красных писала о знаковой природе лингвокультуры, в связи с чем носители языка маркируют принадлежность «свой/чужой» не только непосредственно через языковые знаки, но и через экстралингвистические маркеры. В работе «Культура, культурная память и лингвокультура: их основные функции и роль в культурной идентификации» В.В. Красных определяет лингвокультуру как «систему представлений о действительности, облеченную в языковые знаки, присущую определенному сообществу» [Красных 2012: 73], при этом она включает в лингвокультуру «общие компоненты образа мира, формирующие его объективную составляющую» [Красных 2012: 69].

Знаковую природу национальной лингвокультуры описывают в работах по этнолингвистике китайские лингвисты, в которых перечисляются уникальные особенности китайской лингвокультуры, связанные с предметами быта, верованиями и даже особенностями обращений. Так, в книге Хань Чжэнь, Чжан Вэйвэнь «Система китайских ценностей: перевод с китайского» приводится перечень важных для китайского менталитета понятий и дается подробный лингвокультурологический комментарий. «(Ставить) впереди общественное и

только потом личное, нисколько не заботиться о себе» [Хань Чжэнь, Чжан Вэйвэнь 2020]³.

Подводя итоги рассмотрения истории развития лингвокультурологического знания в русской лингвистике, следует отметить, что ее основания были заложены в XIX в. как концептуальная основа филологических изысканий, мотивированная анализом культурных основ российской ментальности; выявлением тесной связи языка, религии и культуры; зависимостью внешней и внутренней структуры слова и национального языка. Позднее данные идеи развились в российской лингвистике как комплекс типологических характеристик языковых семей и языковых групп, что связано с историей языков, т.к. сравнительно-сопоставительные исследования в диахронии невозможны без учета особенностей культурно-исторического развития. В XX в. проблемы взаимозависимости языка и культуры поднимаются в работах, посвященных различным уровням русского языка и литературным памятникам разных эпох, возникают такие аспекты как изучение взаимодействия языка, культуры и национальных особенностей в рамках лингвострановедения; описываются культурные константы русского этносознания; на уровне фразеологии отмечается национально-культурная специфика фразеологических единиц, репрезентирующих культурную информацию, определенную ценностную парадигму русского национального взгляда на мир. Лингвокультурология имеет статус отдельной научной дисциплины с разработанным методологическим аппаратом.

1.1.3. Лингвокультурологические исследования в китайской лингвистике

История китайского языкознания насчитывает несколько тысячелетий, однако систематизация лингвистического знания началась по меркам истории Китая совсем недавно, в XIX в.

В силу исторических особенностей развития Китая и своеобразия китайской культуры изучение китайского языка (в том числе и диалектов) имело национальную специфику. На протяжении нескольких столетий до н.э. и в

³ В оригинале: 先公后私, 毫不利己 (здесь и далее – перевод автора).

последующее тысячелетие не было создано отдельной китайской грамматики (в европейском понимании), однако широко изучалось иероглифическое письмо; производилось толкование иероглифов, анализировались особенности их начертания; большое внимание уделялось смысловому толкованию древних иероглифов (схолиастике) и изучению их этимологии, а также изучалась функциональная фонетика, поскольку особенности произношения влияют на смысловое содержание китайских слов.

Уникальность китайской культуры подчеркивается в древнекитайских памятниках литературы, сохраняется в знаменитых изречениях китайских философов, в оригинальной китайской фразеологии (*чэньюй* (成语); *гуаньюньюй* (惯用语); *яньюй* (谚语); *сехоуэй* (歇后语); *сюй* (俗语)).

Со времен Конфуция в китайской культуре закрепилось и развивалось понятие китаецентризма (хотя и без употребления этого термина). В современных исследованиях указывается, что «в доконфуцианской философии самоназвания Китая соотносились следующим образом: мифические девять областей (И Чжоу, Янь Чжоу, Цин Чжоу, Сюй Чжоу, Ян Чжоу, Цзин Чжоу, Юй Чжоу, Лян Чжоу, Юн Чжоу) составляли «Чжун Го», или «Тяньцзы чжи Го» («Государство Сына Неба»), как его иначе именует Сыма Цянь. Комментатор «Ши Цзи» Чжен Сюань указывает: «Чжун (Го) – это девять областей. Тяньцзы (Сын Неба) основал свое государство...» [Липовцева 2007: 26]. В Китае всегда разделяли народы, живущие рядом, на своих и чужих, живущих за пределами китайских царств.

Учение Конфуция, которое утверждало упорядоченную социальную структуру государства, поддерживало культ императора, «Сына неба». Избранность небесами правителя Китая (согласно учению Конфуция). Все, что лежало за пределами земель, где правил сын Неба (отсюда и именование Поднебесная), считалось варварским. Поднебесная рассматривалась как центр вселенной, центр цивилизованного мира. Китайская философия признавалась единственным средоточием мудрости в мире. Именно поэтому самобытная культура Китая признавалась безусловной ценностью. Подобные философско-социальные воззрения в Китае нашли прямое отражение в изучении китайского

языка. Патриархальный уклад жизни китайского общества и традиционное изучение и развитие китайской письменности, китайской литературы были зафиксированы в древнейших китайских словарях, в которых сохранялись сотни и даже тысячи иероглифов.

Одним из первых словарей считается список иероглифов «Ши Чжоу пянь», который не дошел до настоящего времени в полном виде (предположительно, в словаре было 15 глав, но осталось 6; в словаре могло содержаться до 9 тысяч иероглифов), большая часть книги утрачена. Книга датируется 700–2000 годами до н.э. Российский ученый А.И. Кравчук, учитывая концепции китайских ученых Ван Говэйя [Ван Говэй 1959], Пань Юйкуня [Пань Юйкунь 2002], Тан Ланя [Тан Лань 2005], отмечает, что «можем считать «Ши Чжоу пянь» стандартным учебником своего времени для обучения императорских детей грамоте, лексический охват которого равен примерно 3500 словам и влияние которого замечается в более поздних памятниках, таких как толковые словари и другие учебные списки иероглифов» [Кравчук 2016: 135].

Китайские лингвисты последних десятилетий переосмысливают историю и теоретические положения китайской лингвистики. Так, Лю Синьюй отмечает: «развитие китайской лингвистики обусловлено: 1) внутренней логикой развития дисциплин: 2) социальными потребностями эпохи: например, в XVIII–XIX вв. европейские державы захватили колонии по всему миру, миссионеры отправились малоизвестные места, что способствовало академическим исследованиям других языков; 3) влиянием современных основных научных, технологических, социальных и академических идей» [Лю Синьюй 2022: 189].

Однако в этой работе речь идет о лингвистических исследованиях последнего времени, начиная с XVIII в. и до настоящего этапа развития. В настоящее время китайская лингвистика, не утрачивая богатейшего исследовательского материала, находится в русле европейского влияния, также в рамках российской научной лингвистической парадигмы. Это касается и исследований, например, фразеологии в Китае, а также и лингвокультурологических изысканий.

Как мы отметили, история лингвокультуры в Китае имеет богатую историческую традицию. Однако и в Китае, и в России лингвокультурология как отдельная лингвистическая дисциплина исследуется с конца XX в. В китайском языкознании истоки лингвокультурологии связываются с «лингвистикой культуры», в рамках которой исследуется национально-культурная специфика китайского языка в целом, лексической, фразеологической, паремиологической системы в частности.

Так, во фразеологическом и паремиологическом фонде китайского языка содержатся единицы, которые основываются на китайской мифологии, отражают традиции и обычаи народа.

Приведем пример чэньюй из словаря О.М. Готлиба и Му Хуайна «Китайско-русского фразеологического словаря»: 天之骄子 (tiān zhī jiāo zǐ) ‘Дитя – баловень Неба’ – национальное меньшинство сюнну; баловень судьбы, счастливчик.

Значение: 老天爷的宠儿。原指强盛的北方 民族匈奴，后也指得天独厚的人。

Источник: 《汉书·匈奴传上》：“南有大 汉，北有强胡。胡者，天之骄子 也。”

Пример использования: 北大是中国的最高学府，在这里 上学的是人人都羡慕的 ~。 К данному чэньюю требуется пояснение. Носители китайского языка данный фразеологизм понимают в переносном значении и знают, что сюнну — это народность, национальное меньшинство, другим же необходимы пояснения.

Лингвистика культуры связывается с публикацией монографий Син Фуйи «Лингвистика культуры» [Син Фуйи, 1990] и Шэнь Сяолун «Китайская лингвистика культуры» [Шэнь Сяолун 1990], где говорится о том, что в рамках китайской лингвистики необходимо изучать национально-культурные особенности, которые зафиксированы в языке. Заметим, что книги вышли раньше, чем была опубликована монография В.В. Воробьева «Лингвокультурология: теория и методы» (1997) и В.Н. Телия «Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты» (1998). Но работа Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова «Язык и культура: Лингвострановедение в

преподавании русского языка как иностранного: методическое руководство», увидевшая свет в 1973 г., оказала огромное влияние на становление лингвистики культуры в китайском языкознании.

Следует подчеркнуть, что китайская лингвистика культуры, хотя и испытала влияние русской школы лингвокультурологии, опирается на еще более раннюю работу 1950 г. — книгу «Язык и культура» (语言与文化 1950, 北京大学出版社), созданную китайским лингвистом Ло Чанпей (罗常培). Именно эта книга считается первой научной работой последнего времени по китайской лингвокультуре. В монографии рассматривается несколько аспектов отраженной языке истории культуры Китая. Одним из самых значительных наблюдений является рассмотрение этимологии ряда слов древнего китайского языка. Так Ло Чанпей указывает: «В различных языках современное значение многих слов значительно отличается от их первоначальной семантики. Если мы не знаем их культурного происхождения, то будет трудно понимать связь между современными и первоначальными значениями. Только выяснив процесс изменений значений слов, можно не только обнаружить интересные семантические перемены, но и этапы развития культуры» [Ло Чанпей 2003: 3].

Ло Чанпей обращает внимание также на историческое прошлое Китая и формирование единого китайского народа, в состав которого влились помимо народности хань еще несколько десятков племен, полагая, что следы исторического прошлого можно проследить по истории и этимологии имен и фамилий в китайском языке в целом и в диалектах в частности: «Китайский народ был образован в результате слияния многих племен. Хотя эти племена уже существенно китаезированы, иногда в фамилиях все еще можно обнаружить их национальное происхождение» [Ло Чанпей 2003: 81].

В предисловии к переизданию книги Ло Чанпея «Язык и культура» приводятся слова китайского лингвиста Ван Ли, который считается создателем современной китайской лингвистики: «Достижения Ло Чанпея имеют эпохальное значение. Он является первым, кто применил лингвистические теории в языковом исследовании. В то время это было новым путем. Он переходил от исследования

языка к исследованию связи между языком и культурой. Книга «Язык и культура» является именно свидетелем такого перехода. Кроме того, он переходил от исследования диалектов китайского языка к изучению языков малых народностей» [Ло Чанпей 2003: 1—2].

Современные исследователи лингвокультурологии обращаются к книге «Язык и культура». Так в статье Фэн Юэ «Специфика лингвокультурологических исследований в современном Китае (на материале книги Ло Чанпэя «Язык и культура») отмечается: «Книга Ло Чанпэя «Язык и культура» является беспрецедентной работой в китайской лингвистике. Она заложила основу для дальнейшего развития лингвокультурологии в Китае, которая приобрела особое значение в 1980-х гг.» [Фэн Юэ 2019: 377].

Хотя в названных китайских монографиях определен предмет изучения взаимодействия языка и культуры, описаны методы, поставлены цели и задачи новой дисциплины, все же следует указать, что в 1985 г. под влиянием работы Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова была опубликована статья Цзи Юаньлуна «Новая лингвистическая дисциплина – лингвострановедение русского языка» [Цзи Юаньлун 1985: 48–49], где показано, что при изучении русского языка китайскими студентами необходимо изучать основы русской культуры, в противном случае многие оттенки значений лексических единиц остаются неясными. Особенно следует обращать внимание на реалии русской жизни, которые совершенно чужды китайскому народу в силу значительных различий в образе жизни и ментальности.

Развивая концепцию Цзи Юаньлуна Линь Баосюань предлагает разработать концепцию и практические рекомендации по реализации русского лингвострановедения «с китайской спецификой» [Линь Баосюань 1994: 38—41].

К вопросу о соотношении лингвокультурологии и лингвострановедения как особых дисциплин китайские ученые обращаются и в начале XXI в. Так, например, профессор Сучжоуского университета Чжао Айго в ряде работ утверждает (в частности в статье «От лингвострановедения к лингвокультурологии» [Чжао Айго 2007: 28–32]), что лингвистика культуры связана с межкультурной коммуникацией и лингвострановедением. Полагаем, что

Чжао Айго указывает на прикладной характер лингвокультурологии, которая важна для изучения русского языка с целью налаживания продуктивного межкультурного диалога русского и китайского народов.

В работе Чжао Миншаня о предмете лингвокультурологических исследований «Область исследований лингвокультурологии» указывается: «лингвокультурология как новая наука интерпретирует культуру через язык, который помогает раскрыть сущность национальной культуры. В основе этой дисциплины лежит то, что язык и культура неразрывно связаны: с одной стороны, язык является носителем культуры, с другой стороны, культура имеет существенные ограниченные возможности в языке и развитии речи [Чжао Миншань 1998: 44].

Помимо рассмотрения различных аспектов культурологической лингвистики ряд китайских исследователей предлагает системный подход к изучению взаимодействия языка и культуры, так в монографии У Гуохуа и Пэн Вэньчжан «Лингвострановедение» появляется термин *лингвокультурологическая система* [У Гохуа, Пэн Вэньчжан 2001].

Лю Хун в работе «Формирование лингвострановедческой компетенции китайских студентов-филологов на начальном этапе обучения русскому языку» утверждал: «...лингвострановедение рассматривается, в частности, как раздел семантики, в котором означаемое словесного знака содержит информацию об особенностях отражения действительности и ее познания той или иной лингвокультурной общностью; содержание языковых знаков определяет разность национальных языковых картин мира» [Лю Хун 2001: 4].

Пэн Вэньчжан, продолжая исследования в области лингвострановедения и лингвокультуры, указывает, что лингвокультурологию можно рассматривать как междисциплинарную отрасль знания, в рамках которой можно изучать мировоззренческие основы национального самосознания, так называемое «лингвистическое мировоззрение». В статье «Лингвокультурология как лингвокультурологическая герменевтика» высказывается гипотеза о том, что лингвокультурология может рассматриваться в аспекте герменевтики, поскольку

основой лингвокультурных знаний является понимание культурных особенностей народа и их интерпретация [Пэн Вэнчжао, Лю Линг 2006: 27].

Отметим, что китайская *культурологическая лингвистика* в российской лингвистике воспринимается как особое направление китайской лингвокультурологии. Так, в монографии У Хао и Ю.Е. Юркова «Мир русской природы в аспекте лингвокультурологии» данный термин употребляется как синоним лингвокультурологии [У Хао, Юрков 2006].

В начале XXI в. в Китае, как и в России появляется ряд работ, в которых исследуется отражение национального менталитета в языке. Изучение системы национальных ценностей и их репрезентация в ключевых концептах культуры дает возможность для проведения сравнительных исследований ценностной парадигмы народов. В 2004 г. издана книга известной китайской исследовательницы Тань Аошуан «Китайская картина мира: мира: язык, культура, ментальность» [Тань Аошуан 2004], в которой рассматриваются особенности китайского мировоззрения, аксиологическая система, в которой отражается ценностная структура китайской лингвокультуры: «...в языковом сознании носителя отдельно взятого языка зафиксирован свой способ видения мира, совпадающий или не совпадающий со способом видения мира носителем другого языка. Близость картин мира определяется сходством традиций, обусловленным общностью культур и цивилизаций и исторического опыта народов. Это позволяет говорить о существовании внутренней семантической типологии, характеризующей способы концептуализации мира» [Тань Аошуан 2004: 106]. Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает раздел монографии, в котором рассматривается «Ментальность Срединного пути», а также вторая часть книги – «Культурные категории»: здесь содержится лингвокультурологическая информация, позволяющая не носителям китайского языка сформировать представление об особенностях лингвокультурных коннотаций важнейших концептов.

С начала XXI в. в китайско-русском языкознании было создано достаточно большое количество работ, в которых рассматриваются не просто теоретические

основы лингвистики культуры Китая, но и анализируются отдельные концепты китайской лингвокультуры, что помогает сравнить русскую и китайскую языковую и концептуальную картины мира.

Лю Цзюань отмечала, что в рамках лингвокультурологии существует два подхода, «связанных с взаимоотношением языка и культуры, — лингвострановедческий и концептный». Лю Цзюань констатирует, что изучение концепта «путешествие» возможно в рамках лингвокультурологии, которая интегрирует «достижения лингвострановедения, сопоставительной семантики, когнитивной лингвистики, а также смежных с языкознанием наук — культурологии, философии, психологии [Лю Цзюань 2004: 2].

Работа Лю Цзюань стала одним из первых научных сочинений, в которых в сравнительно-сопоставительном плане исследовались концепты китайской лингвокультуры на фоне русского языка. К настоящему времени подобных работ о национально-культурном своеобразии китайских концептов множество. Особенно широко исследуется область фразеологии и паремиологии китайской лингвокультуры, так как в устойчивых оригинальных единицах отражается традиционный китайский взгляд на жизнь и особенности мировосприятия.

Так, в диссертации Ма Сянфэй (2018) «Стереотипные представления об осадках в русской лингвокультуре на фоне китайской (на материале устойчивых выражений)» репрезентируется лингвокультурологический подход «к устойчивым сочетаниям русского языка и явлениям современного дискурса носителей русского языка, демонстрирующим вербализацию стереотипных представлений об осадках, и их исследование на фоне аналогичного китайского материала»; по мнению автора это «позволит выявить некоторые общие и специфические черты мировосприятия, отраженные в рассматриваемых языковых единицах, особенности универсального и национально-специфического в осмыслении важного фрагмента языковой картины мира». Эти тезисы составляют гипотезу диссертации Ма Сянфэй [Ма Сянфэй 2018: 4].

Многие современные исследователи истории китайского лингвострановедения, лингвистики культуры, лингвокультуры отмечают, что

«лингвокультурология как новая отрасль лингвистики была хорошо разработана за последние 30 лет. Все большее число исследователей фокусируется на данном объекте в целях содействия его развитию. Но для того, чтобы способствовать развитию лингвокультурологии, важно осознать, прежде всего, что она представляет собой проблему многоуровневого взаимодействия [Лю Чаоцзе 2018: 69].

Таким образом, за последние десятилетия в китайском языкознании утвердилось понятие лингвокультуры и лингвокультурологии (а также лингвистики культуры и страноведения), усложнился научный аппарат исследований, появились новые методики, сложилась общепринятая терминология дисциплины. Основное различие в подходах мы увидели в том, что российская традиция основывается на понимании лингвокультуры как лингвистической науки о проявлении культуры народа, которые отразились и закрепились в языке; китайская традиция понимает лингвокультуру как междисциплинарную отрасль знания, в рамках которой изучаются мировоззренческие основы национального самосознания, понимание культурных особенностей народа и их интерпретация. Проведенные многочисленные исследования в области компаративного анализа особенностей национальной картины мира китайского народа в сравнении с русской картиной мира позволили выявить универсальные и уникальные особенности кода этнокультуры двух народов.

1.2. Паремии в языковой системе русского и китайского языков

1.2.1. Паремиология как часть фразеологической системы русского языка

Паремиология любого языка связана особым образом с системой мировоззренческих доминант, она фиксирует в синхронии и диахронии ценностные ориентиры этноса. Ценностная парадигма российской лингвокультуры репрезентируется в пословицах и поговорках, в идиомах, в крылатых выражениях и афоризмах. Н.Ф. Алефиренко и Н.Н. Семененко указывают, что паремии выполняют особую функцию осмысления культурных

оценок поведения человека «в определённых стереотипных ситуациях и полифонией их интерпретаций» [Алефиренко, Семененко 2017: 44].

М.Л. Ковшова привлекает внимание к тому факту, что паремии являются частью кода пространства лингвокультуры, выражая особенности этнической ментальности [Ковшова 2019]. «Паремии характеризуют стереотипную ситуацию (поговорки, устойчивые сравнения, загадки), либо предлагают стереотипную модель осмысления той или иной ценности (пословицы, приметы)» [Алефиренко, Семененко 2017: 44].

В российской лингвистической традиции существует широкий и узкий взгляд на паремии и их место во фразеологической системе языка. При широком подходе паремии, наряду с крылатыми выражениями и афоризмами, включаются в состав фразеологической системы языка, при узком подходе паремии рассматриваются как особое явление вне рамок фразеологии.

Паремиология представляет собой сложную структуру, отражающую осмысление этносом модели мироустройства и ценностных стереотипов – имеет системный характер: обладает такими чертами, как «многозначность, гиперогипонимические отношения, синонимия, антонимия», наличием трансформационного, лингвокультурологического и лингвоаксиологического потенциала [Ломакина 2024: 53].

Паремии сложны тематически и зачастую амбивалентны по семантике, и их теоретическая интерпретация также неоднозначна. Н.Н. Семененко отмечает: «...паремии выражают базовые ментальные установки этноязыкового сознания, способствуют инкультурации личности в ходе овладения компромиссной моралью, требующей всесторонней оценки ситуации. Формально догматичные, пословицы допускают заметную «гибкость» в оценке и полифонию в репрезентации ценностей культуры» [Семененко 2017: 2].

Одной из самых значительных классификаций пословиц является научная концепция Г.Л. Пермякова, который рассматривал паремии в контексте фразеологии, однако обращал внимание и на обособленность паремиологического фонда языка в системе устойчивых воспроизводимых единиц языка и речи. В

частности, Г.Л. Пермяков отмечал: «... пословицы и поговорки – явления языка, устойчивые сочетания, во многом сходные с фразеологическими оборотами. <...> это логические единицы, выражающие то или иное суждение. <...> художественные миниатюры, в яркой, чеканной форме обобщающие (а точнее, моделирующие) факты самой действительности» [Пермяков 1988: 14].

Г.Л. Пермяков, анализируя внимание на тематическое (даже концептуальное) сходство паремий разных народов, практически не контактировавших друг с другом, объясняет это тем, что общая семантика пословиц объясняется сходством в логическом содержании. По мнению Г.Л. Пермякова, поскольку в паремиях отражаются отношения между вещами реальной действительности, то они естественным образом фиксируют общность взглядов представителей различных народов. При этом отмечается, что особенности пословиц — только в отражении этнореалий, в образном строе, географической специфике. Г.Л. Пермяков считает, что пословицы и поговорки всего мира отражают универсальные общечеловеческие ценности, чем и объясняется их концептуальное сходство в отражении основных ценностных доминант. Г.Л. Пермяков указывает: «В пословичном фонде любого языка можно найти соответствия для каждой пословицы и поговорки другого языка. Но именно соответствие, а не точно такую же пословицу. У них будет тот же смысл, то же соотношение объектов, но сами эти объекты (реалии) будут иными» [Пермяков 1988: 22].

В работе Г.Л. Пермякова предлагается считать пословицы, выражающие отношение к каким-либо жизненным ситуациям, вариантами, а их конкретное национально-культурное содержание (с этнореалиями) — инвариантами. В соответствии с концепцией универсальных моделей пословиц, Г.Л. Пермяков предлагает классификацию, которая бы учитывала именно модели жизненных ситуаций. Для этого он разделяет весь пословичный фонд (на материале пословиц народов Востока) на логико-тематические группы. Отмечается, что все логико-тематические группы можно разделить на четыре класса, построенных по единым логическим схемам. Пермяков также обращал внимание и на тот факт, что инварианты пословиц свойственны всем языкам.

Отметим, что согласно концепции Г.Л. Пермякова пословицы являются клишированными языковыми единицами, своего рода знаками культуры и составляют «паремиологический уровень языка». По сути, Г.Л. Пермяков обосновывает существование особого языкового уровня устойчивых (по его терминологии – клишированных) единиц, в которых выражается отношение народа к типичным жизненным ситуациям. То есть паремиологический уровень языка отражает мировоззренческие основы воззрений и оценок этноса.

Паремиологический фонд любого языка отражает оценку этносом определенных жизненных ценностей, качеств человека, предлагает пути решения проблем в каких-либо ситуациях, определяет поведение человека в семье и обществе, демонстрирует устойчивую систему семейных и социальных институтов, репрезентирует гендерные стереотипы (отметим, что в китайской и русской лингвокультуре отражается андроцентрический мир, то есть в поговорках в основном отражен мужской взгляд на мир).

В российском языкознании помимо ставшей классической концепции трактовки поговорок Г.Л. Пермякова существует значительная теоретическая литература о пословицах и поговорках. Рассмотрим современные концепции, касающиеся сущностных характеристик поговорок. В работах В.М. Мокиенко [Мокиенко 1999, 2007, 2010, 2015], Л.Б. Савенковой [Савенкова 2002], Т.Г. Бочиной [Бочина 2022, 2024], О.В. Ломакиной [Ломакина 2010, 2016, 2018, 2024], Н.Ф. Алефиренко [Алефиренко 2010, 2017,], В.П. Жукова [Жуков 2004], Н.Н. Семенов [Семенов 2017], Е.Н. Селиверстовой [Селиверстова 2009, 2017], Е.Е. Иванова [Иванов 2007, 2015, 2021], М.Л. Ковшовой [Ковшова 2019] пословицы и поговорки рассматриваются как часть особой лингвистической дисциплины – паремиологии. Паремиология включает в себя и пословицы, и поговорки, при этом соотносится с фразеологической системой языка, так как пословицы и поговорки являются устойчивыми воспроизводимыми единицами языка и речи. Воспроизводимость, как известно, является сущностным признаком (наряду с лексикализированностью, устойчивостью, семантической целостностью, идиоматичностью) всех фразеологических единиц, поэтому ряд российских и

китайских ученых полагают, что пословицы и поговорки возможно включать в состав фразеологической системы при широком ее понимании. Пословицы хранятся в сознании носителей языка в готовом виде и не просто воспроизводятся, но являются своеобразным строевым элементом языка.

Современные ученые фразеологи и паремиологи признают, что статус паремий (пословиц и поговорок) в настоящее время не определен окончательно, так как существует множественность толкований терминов. Так, Л.Б. Савенкова отмечает, что сложность определения паремиологической терминологии заключается в том, что лингвистический термин *пословица* функционирует в национальном языке как общеупотребительная лексема, обозначая народное понимание пословицы как изречения назидательного характера [Савенкова 2002].

Понимание пословиц и поговорок в русском языкознании претерпевало значительные изменения в диахронии. Так, например, В.И. Даль полагал, что сущность пословиц — это «...коротенькая притча, суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот», *поговорка* же — «окольное выражение, переносная речь, простое иносказание, способ выражения, но без притчи, без суждения, заключения... это одна первая половина пословицы» [Даль 1957].

Исторические изменения понимания сущности пословиц и поговорок определяют многозначность и современных представлений о паремиях. Л.Б. Савенкова определяет сущность пословицы: «...устойчивое в языке и воспроизводимое в речи анонимное обобщающее изречение, хотя бы часть элементов которого наделена переносным значением и которое пригодно к использованию в дидактических целях» [Савенкова 2002: 100]. В работе Л.Б. Савенковой паремия определяется и с точки зрения семиотики. В этом случае паремия (термин используется как обобщенное именование пословиц и поговорок) трактуется следующим образом: «Паремия может быть охарактеризована как двуединая сущность, устойчивое материально-идеальное единство означаемого и означающего, соотносимое не с элементом, а с отдельным фрагментом внеязыковой реальности» [Савенкова 2002: 10]. В семиотической

концепции характеристики паремий Л.Б. Савенковой речь идет, прежде всего, о знаковой природе паремий, которые осмысливают реальную действительность, помогают проецировать народный опыт на реальную жизненную ситуацию. Таким образом автор подчеркивает важность пословиц и поговорок для определения ценностных приоритетов социума.

По мнению Л.Б. Савенковой паремии репрезентируют модели жизненных ситуаций и помогают оценивать их, предлагая варианты разрешения жизненных проблем (показывая «идеалы» национальной аксиологической системы ценностей); интересным представляется наблюдение автора о преобладании (частотности) паремий морально-нравственного характера в паремиологической системе русского языка XIX в., что свидетельствует о важности морально-нравственных ценностей в языковой и концептуальной картине мира русского этноса. При этом автор отмечает частотность пословиц о семье.

В паремиологической модели описания пословиц и поговорок В.П. Жукова, которая была воплощена в «Словаре русских пословиц и поговорок» (1967), автор предлагает оригинальную концепцию трактовки их сущностных характеристик и отличия. В.П. Жуков полагал, что пословицы представляют собой народные изречения (образные и безобразные), имеющие структуру предложения и обладающие переносным значением, а поговорки он рассматривал как народные изречения, имеющие прямое значение. В словнике названного лексикографического труда собраны паремии, а также особый тип паремий, который автор называет пословично-поговорочными выражениями, которые понимаются как некий переходный тип, в котором сохраняются признаки и пословиц, и поговорок. Эти выражения воспринимаются носителями языка в переносном употреблении, а отдельные лексемы в них сохраняют прямое значение. К пословично-поговорочным выражениям В.П. Жуков относил, например, такие частотные народные изречения как: *Хороша Маша, да не наша; Большому кораблю – большое плавание* [Жуков 2004].

С точки зрения Н.Ф. Алефиренко, пословицы представляют собой воспроизводимые единицы фольклорного происхождения (основная часть

пословиц русского языка формировалась на протяжении столетий). Пословицы, по его мнению, являются суждениями и независимы от контекста (они воспроизводятся в «готовом» виде), обязательно имеют переносное значение и подтекст. Н.Ф. Алефиренко указывает, что следует отличать пословицы и поговорки, так как поговорки не равны суждению, соотносятся с понятиями, а также зависимы от внешнего контекста [Алефиренко 2010: 249].

Согласно концепции Н.Н. Семененко: «Пословица — паремический жанр, с помощью которого формируются стереотипные оценки и рекомендации относительно типичных жизненных ситуаций. У пословиц базовыми семантическими признаками являются: (а) обобщенная природа значения; (б) «прозрачная» метафорически организованная внутренняя форма; (в) поликонцептуальность смысловой структуры» [Семененко 2017].

Следует указать, что обобщенная природа семантики в пословицах и поговорках о родителях является основой концептуальной картины мира многих народов, поскольку семья по сути определяет структуру общества, что является несомненным для китайского и русского этноса.

В.М. Мокиенко, являющийся автором ряда паремиологических словарей, полагает, что паремиология включает в себя и пословицы, и поговорки, и антипословицы, а также предлагает дефиниции данных сложных понятий. По его мнению, пословица: «Логически законченное образное или безобразное изречение афористического характера, имеющее назидательный смысл и характеризующееся особой ритмической и фонетической организацией» [Мокиенко 2010: 10]. Также пословицей В.М. Мокиенко называет: «...минимальный художественный текст и как таковой она, в отличие от такой строевой единицы языка, как слово, воспринимается индивидуально, избирательно» [Мокиенко 2010: 16]. Поговорки В.М. Мокиенко предлагает отличать от пословиц, так как они традиционно рассматриваются как фразеологизмы, включают и устойчивые сравнения. [Мокиенко 2010: 10]. В монографии «Образы русской речи» В.М. Мокиенко указывает: «Пословица отличается от поговорки законченностью мысли, поговорка выражает понятие, пословица – суждение» [Мокиенко 1999: 10].

В паремиологической системе практически всех языков с середины XX в. появляются пословицы, в которых традиционные ценности подвергнуты сомнению, в некоторых случаях они осмеяны и искажены. Подобные речевые единицы, согласно паремиологической теории американского ученого В. Мидера, именуются антипословицами. Х. Вальтер и В.М. Мокиенко предлагают антипословицами считать изречения юмористического характера, в которых сохраняется форма исходной паремии, ритмическая и фонетическая организация. Например, в словаре «Антипословицы русского народа»: *В гостях хорошо, а дома интернет; И зажили они: ни в сказке сказать, ни в налоговой объяснить; На ловца и халява бежит; Незванный гость хуже спама* [Антипословицы русского народа 2005].

Характеристика существенных отличительных признаков пословиц и поговорок в российском языкознании последних лет сопряжено с описанием паремиологической системы (паремиологического фонда), а также с решением вопроса о существовании паремиологического минимума. Это понятие ввел Г.Л. Пермяков, который в ходе лингвистического эксперимента с опросом носителей языка выявил, что существует некий минимум из примерно трехсот пословиц, которые знали все опрошенные. В ходе этого же эксперимента Пермяков выявил, что около пятисот пословиц составляют «обязательный» паремиологический фонд языка.

Понятие паремиологического минимума до сих пор вызывает споры, так как из-за субъективных факторов практически невозможно установить его состав и объем. Кроме того, паремиологический эксперимент Г.Л. Пермякова позволяет оценивать и анализировать паремиологический фонд русского языка определенной эпохи (третьей четверти XX в.) в синхронии. В диахронии эти данные могут меняться, что подтверждается данными историко-этимологических комментариев в словарях пословиц и поговорок.

В работах Е.Е. Иванова дается определение паремиологического фонда: «Паремиологический фонд — корпус пословиц, которые являются употребительными, а это значит содержательно актуальными для носителей языка

на различных этапах его исторического развития, включая современный период. Такие пословицы находятся вне исторической динамики языка и могут рассматриваться (с известной долей условности) как паремиологическая константа» [Иванов 2015].

Е.Е. Иванов рассматривает паремиологический фонд как лингвистическую категорию и предлагает систему категориальных признаков, позволяющих объединить пословицы. «Категориальным признаком единиц основного паремиологического фонда следует считать их вневременной характер (устойчивость во времени), поэтому главным критерием включения той или иной пословицы в состав основного паремиологического фонда», — считает Е.Е. Иванов [Иванов 2015].

О.В. Ломакина использует понятие концентра для обозначения актуальных для современных медиа крылатых единиц [Ломакина, Мокиенко 2019: 262]. Представляется, что данный термин можно использовать применительно к паремиологическому фонду при выявлении наиболее употребительных, в т.ч. в трансформированном виде, единиц. [Ломакина 2019]

В работах Е.И. Селиверстовой предложено понятие паремиологическое пространство, что представляется продуктивным в отношении системного изучения пословиц и поговорок, объединенных тематической общностью. Под паремиологическим пространством понимается совокупность (система) пословиц, которые объединены в единую парадигму и обнаруживают общность на различных ярусах языковой системы (лексическом, семантическом и даже синтаксическом) [Селиверстова 2017].

Паремиологические исследования последнего времени зачастую посвящены проблемам описания национально-культурной специфичности и универсальности пословичного фонда различных языков. Так, в коллективной монографии «Паремиология на перекрестках языков и культур» отмечается, что в различных языках выявляются *уникальные пословицы*, которые можно выявить только на фоне других языков, они не имеют аналогов ни по структуре, ни по семантике в других языках. Помимо уникальных пословиц, авторы выделяют национально-

специфические пословицы, которые отражают лингвокультурную специфичность; в этих пословицах частотны лингвокультурные маркеры. Авторский коллектив придерживается мнения, что в паремиологическом фонде различных языков встречаются *пословицы, общие с другими языками*. Такими единицами признаются пословицы, которые имеют полные либо частичные аналоги (структурные или семантические), «хотя бы в одном другом языке» [Паремиология на перекрёстках языков и культур: монография 2021: 24].

В группе пословиц, общих с другими языками, выделены две группы: интернациональные паремии и универсальные паремии; интернациональными признаются единицы, которые употребляются не только в генетически родственных языках, но и языках, носители которых просто имеют языковые контакты. Универсальными считаются паремии, которые семантически сходны, но при этом употребляются в языках, которые генетически не родственны, а их носители практически не имели прямых языковых контактов.

Изучение паремий в сравнительно-сопоставительном аспекте позволяет выявить общее и специфическое при анализе образов, структурных моделей, понятий. В зависимости от задач исследования выделяется сравнительно-сопоставительная лингвокультурология и лингвоаксиология, где исследователи анализируют паремии с учётом алгоритмов и элементов лингвокультурологического и лингвоаксиологического анализа: паремии изучаются в как передающие культурные стереотипы и демонстрирующие иерархию аксиологических ценностей [Бредис, Иванов 2022; Ломакина 2021, 2024; Нелюбова 2025].

Большое количество трудов посвящено сравнению тематических особенностей паремиологических систем русского и китайского языков: различным аспектам исследований паремий китайского языка на фоне русского / китайского языков [Юань Лиин 2016; Шан Вэньцин 2022; Нань Яньхуа 2022; Хо Сяоцзун 2022; Лю Юэ 2024], в т.ч. в лингвокультурологическом аспекте [Бредис, Ломакина, Сюэ 2023; Гоу 2022; Комова и др. 2021].

Таким образом, при изучении паремий в российском языкознании следует утверждать, что их исследование имеет давнюю традицию, которая до настоящего времени характеризуется терминологической неоднозначностью. Пословицами мы считаем устойчивое и воспроизводимое логически законченное изречение, обладающее ритмической структурой, в котором может содержаться / не содержаться образ; пословицы подвергаются трансформации, в русском языке распространены варианты пословиц. Поговорки, следуя научной концепции В.М. Мокиенко, мы определяем, как фразеологические единицы, существенно отличающиеся от логически законченных изречений, т.е. пословиц. В нашем исследовании паремии понимаются как особые единицы языка, содержанием которых признается краткое образное вербальное выражение традиционных ценностей и взглядов, основанных на жизненном коллективном опыте. Паремии характеризуются аксиологической определенностью, наличием структурно-семантических ограничений, устойчивостью формы, существованием синонимичных единиц внутри паремиологического корпуса, возможностью имплицитного выражения значения. Лингвокультурный сопоставительный анализ паремий в общем русле их многоаспектных исследований остается актуальным явлением российской и зарубежной лингвистики.

1.2.2. Статус паремий в китайской лингвистике

Важнейшей особенностью китайских паремий при сопоставлении с русскими являются их структурные особенности. Если в русском языке и соответственно в русском языкознании пословицы включаются во фразеологическую систему, так как и ФЕ, и паремии являются устойчивыми воспроизводимыми единицами, выражающими народную мудрость, то в китайском языке и китайском языкознании пословицы и фразеологизмы зачастую рассматриваются как единое целое. Хотя следует отметить, что дифференциация между различными устойчивыми воспроизводимыми единицами все же проводится.

Так в энциклопедическом словаре «Море слов» (夏征农. 辞海. 上海: 上海辞书出版社) говорится о том, что «Пословица — это стереотипная фраза или предложение в каком-либо языке. Как правило, она не может быть произвольно изменена при его использовании в тексте. Пословицы объединяются с идиомами, афоризмами, послесловиями, привычными выражениями и т.д.» [Ся Чжэннон 2000: 295]. По сути, в словаре утверждается, что паремии — это фразеологизмы (чэньюй), пословицы, афоризмы и недоговорки (сехоуэй). Особо следует обратить внимание на чэньюй, которые наиболее частотны в китайском языке.

О чэньюй (фразеологизмах) в этом же словаре говорится⁴: «Идиоматически фиксированная группа слов на китайском языке, состоящая из четырех слов (иероглифов). Организация изречений разнообразна, источники различны. Большинство изречений, о которых идет речь, являются обобщениями, некоторые из них могут быть поняты буквально» [Ся Чжэннон 2000: 285]

三从四德 sān cóng sì dé ‘Тройная покорность и четыре достоинства’ — традиционная формула требований к женщине (покорность: в юности — отцу, в замужестве — мужу, в старости — сыну; добродетель, скромность в речах, женственность, трудолюбие)’.

Значение: 封建礼教束缚妇女的道德标准之一。

Источник: 《仪礼·丧服·子夏传》：“人有三从之义，无专用之道。故未嫁从父，既嫁从夫，夫死从子。” 《周礼·天官》：“九嫔掌妇学之法，以九教御：妇德、妇言、妇容、妇功。”

Пример использования: 在中国封建社会里，统治阶级用所谓这套封建礼教的绳索，把妇女牢牢地束缚着 [Готлиб, Му Хуаин 2007].

(谚 语) Пословица в энциклопедическом словаре имеет следующую дефиницию⁵: «Поговорка (пословица) — большинство кратких, популярных и глубоких фраз, распространенных в народе, отражают жизненный и производственный опыт людей» [Готлиб, Му Хуаин 2007: 1264].

⁴ 熟语的一种。习用的固定词组。在汉语中多数由四个字组成。组织多样，来源不一。所指多为确定的转义，有些可从字面理解。

⁵ 熟语的一种。流传于民间的简练通俗而寓意丰富深刻的语句，大多反映人民的生产和生活经验。

В рамках широко понимаемой фразеологической системы помимо непосредственно чэньюй, содержатся яньюй, сехоуэй, гуаньюньюй, суюй.

В середине XX в. известный лингвист Ма Гофань проанализировал систему китайской фразеологии, объединил разрозненные лингвистические наблюдения и предложил типологию устойчивых словесных комплексов: 1) идиома *чэньюй*: 成语 ‘готовое выражение’; 2) пословица *яньюй*: 谚语; 3) недоговорка-иносказание (выражение с определенной недосказанностью) *сехоуэй*: 歇后语 ‘речение с усечённой концовкой’; 4) фразеологическое сочетание *гуаньюньюй*: 惯用语 ‘привычное выражение’; 5) поговорка *суюй*: 俗语 ‘просторечное выражение’ [Ма Гофань 1959].

В китайском языкознании, помимо названных терминов, называющих устойчивые словесные комплексы, содержится особые единицы, называемые *шюй*. В словаре современного китайского языка устойчивая словарная единица *шюй* имеет следующее определение: «Устойчивое словосочетание, может использоваться только целиком, не допускает произвольной замены своих составных компонентов, кроме того, не может быть проанализировано с точки зрения словообразования» [ССКЯ 1997].

Приведем ряд примеров китайских устойчивых словесных комплексов, репрезентирующих представления народа о семье, о родителях: 教子不严父之过, 养女不周娘之错 ‘Отец виноват в том, что плохо учил своего сына, а мать – в том, что плохо воспитывала свою дочь’; 夫妇是树, 儿女是花 ‘Родители — это дерево, дети – цветы, и когда дерево расцветает, это одновременно и великолепие дерева, и результат его глубоких корней’; 天下有狠心的儿女, 无狠心的爹娘 ‘Есть жестокосердные сыновья и дочери, но нет жестокосердных отцов и матерей’; 满堂儿女, 当不得半席夫妻 ‘Взаимная любовь между мужем и женой должна преобладать над сыновней почтительностью детей к своим родителям’.

В системе устойчивых воспроизводимых оборотов в китайском языке особое место занимают суюй и гуаньюньюй. В книге Вэнь Дуаньчжэня «Изучение

поговорок: характеристика, сфера употребления и классификация поговорок»⁶ говорится: «(俗语 súyǔ/ 惯用语 guànyòngyǔ) — «поговорки/ народные речения (привычные выражения)» [Вэнь Дуаньчжэн 2005: 25].

В качестве примера приведем следующие единицы: 下软蛋 ‘снести мягкое яйцо’; имплицитно обозначает ‘слабого, безвольного человека, труса, слюнтяя’; 近水楼台先得月 ‘прибрежная башня первой встречает луну’, имплицитно обозначает ‘использовать свое положение в личных интересах’;

В системе китайских устойчивых выражений особое место занимают поговорки-недосказания *сехоуэй*. В русской паремиологической системе нет аналога подобным устойчивым выражениям. Сехоуэй представляют собой уникальный устойчивый воспроизводимый оборот (уточним, в каком-то плане по структуре близкий русским крылатым выражениям и кратким афоризмам). Сехоуэй либо включают этнореалии, либо имплицитно содержат аллюзии, понятные носителям языка. Особенностью сехоуэй является то, что в контексте можно употребить лишь первую или вторую часть устойчивого оборота, можно не произносить его целиком, так как устойчивых словесный комплекс понятен носителям китайского лингвокультурного кода.

Сехоуэй в полной форме в структурном плане можно соотнести с русскими пословицами, которые зачастую также состоят из двух частей, которые рифмуются. В первой части сехоуэй в образной метафорической форме описывается какая-либо ситуация, а во второй части (которую не записывают или не говорят) дается оценка ситуации, раскрывается скрытый смысл первой части.

Известный китаист М.Г. Прядохин в работе «Китайские недоговорки-иносказания» указывает: «недоговорка представляет собой своеобразное явление. Это явление наблюдается только в китайском языке. В настоящее время нет данных о наличии этого или подобного явления ни в индоевропейских языках, ни в иных, кроме китайского, восточных языках, включая и языки китайско-

⁶ 温端政. 俗语研究与探索: 俗语的性质, 范围和分类. 上海辞书出版社.

тибетской семьи, типологически близкие китайскому языку» [Прядохин 1977: 6—7].

В этой же книге М.Г. Прядохин справедливо разъясняет: «С формальной стороны недоговорку этого типа <сехоуэй> отличает та особенность, что она употребляется в речи только в одной, единственно возможной для нее форме – в форме усеченного («недоговоренного») чэньюй, послужившего для нее исходным материалом. Это обусловлено самим способом образования такой недоговорки: будучи употребленной вместе с отсекаемым словом, она совпадает с исходным чэньюй и отрицает себя как таковую» [Прядохин 1977: 9].

Особенностью сехоуэй является то, что первая часть по сути представляет собой загадку, а вторая предполагаемая часть – отгадку, но носители китайской лингвокультуры понимают скрытый имплицитный смысл выражения и не нуждаются в том, чтобы вслух озвучивать «отгадку». М.Г. Прядохин отмечает: «Различие между недоговоркой и загадкой функциональное: загадка не входит в число коммуникативных средств языка, недоговорка же, как и пословица или поговорка, имеет коммуникативную ценность и как фразеологическая единица входит в число коммуникативных средств языка» [Прядохин 1977:12]. Например: 老太太咬牙 – 忘了没了 ‘Бабушка пытается укунить – забыла, что нет [зубов]’. В данном случае смысл изречения в целом понятен и представителям иной лингвокультуры.

Но обычно сехоуэй содержат этномаркеры (или этнореалии), которые неясны представителям иной, не китайской лингвокультуры. Чтобы понять подобные изречения необходимы лингвокультурологические комментарии. Например: 属孔明的 – 见识不少 ‘Такого же рода, как и Кун-мин – большого ума человек’. Чтобы понять смысл сехоуэй необходимо знать, что Чжугэ Лян (или Кун-мин) – это известный полководец, мудрец, автор книг «Наставления моим сыновьям» и «Книга сердца». Его имя стало в китайской лингвокультуре прецедентным, символизируя мудрость, честность, опыт, военную доблесть.

Таким же прецедентным для Китая (и в тоже время для всего мира) стало имя Мэн-цзы, который был известным философом эпохи Сражающихся царств,

представитель одной из школ конфуцианства. В следующем примере речь идет о его матери: 孟母三迁 – 望子成龙 ‘Мать Мэн-цзы трижды меняла место жительства’ – надеяться, что сын станет драконом. В китайской лингвокультуре дракон олицетворяет силу, храбрость, свободу. Поэтому, когда родители говорят, что они хотят, чтобы сын стал драконом, они надеются, что сын добьется успеха в жизни.

Помимо сехоуной о матери Мэн-цзы, существует и чэньюй:

孟母三迁 mèng mǔ sān qiān ‘Мать Мэн Цзы трижды переселяется’ (подальше от кладбища и рынка, но ближе к школе) — заботиться о воспитании детей.

Значение: 孟轲的母亲为选择良好的环境教育孩子，三次迁居.

Источник: 汉·赵歧《孟子题词》：“孟子生有淑质，幼被慈母三迁之教。”

Пример использования: 为了让孩子有个好的成长环境，他父母曾学“~”搬了几次家。

Фразеологизм-синоним: 孟母择邻 [Готлиб, Му Хуаин 2007].

В китайской лингвокультуре мать философа Мэн-цзы Чжан считается достойной подражания. В легенде говорится о том, что мать и сын вначале жили около кладбища и мальчик стал подражать профессиональным плакальщикам и устраивать кукольные похороны, затем они переехали ближе к рынку и юный Мэн-цзы стал подражать торговцам, но затем они переехали ближе школе и у мальчика появился интерес к постижению наук.

Приведем еще один пример сехоуной: 龙王爷 ‘Лунван, Царь драконов’ (божество вод, дождя, колодцев); 过 ‘проходить, переходить’; 江 ‘река’; 风 ‘ветер’; 大 ‘сильный’; 雨 ‘дождь’. Дословный перевод: ‘Царь драконов переходит реку – сильный ветер, сильный дождь’. Образное значение ‘смута, беспорядок, беда’ [Тихонова, Атаманова 2018: 95].

Среди паремиологических единиц, соотносимых с русскими пословицами, как уже указывалось, следует назвать и яньюй: «Яньюй («народные речения») –

бытующие в народе устойчивые речения, которые простыми словами выражают глубокую истину. В русском языке соответствуют пословицам и поговоркам» [Тихонова, Атаманова 2018:10].

Е.В. Тихонова и Е.А. Атаманова указывают на важные особенности данного вида устойчивых воспроизводимых оборотов; яньюй представляют собой суждения, которые равны предложению, разделенному на две синтагмы. Они выражают личностное отношение говорящего к описываемой ситуации; яньюй всегда эмоционально-экспрессивно окрашены, содержат в своем составе яркие образы. По лексическому составу яньюй включают в себя единицы разговорного характера, часто включают просторечные выражения. Авторы также отмечают, что яньюй «имеют рифму, обладают определенным ритмом, который фиксируется наличием эвфонических элементов: звуковых (аллитерация, консонанс) и лексических повторов (анафора, эпифора, кольцо, стык)» [Тихонова, Атаманова 2018:10].

Приведем пример яньюй (переведенный с помощью описательного перевода): 龙无云不行, 鱼无水不生 ‘даже для таланта нужны соответствующие условия, в противном случае и гению трудно чего-либо достичь’ (досл. ‘Дракон без облаков не летает, рыба без воды не живет’) [Тихонова, Атаманова 2018: 32].

В системе устойчивых оборотов китайского языка отдельно выделяется группа оборотов *гэянь* (格言) — это афоризмы, изречения известных философов, писателей. В состав *гэянь* включают также прямые цитаты. Этот вариант устойчивых оборотов является важной частью современного медиадискурса; во многих журналистских текстах в интернет-пространстве используются известные изречения знаменитых авторов. Для современных журналистов важным оказывается подкрепить свои размышления древнейшими афоризмами, чтобы продемонстрировать связь с древней мудростью. В российском медиапространстве наблюдаются подобные тенденции. Изречения известных литераторов, философов, политических деятелей, литературных критиков активно используются в медиапространстве.

Следует указать, что в современных теориях паремиологии и фразеологии русского языка употребляется термин *крылатые выражения*. С.Г. Шулежкова утверждает, что крылатые выражения – это «постоянно воспроизводимые в широких кругах изречения, выражения или имена, историческое или литературное происхождение которых известно (доказуемо)», при этом в контексте при употреблении крылатого выражения может не указываться кто именно является автором фразы [Шулежкова 2002: 19].

В китайской системе устойчивых воспроизводимых выражений аналогом крылатых выражений можно считать и яньюй, и недоговорки сехоуэй. Приведем примеры афоризмов о матери: 父母之年、不可不知也、一则以喜、一则以惧 ‘Нельзя не помнить о возрасте отца и матери: для сына в этом сразу и радость, и тревога’ (Конфуций); *Все смертно. Вечная жизнь суждена только матери. И когда матери нет в живых, она оставляет по себе воспоминания, которое никто еще не решился осквернить. Память о матери питает в нас сострадание, как океан, безмерный океан питает реки, рассекающие вселенную...* (И.Э. Бабель) [Королькова 2004].

Рассматривая китайские устойчивые обороты, следует указать, что те из них, которые состоят из двух частей, обычно рифмуются (как и русские пословицы): 吃好睡好, 长生不老 ‘Если хорошо ешь и спишь, то ты будешь долго жить’.

Рифма в подобных китайских пословицах заключается в рифмовке двух последних слов первой и второй части. В различных исследованиях отмечается, что «китайские паремии сложены на основе силлабической системы, им присущи ритмические характеристики китайского стиха» [Решетнева 2006: 88]. Также в лингвистических исследованиях китайских пословиц отмечается, что их «ритмико-фонетическое совершенство формы». «Одни пословицы и поговорки обладают рифмой, а у других ее нет. Рифмованные пословицы и поговорки легко запоминаются и приятно звучат. В связи с этим они легко передаются из поколения в поколение» [Чжан Мянь, Саяхова 2017: 194].

Отметим, что русские пословицы традиционно рифмуются. Е.И. Селиверстова отмечает важность логико-семиотической структуры паремий. К

стабильным частям паремии относятся паремийные биномы, «отличающиеся многообразием и богатством реализуемых типов отношений между их частями. Бинарная оппозиция лежит в основе многих ПЕ и представляет собой универсальный способ отражения окружающего мира, что объясняется отчасти спецификой восприятия человеком получаемой информации» [Селиверстова 2009: 63]. «Рифмованные биномы в ПЕ выступают и как смысловая скрепа, определяющая семантическое направление пословичной идеи, и как особый маркер, поскольку это один из стереотипов, переходящих из ПЕ в ПЕ и являющихся знаком паремийности» [Селиверстова 2009: 66]: *Добра мать до своих детей, а мать-земля до всех людей; За матерью-отцом и свинья идет молодцом, да еще как идет – кверху нос дерет; У кого есть матка, так и головушка гладка* [Мокиенко 2010].

В различных китайских словарях зафиксированы устойчивые воспроизводимые словесные комплексы, соотносимые с русскими идиомами, поговорками, пословицами, крылатыми выражениями и афоризмами.

Длительная история китайского языка в диахронии способствовала появлению большого количества устойчивых оборотов различной структуры. Поэтому в китайском языкознании в настоящее время сформировалась уникальная система фразеологии и паремиологии, что требует теоретико-практического осмысления и фиксации в словарях и справочниках.

Лексикографирование устойчивых словесных комплексов в китайском языкознании имеет древнюю традицию, однако самое большое количество словарей появляется в период с середины XX в. по настоящее время, так как в этот период происходит теоретическое осмысление системы фразеологии и паремиологии в китайском языке, создаются основы классификации устойчивых воспроизводимых словесных комплексов. Появляются словари чэньюй, гэнь, сехоуэй, яньюй и пр. Паремии и идиомы фиксируются в различных словарях китайского языка и маркируются как устойчивы воспроизводимые единицы.

В последние годы все больше появляется двуязычных русско-китайских и китайско-русских фразеологических и паремиологических словарей, в том числе

«Китайско-русский фразеологический словарь» О.М. Готлиба и Му Хуаина [Готлиб, Му Хуаин 2007]. К настоящему времени лексикографическая библиография китайских фразеологических и паремиологических единиц насчитывает несколько десятков словарей и справочников.

В целом, рассматривая языковой и речевой статус китайских паремий и фразеологических оборотов, следует уточнить, что в настоящее время они рассматриваются и как единицы языка, и как единицы речи. К настоящему времени границы фразеологии и паремиологии не определены.

Традиционно в рамках широко понимаемой фразеологической системы (включающей пословицы) выделяют следующие типы фразеологических и паремиологических единиц: *成语* (дословно ‘готовое выражение’) ‘идиома, чэньюй’; *谚语* ‘пословица; яньюй’; *歇后语* (дословно ‘речение с усечённой концовкой’) ‘недоговорка-иносказание (выражение с определенной недосказанностью); сехоуэй’; *惯用语* (дословно ‘привычное выражение’) ‘фразеологическое сочетание; гуаньюньюй’; *俗语* (дословно ‘просторечное выражение’) ‘поговорка; суэй’, а также шую (устойчивые словесные комплексы с устойчивой, не вариативной структурой) и гэянь (афоризмы, крылатые выражения). В рамках современного китайского языкознания проводятся вполне четкие границы между собственно идиомами (чэньюй), пословицами (яньюй) и поговорками (сехоуэй, гуаньюньюй), а также афоризмами гэянь. В основе разделения лежит логико-семантический принцип, то есть разделение зависит от структуры (количества иероглифов) и семантического наполнения изречения.

1.3. Аксиологический потенциал паремий в русской и китайской лингвокультуре. Семья как ценность в паремиологии

Аксиология первоначально существовала как часть философии и оформилась в к. XIX — н. XX в. Термин аксиология (учение о системе ценностей) появляется в философских трудах французского ученого П. Лапи в 1902 г., однако систему ценностных доминант изучали еще в Древней Греции.

Лингвоаксиология — междисциплинарная область исследования — активно изучается с конца XX в. В российском языкознании о системе ценностей и оценок в 80-е годы XX в. писала Н.Д. Арутюнова. Важность системы ценностей для этносознания, для лингвокультуры отмечают многие ученые.

В.А. Маслова отмечает: «Ценности — это универсальный регулятор социального поведения, они отражают социальное и культурное значение определённых явлений действительности. На уровне общественного сознания ценности закрепляются в установках и оценках, императивах, табу и целях. Культурные ценности — это культурно значимые отношения человека к миру, служащие его ценностными ориентирами; они представляют собой систему, в которой можно выделить универсальные и индивидуальные, доминантные и дополнительные смыслы» [Маслова 2011: 383—384].

В.Н. Телия утверждала, что «Язык окрашивает через систему своих значений и ассоциаций концептуальную модель мира в национально-культурные цвета» [Телия 1988: 41].

В систему ценностей любого народа включаются разнообразные оценки семьи и семейных отношений, при этом ценность семьи для всех народов универсальна, но при этом могут существовать различные интерпретации жизненных ситуаций. Важно отметить, что существует этномаркированная система ценностей и антиценностей, то есть наблюдается определенная бинарность, естественные антиномии народного сознания.

Так как лингвоаксиология изучает ценности этноса, то она является мерилем духовно-нравственного состояния социума. Так, в ряде стран коллективного Запада ценность семьи, хотя и не подвергается сомнению, но происходит постепенная подмена понятий («мать» и «отец» именуется «родитель номер 1» и «родитель номер 2»), что может свидетельствовать о системном изменении ценностной парадигмы народов. В таком случае происходит постепенное изменение коллективного сознания, а следовательно — изменяется индивидуальное поведение индивидуумов.

Лингвоаксиология изучает средства репрезентации ценностной системы в языке. В 2022 г. была издана коллективная монография «Общая и русская лингвоаксиология», в которой исследуется как система ценностей репрезентируется на различных уровнях языка. Были изучены вопросы об аксиологии в лексике, в грамматике (синтаксисе и морфологии), рассмотрены аксиологические ориентиры текста и дискурса, трансформации культурно-языковых норм в современном русском языке, что рассматривается авторским коллективом как части структуры лингвоаксиологии как науки.

Важным представляется утверждение о том, что «...происходит перераспределение в концептуальной сфере, дающей представление о приоритетных национальных ценностях, и ее обновление», но в тоже время «...традиционные ценности, отраженные в ценностно-ориентированных понятиях дом, семья, любовь (в предельно широком значении), граница, оказываются более устойчивыми» [Общая и русская лингвоаксиология: Коллективная монография 2022: 9—10].

Авторы монографии приходят в обоснованному выводу о том, что лингвоаксиология имеет следующие уровни: «аксиологическая семантика лексических единиц», «аксиологическая семантика синтаксических единиц, представленных в речи в виде ценностно-оценочных комплексов», «аксиологическая семантика форм, ценностно-оценочный потенциал которых реализуется в определенных синтаксических конструкциях (морфосинтаксис); аксиологическая семантика текста-дискурса, формируемая средствами предыдущих уровней» [Общая и русская лингвоаксиология 2022: 9—10].

Полагаем, что фразеологический и паремиологический уровень языка может считаться частью лингвоаксиологии: паремиологический фонд языка отражает систему национальных ценностей, позволяет в диахронии рассмотреть их генезис. Паремии как часть национальной лингвокультуры репрезентируют аксиологические доминанты этноса и выявляют культурную специфику, аксиологические лакуны, связанные с лингвокультурным кодом народа.

Паремиологический фонд языка в лингвоаксиологическом аспекте изучался фрагментарно: семья как ценность рассматривалась Е.В. Ивановой на материале английских пословиц, Е.А. Шимко – на материале немецких пословиц [Иванова 2006; Шимко 2009]. Лингвоаксиологический потенциал как характеристика паремий представлен О.В. Ломакиной на материале тувинского языка [Ломакина 2022]. Впоследствии, в том числе применительно к лексикографическому корпусу, рассматривался лингвоаксиологический потенциал славянских языков [Мокиенко, Никитина 2022]. Аксиологии паремий посвящены работы Л.К. Байрамовой, В.И. Ершова, О.В. Ломакиной, А.С. Макаровой, В.М. Мокиенко, Н.Ю. Нелюбовой, Е.Ю. Танасейчук, В.И. Хильтбруннер, Н.Н. Семененко.

Н.Ю. Нелюбова, В.И. Хильтбруннер и В.И. Ершов отмечают, что пословичный фонд, «несмотря на архаичность лежащих в его основе образов и представлений, может помочь выявить картину в том числе современных национальных ценностных приоритетов... Аккумулируя представления об искомом характере отношений, пословицы остаются одним из важнейших критериев оценки. В силу востребованности содержащихся в них ценностных ориентиров пословицы вовлекают новые поколения носителей языка в «строительство» межличностных отношений» [Нелюбова и др. 2019: 226].

Н.Ю. Нелюбова в диссертационном исследовании «Аксиологические доминанты лингвокультуры и их маркированность в паремиологии: на материале французского, русского и тувинского языков» доказала, что «...Лингвоаксиологический потенциал паремиологического фонда связан с ценностями, формируемыми основными параметрами типологии культур: индивидуалистской или социоцентрической тенденциями, дистанцией власти, гендерной направленностью, ориентированностью на материальные или духовные ценности, влиянием религиозного фактора, особенностями ведения хозяйства и традиций питания и др.» [Нелюбова 2025: 7].

Н.Н. Семененко в статье «Аксиология паремий в фокусе проблемы когнитивно-дискурсивного моделирования семантики русских пословиц» справедливо указывает, что «...пословица с опорой на свое обобщенное значение

репрезентирует ту или иную ценность как некий «идейно-мировоззренческий» конгломерат, формирующийся непосредственно в ее текстовом пространстве как следствие когнитивной интеграции концептов культуры» и отмечает, что пословицы «...выступая в качестве проводников указанных элементов, пословицы не просто метко характеризуют ситуацию, связанную с осмыслением той или иной ценности, а моделируют сферу культуры в соответствии с множеством оценок и полифонией мнений, наличествующих в ее традиционной сфере. Получается, что пословица как носитель ценностного содержания выступает в качестве не номинативного, а интерпретирующего средства языка» [Семененко 2020: 215]. Пословицы различных этносов, близкие по тематике, могут по-разному интерпретировать (оценивать) сходные жизненные ситуации. Амбивалентный характер интерпретации в пословицах позволяет их использовать, «подстраивая» интерпретацию к конкретному житейскому случаю.

О.В. Ломакина предлагает рассматривать лингвоаксиологию как учение о системе ценностей и ценностных ориентаций представителей этносов, в рамках которой выделить аксиопаремиологию: «Анализ современных исследований пословиц позволяет выделить аксиопаремиологию как раздел лингвоаксиологии. Отнесение пословицы к определенной ценности может проходить на основании тематических рубрик в сборниках пословиц, а также путем опроса носителей языка» [Ломакина 2021: 97—107].

В статье «Метаязык современной лингвоаксиологии: паремиологический уровень» О.В. Ломакина определяет терминосистему современной лингвоаксиологии (аксиопаремиологии). Система терминов паремиологического уровня лингвоаксиологии включает в себя понятия: ценностный ориентир, аксиопаремиология, лингвоаксиологический потенциал паремий, ценностные константы и ценностные переменные в пословицах. Особо следует обратить внимание на концептуальное понятие «лингвоаксиологический маркер» [Ломакина 2025: 622—637]. О.В. Ломакина полагает, что: «Ценностный смысл чаще выражается эксплицитно при помощи лингво-аксиологических маркеров — языковых средств (лексических и / или грамматических) — компонентов паремии,

содержащих оценку / способствующих оценочности, передающих аксиологически заряженную семантику паремий, выраженную эксплицитно и имплицитно, средств, обладающих оценочным значением или способствующих оценке» [Ломакина 2025: 631]. Пословицы репрезентируют ценности этноса, при этом этническая ценностная парадигма является во многом уникальной, поэтому некоторые паремии воспроизводят аксиологические лакуны, то есть специфические, особо значимые для конкретного народа ценности.

Исследование лакун в ментальности и языке обусловлено тем, что «определенные элементы (реалии, процессы, состояния) текста (в широком смысле) выходят за рамки опыта носителя другой культуры или культурной сферы. Лакуны – это межкультурное явление. Оно вызывает как удивление, шок и раздражение, так и, наоборот, особый интерес. Синонимом лакуны является понятие «пробел понимания» [Эртельт-Фиит, Денисова-Шмидт 2007: 41].

Исследование лакун в настоящее время продолжается в рамках теории перевода. Межкультурной коммуникации, этнопсихологии, этнолингвистики, лингвокультурологии. И.А. Марковина и Ю.А. Сорокин лакуну рассматривают как единицу межкультурной коммуникации. Лакуны связываются с бинарной оппозицией свой/чужой, когда лингвокультура фиксирует часть инокультуры как нечто «неправильное», «чужое», «отталкивающее». Любая лингвокультура пытается осмыслить «чужое», осмыслить различия. Поэтому в исследовании предлагается метод установления лакун «для выявления и описания этнокультурной специфики сознания и форм его существования, при анализе различных переводческих проблем, а также проблем межкультурного общения» [Марковина, Сорокин 2010: 6].

Метод выявления лакун состоит в сравнительно-сопоставительном анализе ключевых понятий различных лингвокультур, в анализе частотности употребления отдельных концептов (при учете семантического наполнения лексем, репрезентирующих концепты), в контекстуальном анализе и пр.

В статье «Лакуны и их классификация» А. Эртельт-Фиита, Е. Денисовой-Шмидт предлагается разделение лакун в межкультурной коммуникации

следующим образом: 1) *ментальные* (культурно-эмотивные, лакуны внимания, фоновые, мнемонические и лакуны языковой системы); 2) *деятельностные* (лакуны в сфере использования языка, лакуны параязыковые (паузы и проч.), лакуны жестовые, лакуны слабо осознаваемых повседневных стереотипов, лакуны поведенческие, этикетные, лакуны мыслительной деятельности, лакуны коммуникативных средств идентификации, лакуны устной коммуникации, лакуны виртуальных текстов и визуального ряда); 3) *предметные* (лакуны фиксированных текстов и изобразительных средств, лакуны пространства, лакуны человеческого тела, лакуны продуктовой сферы).

В ряду приведенных групп лакун отдельно рассматривается *аксиологическая лакуна* – «это пробелы в понимании, которые возникают на основании различных оценок и интерпретаций (сверхпризнаки и ментальных, и деятельностных, и предметных лакун). Речь идет, таким образом, о значительном расширении теории лакун и лакунарной модели, поскольку культурные различия (или сходства) лишь тогда приводят к пробелам в понимании, когда они по-разному интерпретируются. Кроме того, через выделение аксиологических лакун можно объяснить (или предсказать), что, знание чужого этикета ничего не говорит о его интерпретации (например, помогает или ограничивает), не говоря уже о его применимости (он может быть вполне практичными и полезными, но вместе с тем неуместными и поэтому не годным для применения» [Марковина, Сорокин 2010: 6].

Аксиологические лакуны содержатся во фразеологии и паремиологическом фонде практически всех (даже близкородственных) языков и при сопоставлении паремиологического фонда русского и китайского языков при анализе пословиц об осмыслении родственных отношений, связываются с особенностями интерпретации степеней родства и родственной близости в семье. Так, в русской лингвокультуре среди родственников можно найти *кума* и *кumu*, а также *крестную мать* и *крестного отца*; это пример подобной лакуны. *Крестные мать* и *отец* считались близкими родственниками, хотя не были связаны с ребенком кровным родством. На сайте «Азбука веры. Православная энциклопедия» указывается: Крестный (мать или отец) – «в Таинстве Крещения свидетель, поручитель за веру

крещаемого, обязанный наставлять его в правилах христианской жизни. в Таинстве Крещения свидетель, поручитель за веру крещаемого, обязанный наставлять его в правилах христианской жизни». «Крещение младенца совершается по вере восприемников, на которых лежит святая обязанность научить детей истинной вере, помочь им стать достойными членами Церкви Христовой. После погружения младенца в купель крещения крестный принимает его из рук священника. Отсюда славянское название – *восприемник*. Тем самым он на всю жизнь берет на себя обязанность воспитывать ребенка в православном духе, и ответ за это воспитание будет давать на Страшном Суде»⁷.

Крестных родителей называли *кум* и *кума*. Они были кумом и кумой по отношению друг к другу, по отношению к родителям ребенка, которого они крестили. В словаре пословиц В.И. Даля несколько десятков паремий о кумовьях. Особенно много пословиц о женщине-куме, в которых переосмыслиется поведение женщины, к которой отношение, в основном, снисходительное: *Добрая кума живет и без ума; Крепилась кума, да рехнулась ума; Не пей кума дарового вина: придет дорожке купленного. Доедай, кума, девятую шанежку; мне, однако, от мужа битой быть*. В.И. Даль приводит пословицы с этим компонентом, в которых куме приписывается легкомысленное поведение по отношению к куму: *Спасибо куме, что до кума добра*. В некоторых пословицах репрезентируется исключительно христианское понимание важности кума и кумы в жизни человека: *Добрая кума прибавит ума. Кума да кум наставят на ум; Кум дарит крест, кума ризки (образок – изображение святого в виде медальона вешали на шею ребенка вместе с крестиком)*.

В китайской лингвокультуре нет ничего подобного, поэтому пословицы, в которых речь идет о *крестных*, о *кумовьях* китайцам совершенно непонятны без соответствующих пояснений. Это аксиологические лакуны, репрезентированные конкретными единицами языка и речи.

⁷Православная энциклопедия Азбука веры. Режим доступа: <https://azbyka.ru/krestnyj> <https://azbyka.ru/krestnyj> (дата обращения: 06.01.2026).

Семья является общечеловеческой ценностью, на это указывает Е.Ф. Тарасов [Тарасов 2012: 8]. С учётом антропоцентрической парадигмы О.В. Ломакина концепт СЕМЬЯ называет ценностным и в результате анализа пословиц выделяет следующие семантические группы: взаимоотношения между детьми и родителями; супругами; родителями супругов – сватами; другими родственниками [Ломакина 2024: 59].

Н.Ю. Нелюбова, говоря о месте семьи в иерархии русских ценностей, приводит статистические данные словаря «Народная мудрость» В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной, в котором выделена тема «Брак и семья» (1236 пословиц), составляющая 12% от общего количества единиц: данная «рубрика является самой многочисленной, что позволяет рассматривать семью как приоритетную ценность русских. Внутри рубрики выделен ряд подрубрик, количественный состав которых также играет важную роль в оценке восприятия семьи. Иерархия подрубрик выглядит следующим образом: родители – дети (432), муж – жена (346), другие родственники (190), семейная жизнь (83), жених – невеста (78), брат – сестра (33), вдовство – одиночество (28), женатый – холостой (26 единиц), свадьба (20)» [Нелюбова 153-154]. Результаты исследования являются важными для нашей работы: выделение отношений родители – дети являются определяющими при построении композиции и выработке алгоритма. Русские пословицы показывают роль родителей в семье. Мать в приведенных пословицах – несомненная ценность; она добра к своим детям, она заботится о них. В пословице *У кого есть matka, так и головушка гладка* речь идет о том, что когда у человека есть мать, то о нем есть кому заботится. Не случайно *гладкая головушка* символ благополучия. Гладкой (чистой и аккуратной) может быть голова, если за ней регулярно ухаживают (на Руси обязательно ходят в баню), расчесывают волосы. А если этого не делать, что голова будет грязной и волосы будут спутавшимися, даже свалявшимися. Мать следила за детьми и не допускала подобного. Кроме того, *головушка гладка* — это и метафора сытой жизни в достатке, что было важно для русского крестьянина. То есть данная пословица раскрывает имплицитно и эксплицитно представления о счастливой

благополучной жизни в семье. Отмечая важность рифмовки в русских пословицах, следует все же уточнить, что рифма не является обязательной. Множество русских пословиц о родителях не содержат рифму. «Будучи весьма частым компонентом пословичной структуры, рифма все же не является обязательной. Она лишь один из приемов корреспондирования, соотнесения в том «мини-стихе», каким является пословица» [Жовтис 1985: 174]: *Каков батюшка, таковы и детки; Возьми, вдовец, себе жену, а деткам (детям) мачеху!; Кто девуку хвалит? — Отец да мать* [Мокиенко 2010].

Тема семьи и семейных отношений в китайской паремиологии представлена весьма широко. В рамках китайского паремиологического фонда отдельные группы паремий касаются отношений отца и детей; матери и детей; бабушек, дедушек и внуков; невестки и свекрови; матери и дочери; отца и сына и пр.: 知子莫若父, 知女莫若母 ‘Отец знает сына лучше всего, мать знает дочь лучше всего’; 父母恩比天大 ‘Любовь родителей к ребенку больше, чем небеса’; 河深海深, 最深莫过父母恩 ‘Какими бы глубокими ни были реки и моря, они не могут быть такими же глубокими, как родительская любовь’; 要知父母恩, 怀里抱子孙 ‘По-настоящему оценить воспитание родителей, зачастую уже после того, как у них самих есть дети и внуки’.

На формирование китайской семейной этики оказало значительное влияние конфуцианство. Так, традиционная китайская культура крайне высоко ставит ценность 和 ‘гармонии’. Это представление особенно ярко проявляется на уровне семьи. Паремия 家和万事成, 不和万事空 ‘В семье лад — и дела идут, нет лада — всё впустую’ с помощью противопоставления возводит гармонию на уровень решающего фактора успеха или неудачи семьи. Такое бинарное противопоставление усиливает центральную роль гармонии в семейной жизни.

Паремия 业精在于勤, 家兴在于和 ‘Успех в деле — в усердии, процветание семьи — в гармонии’ через параллельные конструкции *дело — семья, усердие — гармония* ставит семейную гармонию на один уровень значимости с личным усердием, вместе составляющими опору процветания. Подобный аналогический

способ выражения отражает свойственное ханьцам мышление, выявляющее общие закономерности в разных сферах.

Иероглиф 旺 ‘процветание’ в паремии 家和日子旺 ‘В семье лад — и дни процветают’ метафорой жизненной силы обозначает процветание и благоденствие, которые несёт с собой гармоничная семья. Этот ряд паремий формирует когнитивную модель: *семья — это живой организм*, внутренняя гармония которого является главной движущей силой для достижения положительных внешних результатов.

В противовес внешнему материальному миру, семья в китайских пословицах предстаёт как незаменимая эмоциональная гавань и духовное пристанище. Паремия 金窝银窝不如自己的狗窝 ‘Золотое гнездо, серебряное гнездо не сравнятся с моей собственной конурой’ использует предельное сравнение: внешние *золотые* и *серебряные гнёзда* символизируют крайнее материальное изобилие, но они всё равно не идут ни в какое сравнение с собственной скромной *конурой*. *Конура* здесь — не буквальное обозначение, а ласкательное, оценочное выражение для *дома*, подчёркивающее, что эмоциональная привязанность превышает материальных ценностей.

Паремия 吃尽滋味盐好, 走遍天下家好 ‘Из всех вкусов соль — лучший, исходя весь свет — дом лучше всех’ проводит аналогию между чувственным опытом (вкус) и жизненным опытом: *соль* — основа всех вкусов, *дом* — основа всего на свете. Эта аналогия раскрывает центральное место *дома* в когнитивной картине мира китайской культуры: это конечная система отсчёта для всех ценностных суждений.

Паремия 忍为高, 和为贵 ‘Терпение — превыше всего, гармония — всего дороже’, исходя из принципов регулирования семейных отношений, возводит *терпение* и *гармонию* в ранг добродетелей, которым нужно следовать в семейной жизни. Все эти паремии укрепляют образ дома как корня жизни и основного убежища для человека.

Отметим, что в широко понимаемой паремиологической системе китайского языка также значимы в количественном отношении пословицы морально-нравственного характера, что в свою очередь демонстрирует важность института семьи в китайском социуме. Особенно важна гармония в отношениях внутри семьи: 夫妻安, 合家欢 ‘Муж и жена живут в гармонии, и вся семья счастлива’; 患难夫妻到白头 ‘Только пары, которые страдают вместе, могут держаться друг за друга и стареть вместе’.

В китайской лингвокультуре различное отношение к бабушкам и дедушкам ребенка со стороны отца или матери, их именуют разными иероглифами, но на русский язык переводят обычно как бабушка и дедушка. Но это неверно, в таком случае теряется национально-культурная специфика отношения китайцев к членам семьи, которое связывается с тем, что традиционно разделяются родственники со стороны отца и матери. Родственники со стороны отца считаются близкими, со стороны матери — дальними. Также различия связываются с тем, что родственники со стороны отца считаются старшими, а со стороны матери — младшими, хотя они могут быть ровесниками. Отметим, что большая патриархальная китайская семья (клан) отличается от русской патриархальной семьи своей строгой иерархией.

Китайские пословицы, в которых отражаются особенности кланового устройства большой китайской семьи, являются аксиологическими лакунами. Аксиологические лакуны опосредованно связаны с аксиологическими доминантами, которые «носят универсальный характер и преимущественно совпадают, но могут обладать разной степенью ценности» [Нелюбова 2025: 8].

Таким образом, лингвоаксиологический анализ паремиологический единиц позволяет представить иерархию ценностей определённой лингвокультуры. Семья, будучи общечеловеческой ценностью, репрезентируется в паремиях: здесь содержится информация как о кровных, так и некровных родственниках; взаимоотношениях внутри семьи; роли отдельных членов семьи.

ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ

Внимание к отражению в языке национальных традиций, мировоззренческих установок, системы культуры в широком понимании и культурных ценностей встречается в научных трактатах с древнейших времен. Становление лингвокультуры как особой научной дисциплины связывается с именами ряда западных ученых начиная с XIX в., в которых последовательно рассматриваются идеи о влиянии культуры на национальный язык; об изменении языка в зависимости от социальных характеристик общества; вводятся понятия языковая картина мира, ключевой концепт этноса, лингвокультурология.

Развитие лингвокультурологического знания в русской лингвистике начинается в XIX в., в настоящее время существуют лингвокультурологические школы, в рамках которых лингвокультурология понимается как наука, возникшая на стыке лингвистики и культурологии, которая исследует проявления культуры народа, отразившиеся и закрепившиеся в языке, изучает язык как феномен культуры, анализирует национально-культурную специфику лексической, фразеологической, грамматической и синтаксической системы языка. Язык рассматривается как выразитель особой национальной ментальности.

Как отдельная лингвистическая дисциплина лингвокультурология в Китае исследуется с конца XX в. В китайском языкознании истоки лингвокультурологии связываются с «лингвистикой культуры», в рамках которой исследуется национально-культурная специфика китайского языка в целом, лексической, фразеологической, паремиологической системы в частности. Лингвокультурология в Китае относится к лингвистической антропологии, антропологической лингвистике, т.е. к рассмотрению и изучению этнокультурных систем через этнолингвистические системы, или к рассмотрению и изучению этнолингвистических систем через этнокультурные системы. Лингвокультурология – это продукт объединения лингвистики с антропологией и социолингвистикой, которая фокусируется на изучении особенностей китайского языка и письменности (включая языки и письменность национальных меньшинств)

с точки зрения культуры, а также на изучении формирования и изменения китайского языка и письменности (включая языки и письменность национальных меньшинств) с точки зрения истории культуры; или, наоборот, на изучении культуры и истории культуры с точки зрения структуры и явлений китайского языка и письменности (включая языки и письменность национальных меньшинств).

С начала XXI в. в китайско-русском языкознании были созданы работы, в которых рассматриваются теоретические основы лингвистики Китая и анализируются отдельные концепты китайской лингвокультуры, что помогает сравнить русскую и китайскую языковую и концептуальную картины мира; сформирована терминологическая система, появились новые методики анализа. Проведенные исследования в области сравнительного рассмотрения особенностей национальной картины мира китайского народа в сравнении с русской картиной мира в таких аспектах, как особенности национальной личности, сопоставление вербальных средств выражения конкретного понятия или группа понятий, рассмотрение паремий позволили выявить универсальные и уникальные особенности кода этнокультуры двух народов.

В систему ценностей любого народа включаются разнообразные оценки семьи и семейных отношений, при этом ценность семьи для всех народов универсальна, но при этом могут существовать различные интерпретации жизненных ситуаций. Важно отметить, что существует этномаркированная система ценностей и антиценностей, то есть наблюдается определенная бинарность, естественные антиномии народного сознания.

Аксиологические доминанты — это система ценностей определенной лингвокультуры. *Аксиологические доминанты* китайских и русских пословиц о семье, родственных отношениях в основном являются совпадающими. *Аксиологические лакуны* — лексемы или компоненты устойчивых единиц, требующие оценок и интерпретаций. *Аксиологический потенциал паремий* — способность отражать, закреплять и транслировать систему ценностей определённого этноса.

ГЛАВА 2. ХАРАКТЕРИСТИКА ПАРЕМИЙ О РОДИТЕЛЯХ В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Русская лингвокультура в основном отражает патриархальный взгляд на мироустройство, на социальные и семейные связи; при этом следует заметить, что важную роль в системе ценностей играет христианская религия (православие), которая сильнейшим образом повлияла на консервативные взгляды русского общества и социальное устройство семьи. Семейные отношения в русской семье (как и китайской) строились на основе признания главенствующей роли отца семейства, хозяина в доме. Все домашние (и жена, и дети, и престарелые родители), по сути, находились в социальной зависимости от главы семьи. Традиционно такое положение вещей рассматривалось как единственно возможная модель семьи и общества.

Главенство отца подкреплялось авторитетом, поддерживаемым религиозными аксиомами. В российской лингвокультуре уважение к отцу подчеркивалось даже тем, что православных священников именовали батюшка, а жену священника называли матушка. Такая традиция существует и в настоящее время.

В русских сказках правителя государства — царя — называли царь-батюшка, а его жену — царица-матушка. Эти факты свидетельствуют о том, насколько важным является институт семьи в русской культуре и насколько уважительно в обществе относились не только к отцу, но и к матери.

Несмотря на то, что иерархия ценностей в русском обществе (как и в китайском) меняется с течением времени, отношение к семейным ценностям и взгляды на построение семьи остается практически неизменным. Родители по-прежнему играют огромную роль в жизни людей, в семье сохраняются близкие отношения родителей и взрослых детей, в свою очередь дети и внуки принимают участие в жизни старшего поколения — бабушек и дедушек.

В пословицах и поговорках, сохранившихся в языке с древнейших времен, фиксируются традиционные патриархальные взгляды на семью. В пословицах,

появившихся в языке сравнительно недавно, в целом сохраняются консервативные взгляды на семью и роль родителей.

Полагаем, что паремии русского народа о родителях являются инвариантами, репрезентирующими национальный взгляд на общечеловеческие жизненные ситуации. Модель пословиц — вариант описывает типичные жизненные ситуации семейных отношений: взаимоотношения родителей и детей; личные отношения отца и матери к дочери/сыну, падчерице/пасынку; взаимосвязь внуков и бабушек/дедушек и пр.

Пословицы и поговорки о матери и дочери, об особенностях их взаимоотношений, о том, как должны в идеале вести себя дочери по отношению к вырастившим их матерям, описывают типичные жизненные ситуации патриархального общества, в котором добродетелью считается уважительное отношение к родителям, особенно к матери.

2.1. Паремии о матери

В русской концептуальной и языковой картине мира концепт *мать* является одним из самых значимых; в русской лингвокультуре мать символизирует все сущее, является началом жизни, а также своеобразным синонимом жизни: мать дает жизнь, отдает всю себя своим детям, часто жертвует собой ради детей и семьи в целом.

Мать во многих текстах фольклора, в пословицах и поговорках, во множестве песен олицетворяет Родину, которая также является в русском ментальном пространстве символом жизни. Понятие *мать* связывается с образом земли в русских фольклорных текстах. Устойчивый словесный комплекс *мать-сыра земля* содержится в песнях, пословица, сказках, загадках. В русском языковом пространстве *мать* является особым понятием, который репрезентируется также в различных текстах различных типов: от художественных до публицистических и официально-деловых.

В словаре Ю.С. Степанова «Константы: Словарь русской культуры» в разделе «Отцы и дети» рассматривается постоянное понятие *мать*, акцент

делается на *солдатской матери*, реализации которого посвящен отдельный раздел.

Следует указать, что понятие мать является один из наиболее значимых практически во всех лингвокультурах, так как мать – основа человеческого бытия. Мать в русской лингвокультуре становится символом начала жизни и сущности жизни как таковой, что находит отражение в паремиях с различной стилистической окраской. В тех случаях, когда в паремиях лексема *мать* употребляется в прямом значении, пословицы и поговорки практически всегда отличаются стилистически возвышенной коннотацией.

Русские паремии отражают все многообразие ценностной парадигмы понятия *мать*. В русском паремиологическом пространстве понятие *мать* является одним из самых распространенных (частотных), отражая, чаще всего, особую ценность матери для детей, Родины-матери для всех живущих на Руси, матери-земли для всех людей, так как именно мать-земля дает людям пропитание и поддерживает саму жизнь.

Пословицы и поговорки о матери можно разделить на различные тематические группы, связанные с прямым и/или переносным значением лексемы *мать*. Для исследования были отобраны пословицы и поговорки из «Большого словаря русских пословиц» под редакцией В.М. Мокиенко [Мокиенко 2010] и «Большого словаря русских поговорок» В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной [Мокиенко, Никитина 2007] в количестве свыше четырехсот пятидесяти единиц.

Анализ паремических единиц позволил выделить следующие группы:

- паремии о матери как женщине, давшей жизнь своим детям;
- паремии, в которых репрезентируется образ родины-матери;
- паремии, в которых метафорически именуют место жительства (конкретные города) матерью или матушкой;
- паремии, репрезентирующих образ Божьей матери;
- периферийная группа пословиц и поговорок с компонентом *мать/матушка*.

2.1.1. Группа паремий о матери как женщине, давшей жизнь

Большая часть пословиц о матери репрезентирует уважительное отношение к матери семейства. В ценностной парадигме русской лингвокультуры мать олицетворяет все самое лучшее и доброе в жизни человека, а для сыновей и дочерей мать – источник всевозможных благ. Образ матери соотносим со всем святым, что есть в жизни человека, с первоосновой всего сущего: *Бог до людей, что мать до детей; Всяка мать за своё дитя молится; Мать праведна – ограда камена; Дожидайся солнцевой матери, Божьего суда* [Мокиенко 2010].

Мать в русских паремиях оберегает и защищает своих детей, заботится о них, воспитывает и закладывает основы понимания жизни в целом; мать добра к своим детям, она прощает им все проступки и всегда оправдывает, никогда не осуждает: *Своя мати не осудит; Мать и дитя — их не двое, они — одно единое; Мать и бия не бьёт* [Мокиенко 2010].

Русское паремиологическое пространство включает в себя паремии, в которых говорится о счастье, когда у человека есть добрая всепрощающая о заботящаяся о детях мать: *У кого есть матка, так и головушка гладка; Хорошо тому гулять, у кого родная мать: она встренет, да проводит, и в окошко поглядит* [Мокиенко 2010].

В русской лингвокультуре осуждается непочтительное, пренебрежительное отношение к матери. Те дети, которые забывают мать, никогда не будут успешны и счастливы в жизни. В подобных паремиях часто используются антропонимы, частотные русские имена, которые в подобных пословицах приобретают прецедентный характер: *Мать кормит детей — сохнет, а они по ней и не охнут; Кто обидит мать, тому счастья никогда не видать; Аще кто матери не послушает, в беду впадает; Наш Антон не тужит (не горюет) о том: мать умирает, а он со смеху помирает* [Мокиенко 2010].

Мать в русских паремиях всегда противопоставлена *мачехе*. Полагаем, что в русских семьях существовала проблема в отношениях *мачехи* и детей мужа от первого брака. Мачеха практически всегда предстает злой и коварной, обычно она не просто враждебна детям, но желает их погубить: *Мать высоко замахивается,*

да не больно бьёт, мачеха низко замахивается, да больно бьёт; Мачеха (Мачиха) пасынку надвое (на двое) волю дала: наг ходи или (либо) без рубашки; Поровну мачеха делила, а пасынкам ничего не осталось; Из дому гонит мачеха, а из лесу медведь [Мокиенко 2010].

Следует отметить, что в русском паремиологическом фонде также содержатся пословицы, в которых указывается, что мачеха не всегда злой человек, она может и заботиться о детях, а некоторые дети отвечают заботливой мачехе неблагодарностью: *Не всякая мачеха — крапива, не всякая падчерица — маков цвет* [Мокиенко 2010]. В приведенной пословице метафорически указывается, что стереотипы о злой мачехе и безропотной беззащитной падчерице не всегда соответствуют действительности.

Русские паремии констатируют, что мачеха и падчерицы/пасынки могут портить жизнь друг другу, если не найдут общего языка: *Горько живёт от мачехи пасынку, а не сладко ж и мачехе от пасынка*». [Мокиенко 2010].

В некоторых паремиях о мачехе с горечью отмечается, что мачеха может быть доброй, но это все же не родная мать: *Мачеха добра, да не мать родна* [Мокиенко 2010].

В русских паремиях все же более частотны пословицы, в которых констатируется, что мачеха — это зло и печаль: *Кто имеет мачеху, тот и печаль имеет; Пасынок — не сын, чужая беда — не своя (не свое горе)* [Мокиенко 2010].

В количественном отношении паремий о мачехе значительно меньше, чем о матери. Однако следует уточнить, что в русском паремиологическом пространстве антиномия *мать/мачеха* репрезентирует различные аспекты жизни и показывает отношение народа к жизненным ситуациям: *Достаток — мать, убожество — мачеха; Осень-то матка: кисель да блины, а весна — мачеха: сиди да гляди; Жизнь — не всегда родная мать, никогда — мачеха* [Мокиенко 2010].

Некоторые пословицы прямо указывают, что бывают случаи, когда матерью становится женщина, не являющаяся биологической матерью, а вскормившая детей и заботившаяся о них. В некоторых паремиях подобного рода образы отца и матери объединяются: *Не те мать-отец, кто родил, а те, кто вскормил, вспоил*

да добру научил; Не та мать, которая родила, а та, которая вспоила-вскормила [Мокиенко 2010].

В словарях русских пословиц и поговорок содержатся паремии, в которых важность *матери* в том, что она является частью семьи и выполняет определенные семейные функции помимо рождения детей. В таких паремиях репрезентируются представления русского крестьянства о социальном статусе матери в семье и взаимоотношениях с домочадцами (отношения матери и дочери, матери и сына, матери и невестки и пр.), о воле матери в семье. Внутрисемейные отношения в целом часто становятся объектом русских паремий (особенно много пословиц и поговорок об отношении мужа и жены): *Не годится возиться: матушка бить грозитя; Будь по-старому, как мать поставила; Рад бы жениться, да мать не велит* [Мокиенко 2010].

В некоторых паремиях философски осмысливается течение жизни и семейно-социальные отношения в соответствии с возрастом матери и дочери, матери и взрослого сына: *Стала матушка, будешь и бабушка; Ты, матушка, грози, а ты, девушка, гуляй!; Вишенкой цветёт дочка у родной матушки, в три погибели гнётся у свекровушки* [Мокиенко 2010].

Однако следует заметить, что в отдельных паремиях демонстрируется потребительское отношение к матери и указывается, что мать должна «кормить и поить» своих детей: *На что и мать, когда нечего дать; На что и мать, коли не кормит* [Мокиенко 2010].

Таких пословиц немного, однако они показывают, что все же существует амбивалентность образа матери в русской концептуальной и языковой картине мира.

В паремиологическом фонде русского языка содержится небольшое количество шуточных пословиц с компонентом *мать/матушка*. Они лишены прямой поучительности, однако имплицитно содержат какие-либо дополнительные смысловые доминанты: *Дело не наше, — сказала мамаша, — папаша придёт, все дела разберёт* (смысловая доминантата — гендерное разделение обязанностей в семье) [Мокиенко 2010]; *У каждого свой вкус, своя*

манера: папа любит арбуз, а мама офицера (смысловая доминаната — несовпадение вкусов и пристрастий в семье; намек на простоту и ограниченность мужчины и чувственные потребности женщины) [Белко 2000].

2.1.2. Группа паремий, в которых репрезентируется образ родины-матери

Следует отметить, что в русском паремиологическом пространстве наиболее частотны пословицы и поговорки, в которых лексема *мать* употребляется в прямом значении ‘женщина, давшая жизнь своим детям’. Однако необходимо отметить, что образ матери в русских пословицах метафоричен. Метафора *родина-мать* один из самых частотных в русской лингвокультурологии. При этом возникает метафорический перенос любви, заботы и даже святости как особых, присущих матери морально-нравственных категорий на образ родины, отчизны.

Группа пословиц, в которых репрезентируется *образ родины-матери*, в количественном отношении уступает паремиям о матери как женщине, давшей жизнь детям. Однако эта группа значительна в плане отражения ценностных приоритетов русского этноса. Родину нужно также беречь и охранять как родную мать; Родина, как и мать, дает жизнь и является необходимой в жизни любого человека: *Родина — всем матерям мать; Родина — мать, умей (сумей) за неё постоять* [Мокиенко 2010].

Одной из приоритетных ценностей в русской концептуальной картине мира является защита родины, при этом нужно быть патриотом настолько, чтобы быть готовым отдать жизнь за родину: *За Родину-мать готовься жизнь отдать; За Родину-мать не страшно умирать; Родину-мать умей защищать* [Мокиенко 2010].

В паремиологическом фонде русского языка антиномия мать/мачеха переносится и на образ родины-матери. Порицается трусость при защите родины, в таком случае родина становится мачехой: *Родина смелому мать, а трусу мачеха»* [Мокиенко 2010].

В некоторых паремиях образ родины-матери приобретает особую окраску при употреблении в иронических паремиях: *Мы у матушки России детки, она наша матка — её и сосём* [Мокиенко 2010].

Паремиологическая система русского языка содержит пословицы и поговорки о матери земле, которые также репрезентируют несомненную ценность земли как основы жизни, так как земные плоды необходимы всем людям: *Труд — отец, земля — мать; Земля кормит людей, как матушка дитя;*

2.1.3. Группа паремий, которые метафорически именуют место жительства (конкретные города) матерью или матушкой

Паремиологическое пространство русской лингвокультуры включает группу пословиц, которые метафорически именуют место жительства (конкретные города) матерью или матушкой. Это своеобразная демонстрация местного патриотизма, какой-либо город становится для его жителей таким же родным, добрым, как мать, но не всегда. Матерью городов русских издавна называли Москву. Образ Москвы-матушки зафиксировали пословицы: *Матушка-Москва белокаменная, златоглавая, хлебосольная, православная, словоохотливая; Москва — всем городам мать; Москва кому мать, [а] кому мачеха; Хлеба-соли покушать, красного звону (матушки-Москвы) послушать* [Мокиенко 2010].

В приведенной пословице фразеологический оборот *красный звон* имеет значение – приятный для восприятия звук церковных колоколов. В Москве было большое количество православных церквей и монастырей, во время церковных праздников перезвон стоял по всей Москве. По сути, в пословице говорится о приятной поездке в Москву, когда можно было приятно провести время: вкусно поесть и послушать колокольный перезвон.

В некоторых пословицах образ Москвы-матушки выступает как символ своеобразной высшей справедливости (и золотом и силой взять нельзя), Москва сама определит, кто чего достоин: *Дорога матушка Москва: за золото не купишь, силой не возьмёшь* [Мокиенко 2010].

И в тоже время в пословицах Москва может выступать в своем прямом значении – название города, в таком случае в Москве человеку не хватает добра,

теплоты своих родителей, не хватает того, что невозможно купить за деньги: *В Москве всё найдёшь, кроме родного отца да матери* [Мокиенко 2010].

В русских поговорах не только встречается метафора *матушка-Москва*, но матушкой, матерью могут именоваться и другие города и даже реки, то есть все то, что имеет прямое отношение к жизни человека и включено в антропоцентрическую парадигму. А в некоторых случаях в поговорах матушкой именуются даже силы природы и времена года: *Играй пока, матушка Ока, апрель на дворе; Матушка-Волга спину гнёт, зато денежки даёт; Матушка-весна всем красна* [Мокиенко 2010].

2.1.4. Группа поговорок, репрезентирующих образ Божьей матери

Русская лингвокультура и отражающие ее поговорки теснейшим образом связаны с верованиями, религией, народными обычаями и поверьями. Центральными для русской лингвокультуры стали религиозные воззрения, связанные с христианством, а точнее с православием как особым христианским течением. Согласно православной традиции, особо почитается Божья Мать (Богородица). Для православного христианина образ Божьей Матери соотносился с образом матери вообще, что нашло отражение в русских пословицах.

В отдельных пословицах речь идет не только о Божьей матери, но и о почитаемых святых женщинах в русской православной традиции. Божьей матери женщины молились всегда, просили милости для себя и близких, о чем свидетельствует следующая пословица: *Матери благынямъ си суть: чистота и милостыни* [Мокиенко 2010].

Но в некоторых конкретных случаях молились святым и просили помощи в конкретных житейских ситуациях: *Матушка Параскевея, пошли женишка поскорее* [Мокиенко 2010]. В данной пословице имя Параскевея — это именование святой Параскевы Пятницы. Согласно христианскому учению, она была замучена во времена гонения на христиан, так как отвергла брак для спасения своей жизни и не отреклась от христианского учения. Ее гонители были

наказаны Богом. Параскеве было принято молиться о семейном благополучии и об удачном замужестве (молились и сами девушки, и их матери).

В картотеке отмечена пословица *Матушка Покров, покрой землю снежком, а меня — женишком* [Мокиенко 2010], которая связывается с православным календарем русских крестьян. Покров — это религиозный праздник. По христианским верованиям, этот праздник символизирует заступничество и милость Божьей матери ко всем людям. Существует христианское (православное) предание о том, что Божья мать спасла город Константинополь от захвата и разорения по молитвам горожан и особенно по молитвам Андрея Юродивого. Божья мать явилась Андрею Юродивому и протерла свой покров (платок, накидку) над городом, в это время поднялась буря и потопила флот врагов, который двигался к городу. Праздник Покрова праздновался на Руси в октябре, когда заканчивались полевые работы. В это время хозяйки начинали готовиться к зиме, это было время сватовства и свадеб. Именно в это время играли свадьбы и считалось, что браки, заключенные в Покров, становятся самыми крепкими и счастливыми.

В пословице *Пречистая мать засекает, а Покров собирает* [Мокиенко 2010] говорится о том, что что-либо посеяли с молитвой к Божьей матери и ее помощью, а урожай собирали на праздник Покрова. То есть еще раз в пословице актуализируется русский православный календарь, который был важен для всех, кто занимался сельскохозяйственными работами.

2.1.5. Периферийная группа паремий с компонентом *мать/матушка*

Русское паремиологическое пространство имеет сложную структуру, в которой выделяется ядро и периферия. Ядром многие паремиологи считают так называемый паремиологический минимум, существование которого, впрочем, вызывает дискуссии. Паремии с компонентом *мать/матушка*, репрезентирующие в паремиологической системе соответствующие понятия, относятся к ядерной зоне. При этом в некоторых словарях пословиц и поговорок фиксируются выражения, которые сложно отнести к пословицам либо поговоркам в строгом понимании. Это так называемые прибаутки (присловья — термин Г.Л.

Пермякова), которые фиксировались еще в соответствующих словарях В.М. Даля и П. Симони. Прибаутки включены в «Большой словарь русских пословиц: около 70000 пословиц» В.М. Мокиенко. [Мокиенко 2010]. К периферии мы также отнесли группу пословиц с *дополнительными компонентами–онимами* и группу пословиц, в которых присутствует *метафорическое включение образа матери как символа жизни в гастрономический культурный код*.

Прибаутки существенно отличаются от пословиц и поговорок, поскольку, фиксируя какие-либо жизненные ситуации, они их осмеивают, иронизируют над ними. В некоторых случаях шуточные прибаутки не просто не имеют назидательного смысла, но используются в речи исключительно для украшения, так как рифмованная структура, несомненно, привлекает внимание коммуникантов. Так, Д.А. Романов отмечает: «Прибаутки обладают определенными специфическими чертами, отличающими их от фразеологизмов и паремий. <...> они не составляют единой фразы. Как правило, одна часть говорится первым человеком, другая — содержит вербальную реакцию второго человека (или в речи одного человека повторяется последнее слово собеседника и дается «реакция» на него)» [Романов 2018: 56].

На периферии русского паремиологического пространства находятся прибаутки с компонентом *мать/матушка*. Они, в отличие от пословиц, не имеют поучительного смысла, не являются суждениями или понятиями, однако, украшают речь и используются для развлечения и украшения речи: *Тётушка Варвара, меня матушка послала: дай сковороды да сковородничка, мучки да подмазочки; вода в печи, хочет пироги печи; Акуля, Акуля, что шьёшь не оттуля? — Ничего, маменька, ещё пороть буду; У нашей мамашки всё блины да олашки: день не пекут, да два погодят, всё горячие едят* [Мокиенко 2010].

В русских паремиях достаточно часто употребляются имена собственные, причем как мужские, так и женские. Антропонимы всегда имеют обобщающий характер и употребляются в значении «многие», «все». То есть среди русских паремий с компонентом *мать, матушка* следует выделить группу пословиц с *дополнительными компонентами–онимами*. Данные паремии чаще всего, имеют

шутливый или иронический характер: *Хороша невеста Аннушка, хвалит мать и бабушка* [Мокиенко 2010].

Целесообразно заметить, что понятие *мать*, репрезентированное в пословицах, поговорках русского языка пронизывает не только все паремиологическое пространство, но лингвокультурологическое пространство русского языка.

Паремиологический фонд русского языка включает периферийную группу пословиц, в которых присутствует *метафорическое включение образа матери как символа жизни в гастрономический культурный код*. Матерью и матушкой называют различные виды каши (гречневую, овсяную, ражаную), а также злаковые растения, из которых пекли разные виды хлеба; матушкой в пословицах именуется печка, в которой готовится еда на всю крестьянскую семью, которая обогревала в холодные зимы: *Гречневая каша — мать наша, и хлеб ржаной — отец родной; Матушка-рожь кормит дураков сплошь, а пшеничка-то — по выбору; Щи да каша — мать наша; Мать-печка хохочет, караваю хочет, а припичек усмехается, караваю дожидается* [Мокиенко 2010].

В последней пословице употребляется устаревшая лексическая единица *припичек*, которая называет часть русской печки. В русской печи перед топкой, в которую клали дрова и ставили горшки (чугуны) для приготовления еды, есть небольшое место (иногда его называли устье). На припичек (припечек) ставили горшки (чугуны) с едой, когда вынимали из печи, в том числе испеченные хлебы и караваи. Караваи пекли в русской печи, они были неотъемлемой частью русской кухни.

В русских паремиях зачастую метафорически еда, обозначая жизнь, связывается с образом матери. Мать дала жизнь, еда — это то, что поддерживает жизнь. Заметим, что чаще всего гастрономическая метафора *мать* связывается с национальными блюдами русской кухни, которые были считались неотъемлемой частью русского крестьянского быта (гречневая каша, ячменная каша, щи, рожь и пр.).

Таким образом, обобщая результаты анализа пословиц, поговорок, прибауток с компонентом *мать/матушка*, следует указать, что эти устойчивые языковые комплексы можно с точки зрения семантического наполнения и стилистических характеристик разделить на несколько групп: паремии о матери как женщине, давшей жизнь своим детям; с дихотомией мать/мачеха; паремии, репрезентирующие образ родины-матери, земли-матушки; паремии, в которых содержится метафорическое включение матери как символа жизни в гастрономический культурный код; паремии, которые метафорически именуют место жительства (конкретные города: Москва-матушка и пр.); паремии, репрезентирующие религиозные представления о Божьей матери; паремии с компонентом мать/матушка, включающие антропонимы с обобщенным значением; прибаутки с компонентом мать/матушка.

Итак, пословицы и поговорки о матери в русской лингвокультуре в полной мере показывают отношение русского этноса к общечеловеческим семейным ценностям и отражают национально-культурные особенности уважительного отношения к матери, осуждая непочтительность и пренебрежение по отношению к ней. Мать рассматривается как абсолютная нравственно-духовная ценность в жизни всякого человека, первооснова всего.

2.2. Паремии об отце

Паремии о родителях в русской лингвокультуре многообразны, пословицы и поговорки о матери и об отце частично сходны по семантике и отличаются при репрезентации роли отца во внутрисемейных и социальных отношениях.

Паремиологический фонд любого языка формируется на протяжении многих столетий, то есть пословицы в диахронии отражают национально-культурные стереотипы прошлого. В русской паремиологии воспроизводятся патриархальные взгляды на социум, на семейные роли. Русские паремии, как и китайские, демонстрируют чаще именно андроцентрический взгляд на мир. Этот факт теснейшим образом связывается с особенностями гендерных ролей в социуме. Роль отца как главы семейства в русской лингвокультуре ассоциируется с

традиционным укладом жизни, четко определенным социальным статусом мужчины в обществе. Паремии об отце передают все многообразие возможных социальных отношений в семье и обществе.

Для интерпретации многообразной семантики паремий об отце/батюшке следует обозначить особенности социальных и морально-нравственных характеристик отца (отцовства) в русской лингвокультуре. Во-первых, следует указать, что роль отца связывается с сакральными религиозными представлениями христианства, а точнее — православия. В картине мира русского народа образ отца соотносится образом Отца всего сущего, то есть Бога, в русском языке содержатся устойчивые словесные комплексы: Отец небесный, Вечный отец, Бог отец и пр. Отец небесный (Господь Бог) является владыкой всего сущего, обладает непререкаемым авторитетом. Отец в русской лингвокультуре наделяется от Бога определенной властью над семьей и обладает авторитетом в социуме. Но, помимо власти, отец по христианским представлениям несет большую ответственность перед богом и людьми за свою семью, помимо этого он должен выполнять определенные функции в социуме.

Во-вторых, отец олицетворяет порядок, закон и долг в русской лингвокультуре. Он несет обязательства перед социумом за счастье, благополучие семьи, определяет морально-нравственные основы. Все члены семьи зависят от воли отца, находятся в его власти. Таким образом, пословицы и поговорки отображают особенности внутрисемейных отношений: между отцом и детьми, между отцом и матерью, между отцом и родственниками.

Следует констатировать, что русские паремии репрезентируют сложную структуру понятия *отец/батюшка* (также, как и *мать/матушка*) в русской лингвокультуре. Анализ паремических единиц показал, что выделяются группы паремий:

- паремии, репрезентирующие *сакральный взгляд на отца*;
- паремии, в которых констатируется *ответственность отца и разнообразных функций отца в социуме и семье*;

- паремии об отношении детей и родителей (с осуждением непочтительности и неблагодарности детей);
- паремии, в которых противопоставляются отец и мать, их отношение к детям;
- паремии иронического характера;
- периферийная группа пословиц и поговорок с компонентом *отец/батюшка*.

2.2.1. Паремии, репрезентирующие сакральный взгляд на отца

Паремии данной тематики составляют значительную в количественном отношении группу единиц с компонентом *отец/батюшка*. В этой подборке встречаются пословицы, которые напрямую именуют Бога, содержат аллюзии к Библейским преданиям: *Все одного отца дети* [Мокиенко 2010]. В паремии имеется в виду известное христианское утверждение о том, что Бог — отец всех людей.

Паремии, репрезентирующие христианский взгляд на отца, указывают на важнейшее христианское качество — доброту: *Бог до людей, а отец до детей; Добр отец до детей, добр и Бог до людей* [Мокиенко 2010].

В некоторых пословицах батюшкой именуется царь всея Руси. В христианской традиции божественная власть над миром проецируется на власть светскую, власть царя. Считается, что царская власть в государстве дается по божьему благословению, что и отражается в ряде пословиц: *Государь — батюшка, надежда — православный (белый) царь* [Мокиенко 2010].

Паремиологический фонд содержит пословицы, в которых заключены обращения к Богу-отцу, к святым: *Дай Бог батюшке здоровья, а детки все к (в) промыслу; Батюшка Предтеча, я из Субботников, Павлова сноха, Иванова жена, помилуй ты меня!* [Мокиенко 2010].

В последней пословице содержится просьба божественному отцу от простой женщины, которая именует себя «Павлова сноха, Иванова жена». Обращение Батюшка Предтеча связано с христианским преданием об Иоанне Предтече

(Иоанне Крестителе), который предсказал рождение Иисуса Христа и затем крестил его в реке Иордан. К Иоанну Предтече обращались с просьбой об изобилии урожая (земных плодов).

В пословице *Батюшка Покров, натопи нашу хату без дров* [Мокиенко 2010] присутствует аллюзия к христианскому празднику Покрова Святой Богородицы, который праздновали осенью. После Покрова начинали топить печи, так как наступали холода. В приведенной пословице – шутливая просьба в Богородице в праздник Покрова совершить чудо, натопить печь без дров.

Хотя в русских паремиях образ отца соотносится с христианскими представлениями о нем, но все же в некоторых пословицах напрямую говорится о том, что отец не всесилен, все зависит от божьей воли: *И отец не поможет, когда сын занеможет* [Мокиенко 2010].

В некоторых пословицах с компонентами *отец, мать* действительность осмысливается с религиозной точки зрения; в пословицах подобного рода присутствует вера в Божью помощь: *Отца с матерью Бог прибирает, а к сироте ангела приставляет* [Мокиенко 2010]. Отметим, что в русской лингвокультуре с древнейших времен считалось, что сироты и вдовы находятся под особым покровительством божественных сил и их нельзя обижать, так как они и так обездолены. Даже в знаменитом «Поучении чадам своим» Владимира Мономаха содержится призыв помогать вдовам и сиротам, не давать их в обиду сильным.

Так как в русской лингвокультуре в целом важной составляющей является религия, то многие христианские заповеди становятся неотъемлемой частью национального мировидения, определяют мировоззрение народа. Однако при этом в паремиях, как и в лингвокультуре в целом, отображается довольно критический взгляд на так называемых отцов церкви (священников). Поэтому в паремиологическом фонде содержатся пословицы: *У отцов не найдёшь концов; У святых отцов не найдёшь [и] концов* [Мокиенко 2010].

В пословицах речь идет о том, что священники могут обмануть и запутать простой народ. Фразеологизм *концов не найти*, являющийся частью пословицы, обозначает ‘невозможно разобраться в чем-либо’.

2.2.2. Паремии, в которых констатируется ответственность отца и его функции в социуме и семье

В русском паремиологическом пространстве содержится группа пословиц об ответственности отца перед детьми и социумом: *Гуляй, дети! Отцы за вас в ответе; Дети крадут, [а] отец прячет; Творят дети, а отец в ответе; Отец с сошкой, а чада с ложкой* [Мокиенко 2010].

В последней паремии речь идет о том, что отец тяжелым трудом должен добывать пропитание своим детям.

В некоторых из подобных пословиц подчеркивается, что отцом становится даже муж жене, так как несет за нее ответственность: *Муж жене отец, жена мужу — венец* [Мокиенко 2010]. То есть отец в русской патриархальной традиции рассматривался не только как человек, наделенный властью, но и как несущий большую ответственность за детей, за жену, за своих престарелых родителей: *Отца-мать кормлю — долг плачу, а сыновей в люди вывожу — займы даю, дочь снабжаю — за окно бросаю* [Мокиенко 2010]. В приведенной пословице детализируется ответственность отца перед семьей. Обращает на себя внимание последняя часть пословицы, где говорится о дочери. Когда отец кормит и растит дочь, то это не приносит и ему и всей семье ничего, кроме убытков, так как дочь выйдет замуж и уйдет в другую семью. Ср.: *Отец с дочерьми, что с долгами: не скоро развяжется* [Мокиенко 2010].

В выборке отмечены пословицы, в которых констатируется, что отцом может стать и не родной по крови человек, который вырастил сына (или дочь). Такие же пословицы есть и о матери: *Не тот отец, кто породил, а тот, кто воспитал; Не та мать, что родила, а та, что выходила* [Мокиенко 2010].

При этом во множестве русских паремий речь идет об одинаковой ответственности родителей за своих детей: *Детки леноваты — родители виноваты; Родители трудолюбивы — и дети не ленивы; Ребёнок учится тому, что видит у себя в дому: родители — пример ему* [Мокиенко 2010].

Особую подгруппу паремий составляют *пословицы и поговорки, описывающие роли отца*. Так, отец должен обязательно научить детей уму-

разуму, вырастить добродетельных дочерей и успешных сыновей: *На то и отец, чтоб вскормил, уму-разуму научил; Отец бучит — не на худо учит* [Мокиенко 2010].

Но если отец не смог воспитать достойных детей, то не будет ему спокойной старости и не будет благополучия у всей семьи: *Детки подросли — отца растрясли; оттого растрясли, что умел отец родить, а не умел разуму научить* [Мокиенко 2010].

Русские паремии указывают, что пример отца определяет всю жизнь человека. В детях отражается все хорошее или плохое, что есть в отце (и родителях в целом): *Каков отец, таковы и дети; Какой отец, такой и молодец; Где хороший отец, там и сын молодец; Трезвый отец — детям образец; Отец сына не на худо учит; Из-за плохого сына бранят и отца; Как отец относится с матери, так и дети относятся к ней* [Мокиенко 2010].

2.2.3. Паремии об отношении детей и родителей (с осуждением непочтительности и неблагодарности детей)

В выделенной группе содержатся поучения детям о том, как нужно относиться к своим родителям: слушаться, почитать и уважать их: *Золото и серебро не стареют, отец-мать цены не имеют; Нет такого дружка, как родимая матушка да родимый батюшка; Отец и мать — священные слова* [Мокиенко 2010].

Некоторые русские пословицы констатируют, что дети должны гордиться своими родителями: *Умный хвалится отцом-матерью, глупый — женою* [Мокиенко 2010].

Интересным представляется тот факт, что русские пословицы констатируют особую близость матери и дочери, отца и сына: *Счастлив отец в сыновьях, а мать — в дочерях* [Мокиенко 2010].

Многие русские пословицы говорят о том, что только родители могут по-настоящему заботиться о детях: *У отца-матери за пазухой и на морозе тепло* [Мокиенко 2010]. В пословице иносказательно говорится о том, что даже в

сложных ситуациях родители могут помочь своим детям, защитить их. В пословице используется устойчивое сочетание *за пазухой*, которое обозначает верхнюю часть тела, грудь и прилегающую к ней одежду. То есть находиться за пазухой — прятаться груди под одеждой у матери или отца.

В рассматриваемой группе паремий выделяется подгруппа, в которую объединяются пословицы и поговорки о том, как счастливы родители, вырастившие хороших благодарных детей и как страдают родители, если дети оказались недостойными: *Детки — родителям кручина; Детки хороши — отцу-матери венец, детки плохи — отцу-матери конец; Хорошие дети — отцу и матери утешенье* [Мокиенко 2010].

В ряде паремий речь идет и об ответственности выросших детей перед родителями, при этом осуждаются дети, которые не должным образом относятся к своим родителям. В количественном отношении группа подобных паремий значительна (свыше тридцати пословиц). Осуждение обществом детей, которые не слушают родителей и не почитают их, является важным в русской лингвокультуре: *Кто не слушает отца и матери, тот станет слушать (послушает) телячьей кожи; Не слушался отца, послушаешься (послушается) кнутца* [Мокиенко 2010].

В пословицах речь идет о том, что дети, которые не слушали родителей и совершили преступление будут наказаны. На Руси существовало наказание за некоторые преступления — битье кнутом. Кнуты представляли собой орудие с длинным плетеным ремнем, у которого на конце завязаны узлы, иногда к этим узлам добавляли металлические грузы. Кнутом били преступников, при этом, чем больше полагалось ударов кнутом, тем выше была вероятность, что человек погибнет во время наказания. Первой из приведенных пословиц иносказательно идет речь о наказании кнутом (из телячьей кожи плели ремни кнута).

В некоторых пословицах речь идет о том, что неблагодарные дети будут наказаны: *Кто об отце или матери худо говорит, того Бог смерть ускорит; Кто отца оскорбит — осудит народ, кто мать оскорбит — нищим умрёт* [Мокиенко 2010].

И наоборот, те дети (кстати речь не идет отдельно о сыновьях или дочерях), которые заботятся о родителях получают милость Божию: *Не оставляй отца и матери на старости лет, и Бог тебя не оставит* [Мокиенко 2010].

В русском обществе осуждались взрослые дети, которые не могут распорядиться тем, что ему дали родители. При этом уточняется, что в некоторых случаях сыновья подвержены вредным привычкам, а точнее — пьянству, что отражается на благополучии семьи: *Отец накопил, а сын раструсил; Отец наживает горбом, а сын проживает горлом* [Мокиенко 2010].

В пословице используется метафорическое выражение *проживает горлом*, т.е. злоупотребляет спиртными напитками.

Помимо прямых дидактических наставлений в русских пословицах об отце (и матери) репрезентируется взгляд детей на своих родителей и констатируется, что со старым отцом бывает трудно, но без него человека мучает тоска: *Есть старый [отец] — убил бы его: нет старого — купил бы его* [Мокиенко 2010].

2.2.4. Паремии, в которых противопоставляются отец и мать, их отношение к детям

Значительной в количественном отношении в русской паремиологии является группа пословиц, в которых родители противопоставляются друг другу, причем мать оказывается в более выигрышном положении, т.к. мать больше слушают, почитают и уважают дети. Социальный статус матери в семье всегда высок, в христианской традиции требуется уважать и почитать свою мать. На Руси социальный статус женщины мог зависть от того, какие у нее дети. Ценность матери для детей является абсолютной: *Что мать в голову вобьет, того (то) и отец не выбьет; Отцов много, а мать одна; Отец умрёт, так полсироты, а мать умрёт — гольная сирота* [Мокиенко 2010]. В последней приведенной пословице прямо указывается, что именно на матери держатся семейные связи, именно мать является самым близким и родным человеком. В данной пословице употребляется устаревший устойчивый оборот *гольная сирота*, который в этой паремии обозначает отсутствие любых родных по крови людей. Причем следует заметить,

что лексема *сирота* и так имеет значение ‘отсутствие родителей’; а прилагательное *голый* в значении ‘абсолютный’ является восходящей градацией, признак абсолютного одиночества из-за полного отсутствия родных усиливается.

Приведем еще один пример паремии с компонентом отец и восходящей градацией: *Вдовец деткам не отец, а сам круглый сирота* [Мокиенко 2010]. В данном случае смысловой акцент делается на том, что потерявший жену муж, несмотря на то, что у него есть дети, становится сиротой, так как в одиночку не справляется с семейными трудностями.

Во многих русских пословицах отмечается, что мать больше заботится о детях, чем отец. Например: *Мать у корзины накормит, отец у сусека заморит* [Мокиенко 2010]. В пословице содержится лексическая единица *сусек* ‘емкость, наподобие сундука, ларя, в котором хранили хлеб, зерно’, т.е. отец рядом с полным ларем зерна не сможет накормить детей, а мать рядом с небольшой корзиной с продуктами сможет детей накормить.

2.2.5. Паремии иронического характера об отце

Поскольку в паремиях демонстрируется совокупность разнообразных представлений об отце в русской лингвокультуре, то в некоторых паремиях отражается и иронический взгляд.

М.М. Бахтин ввел в литературоведение термин *карнавализация*, т.е. отражение в художественных произведениях (в том числе и малых фольклорных жанрах) народной смеховой культуры эпохи средневековья. Считается, что русские пословицы зарождались еще в эпоху Древней Руси, то есть в них (по мнению Бахтина) также может отражаться народный ироничный взгляд на окружающую действительность. В народной культуре зачастую подвергается осмеянию все, что связано с поведением, с какими-либо жизненными ситуациями, это может касаться и образа отца.

Д.С. Лихачев, известный исследователь древнерусской литературы так писало об этой особенности древнерусских текстов (полагаем, что это касается

пословиц и поговорок): «Авторы <...> древнерусских произведений чаще всего смешат читателей непосредственно собой. Они представляют себя неудачниками, нагими или плохо одетыми, бедными, голодными... Снижение своего образа, саморазоблачение типичны для средневекового и, в частности, древнерусского смеха» [Лихачев 2010]: *Отец мой жил не ровно: хлеб есть, так соли нет, соль есть, так хлеба нет; а я, добрый молодец, живу ровно: ни хлеба, ни соли; Отец пусть пашет: он старый — борозды не испортит* [Мокиенко 2010].

В тех паремиях, где содержится ирония, сарказм, осмеиваются различные стороны жизни в рамках карнавальной народной смеховой культуры вполне допустимо осмеяние отца.

2.2.6. Периферийная группа паремий с компонентом *отец/батюшка*

Как и в паремиях с компонентом *мать/матушка*, в группе паремий с компонентом *отец* содержится ряд паремиологических единиц, которые можно отнести к периферии паремиологического фонда, это прибаутки. Прибаутки не несут важного для пословиц суждения, а воспринимаются как шутка; в подобных единицах важна диалогическая форма и рифмовка. Приведем пример: — *Ах, как сладки гусиные лапки. — А ты их едал? — Нет, мой отец видал, как [наш] барин едал* [Мокиенко 2010].

Также к периферии мы отнесли паремии об отце, как и паремии о матери, содержащие группы семантически объединенных паремиологических единиц, в которых метафорически осмысливается их роль. Так, *матушкой* может быть названа рожь, пшеница, гречка, печка и пр. *Отцом/батюшкой* может быть назван конь, овес, хлеб, август. В таком случае метафорически осмысливается все, что имеет жизненно важное значение для жизни крестьянской семьи: еда, предметы быта, месяцы, которые наиболее важны в крестьянском календаре: *Казаку конь — отец родной и товарищ дорогой; В июне батюшка-овёс до половины только урос; Гармонюшка-матушка лучше хлеба-батюшка; Август-батюшка заботой-работой мужика тешит* [Мокиенко 2010].

Половицы подобного рода об отце и матери построены по единой модели, в которой важный для русского человека объект маркируется наиболее важным термином родства в русской лингвокультуре.

К периферии паремий с компонентом *отец/батюшка* относятся пословицы и поговорки с онимами:

1) антропонимы: *Отец был Фрол, а детки (дети) недостойным Миронычи; Умён сын Иванушка! — Кто хвалит? — Матушка* [Мокиенко 2010]; *Все Адамовы детки: Адам плотию наделил, Ева – грехом; По бороде Авраам, а по делам Хам.*

Заметим, что пословицы с компонентом *мать/матушка* также содержат имена собственные, например: *Показать Кузькину мать;*

2) топонимы. Имена собственные в пословицах с компонентом *отец* зачастую именуют конкретные города, деревни, т.е. используются топонимы. В пословицах подобного рода передается народное отношение к городам, жизни в этих городах: *Елец всем вора́м отец, а Ливны всем вора́м дивны; Батюшка-Питер бо́ка нам (наши) вытер (повытер), братцы-заводы унесли годы, а матушка канава [и] совсем доконала* [Мокиенко 2010].

Обобщая сказанное нужно отметить, что образ *отца/батюшка*, репрезентированный в пословицах, поговорках русского языка является одним из ключевых в русском паремиологическом пространстве, наряду с концептом *мать/матушка* он структурирует лингвокультурологическое пространство русского языка в антропоцентрической парадигме.

Таким образом, подводя итоги рассмотрения пословиц, поговорок, прибауток с компонентом *отец/батюшка* следует указать, что эти устойчивые языковые комплексы можно разделить на несколько групп с точки зрения семантического наполнения: паремии, репрезентирующие сакральный взгляд на отца; паремии, в которых констатируется ответственность отца и разнообразных функций отца в социуме и семье; паремии об отношении детей и родителей (с осуждением непочтительности и неблагодарности детей); паремии, в которых противопоставляются отец и мать, их отношение к детям; паремии иронического

характера; периферийная группа пословиц и поговорок с компонентом *отец/батюшка*.

В паремиологической системе русского языка содержится значительное количество пословиц и поговорок, в которых речь идет об обоих родителях.

В целом, пословицы и поговорки об отце, о родителях в русской лингвокультуре, репрезентируя основные концепты, отражают отношение русского этноса к общечеловеческим семейным ценностям. Мать и отец, родители в целом рассматриваются как нравственно-духовная ценность.

2.3. Паремии о бабушках и дедушках

Рассматривая семантику паремий о родителях, следует принимать во внимание паремии о бабушках и дедушках, которые включены в макрополе «родительские отношения». Родители в русской лингвокультуре — и мать, и отец (что зафиксировано в словаре «Константы русской культуры») — являются важнейшими понятиями, репрезентирующими не просто отношения в семье, но и являющиеся основой мировосприятия русского человека. Согласно многочисленным исследованиям, в парадигму внутрисемейных отношений во многих лингвокультурах, в том числе и русской, входят представители второго поколения родителей (бабушки и дедушки).

Таким образом, в макрополе «родительские отношения» включаются понятия *мать/матушка, отец/батюшка, бабушка/бабуся/бабка, дедушка/дедуся, сын, дочь, внук, внучка*.

В русском паремиологическом пространстве паремий про бабушек и дедушек меньше, чем про мать и отца; однако их количество значительно. В «Большом словаре русских пословиц» и «Большом словаре русских поговорок» их зафиксировано свыше ста.

Паремии о бабушках репрезентируют различные социальные и семейные отношения. Бабушки заботятся о внуках, готовят еду, занимаются хозяйством, помогают семье, как могут: *Где бабка ни бери, да (а) внука корми; Бабушка походит, всему делу пособит* [Мокиенко 2010].

В крестьянском мировоззрении помимо религиозных христианских воззрений бытовали и языческие поверья. Женщины особенно много гадали (ворожили), хотя за это наказывали; в некоторых случаях односельчане могли расправиться с ворожеей, если им казалось, что она представляет для людей опасность, что зафиксировано в исторических памятниках.

В паремиях отношение к ворожбе (гаданию) нейтральное, даже положительное. Признается, что ворожбой женщины (и матери, и бабушки) могли заработать деньги: *Добро (хорошо) тому жить, у кого бабушка ворожит; Тогда бабушка ворожить стала, когда у неё хлеба не стало* [Мокиенко 2010].

Паремии о бабушке в отдельных случаях семантически и структурно повторяют соответственные паремии о матери, особенно когда констатируется, что бабушка обо всех заботится, а о ней нет. Приведем пример: *Бабушка Софья про всех сохнет, только о ней никто не вздохнет; ср. У него мать умирает, а он со смеху помирает* [Мокиенко 2010].

В паремиях о бабушке констатируется, что в некоторых случаях они теряют разум, врут, теряют рабочие навыки хозяйствования, становятся неряшливыми: *Старуха — бабушка повируха: из старого ума выжила, нового не прижила* [Мокиенко 2010]. Лексема *повируха* (по словарю В.И. Даля) означает ‘врунья’, либо (пренебреж.) ‘бесхозяйственная женщина’.

В некоторых случаях иронично констатируется, что бабушки могут говорить ерунду: *Бабушка ещё надвое сказала (гадала) [: либо дождь, либо снег, либо будет, либо нет]»* [Мокиенко 2010]. Приведенная паремия в усеченном виде (*Бабушка надвое сказала*) активно используется в современном русском языке, обозначая ситуацию неизвестности, неопределенности.

В ряде паремий показывается амбивалентное отношение к бабушке. С одной стороны, ее жалеют, к ее советам прислушиваются, а иногда посмеиваются над ней, относятся с некоторым пренебрежением или даже презрением, не сожалеют о том, что бабушка умерла: *Никто (некто) бабку с печи тихал — сама пала; Эту бабку распрозить, да на бабке сор возить; Жила бабушка — не мешала, умерла — [и] голбчик опростала* [Мокиенко 2010]. Отметим, что *голбец, голбчик* (устар.) —

это примыкающая к печке пристройка в форме сундука. Обычно в русской избе старшее поколение (и бабушки, и дедушки) спали около печки, за печкой, а на печке зачастую располагались и бабушки, и маленькие дети.

В отдельных паремиях о бабушке звучит ирония по отношению и к ней, и к ее действиям: *Скажите нашим: на дедушке нашем. А бабушку бережём: её завтра запряжём; Пока у бабушки поспеют кныши, у дедушки не станет души* [Мокиенко 2010], *кныши* в значении ‘пышные булочки, пышки’. То есть пока бабушка приготовит булочки, дедушка может и не дожидаться.

В русском паремиологическом пространстве содержатся единицы, в которых объединены лексемы *бабушка* и *дедушка*. Зачастую речь идет об отношениях между бабушкой и дедушкой, которые осмысляются иронически. Но в большинстве подобных паремий отношение к бабушкам и дедушкам снисходительное: *Молчи: дедушка с бабушкой на зиму печь межуют* [Мокиенко 2010]; *межуют* в значении ‘делят’: в русской избе спать на печи было привилегией старых людей или детей, потому что там было всегда тепло. Дедушка и бабушка могли делить печку, так как каждый хотел там спать в тепле и комфорте; *Подрались дедушка с бабушкой, и семеро внуков не разберут: по что (про что); Бабка с дедкой на хуторе всё перепутали* [Мокиенко 2010].

В некоторых случаях акцентируется тот факт, что бабушка особо заботится о дедушке, что поддерживает его жизнь: *Рассыпался б дедушка, кабы его не подпоясывала бабушка* [Мокиенко 2010].

Некоторые паремии отрицательно характеризуют бабушек, что может свидетельствовать о том, что в паремиях репрезентируются разнообразные представления о бабушке в народном сознании: от положительного уважительно-любовного до иронического, неодобрительного. Приведем примеры: *В девках — растрепана, так в бабушках — недотепа; Бабкам большие (побольше) дают (дадут, дай) — они и кобылу (собаку, собачку) отпоют* [Мокиенко 2010]. В последней паремии речь идет о церковном обряде: отпевании усопших людей. В христианской православной традиции умерших людей отпевают, то есть совершается особое богослужение, в ходе которого все присутствующие просят у

Бога отпущения грехов умершего человека. Церковное богослужение ведет священник, но присутствующие или хор поют молитвы вместе со священником. По окончании обряда родственники умершего человека могут заплатить певчим. В пословице говорится об этом церковном обычае. Но бабушки при этом предстают не в самом лучшем свете, так как они из-за денег могут пойти на нарушение всех церковных правил (что, по канонам православной церкви большой грех).

Бабушки в русских паремиях чаще все же показаны как семейная ценность, неотъемлемая часть хорошей семьи, о которой вспоминают и сожалеют о ее уходе из жизни: *Была б моя бабуся, никого не боюся; бабушка — щиток, кулак — молоток; Укуся пирожка, да в пазушку: помяни, Бог, покойную бабушку* [Мокиенко 2010].

Паремии о бабушке естественным образом обращаются к проблеме философского осмысления преклонного возраста бабушек. Бабушки тоскуют о своей молодости, о тех временах, когда они сами были внучками, т.е. в паремиях обращается внимание на естественную цикличность жизни: *Вспоминала бабушка, как внучкой была; Вспомнила бабушка девич вечер, да и заплакала* [Мокиенко 2010]. В пословице *Кто бабе не внук? Кто молод не бывал?* — также идет речь о течении жизни, все были юными, у всех были бабушки.

В паремиологическом пространстве русской лингвокультуры особое место занимают прибаутки (по терминологии Г.Л. Пермякова — присловья). Прибаутки в макрополе «родственные отношения» затрагивают *мать/матушку, отца/батюшку, бабушек и дедушек, сыновей и дочерей, внуков и внучек*. В прибаутках важным является рифмовка, привлекающая внимание и помогающая запомнить прибаутку. Приведем примеры: — *Где вы были? — У бабки. — Что ели? — Оладки. Где вы были? — У бабки. — Что ели? — Оладки; Огуречек, огуречек, не ходи на тот кончик: там бабки живут, там дедки живут; Бабка-липка, сядь на травку, приколю тебе булавку* [Мокиенко 2010].

В прибаутках, в отличие от паремий нет поучительного смысла, нет назидания, осуждения или оценки. Это своеобразные народные шутки (по Бахтину шутка в народной карнавальной традиции).

Нужно отметить пословицу, которая активно используется в современном языке, примыкает к прибауткам, обозначая крайнее удивление: *«Вот тебе бабушка и Юрьев день!»* Пословица имеет древнее происхождение, восходит ко временам, когда крепостные крестьяне имели право уходить от помещика, но только в один день в году, в так называемый Юрьев день. Юрьев день — это в церковном христианском календаре день поминовения Георгия Великомученика, который праздновали 26 ноября, к этому времени заканчивались все сельскохозяйственные работы, и крестьяне могли уйти от помещика. В XVI в. это право крестьян было отменено.

В крестьянском укладе жизни, когда не было доступной медицинской помощи, у бабушек была важная функция — помогать в родах. Таких пожилых женщин называли либо просто бабушками, бабками, либо повивальными бабками, повитухами. Именованная *повивальная бабка* связывалась с традицией пеленания новорожденного ребенка. Повивальная бабка перерезала пуповину, обмывала и пеленала младенца. Приведенные ниже пословицы о повивальных бабках: *Погоди родить, дай по бабушку сходить!*; *Бабка побабит — всё дело поправит* [Мокиенко 2010] — свидетельствуют о важности повитух в народной жизни. В последней пословице глагол *побабит* обозначает ‘поможет ребенку родиться, примет роды’.

В русском фольклоре интересным является сказочный образ бабы-яги, восходящий ко времени язычества. В русских народных сказках баба-яга бывает злой, жестокой, но бывает и справедливой, умудренной опытом советчицей. В паремиологическом пространстве единиц с компонентом баба-яга немного. В «Большом словаре русских пословиц» под редакцией В.М. Мокиенко встречается только один пример: *У яги-бабы один зуб, да и тот клык* [Мокиенко 2010].

В словаре В.И. Даля «Пословицы русского народа» несколько примеров с компонентом баба-яга, но это не пословицы, а загадки и присказки: Загадка: *Баба-яга, вилами нога, весь мир кормит, сама голодна.* (Отгадка: *соха*); Присказка: *Баба-яга костяная нога: в ступе едет, пестом погоняет (упирает), помелом след замечает*; Угроза: *Чтоб тебя баба-яга в ступе прокатила!*

В дальнейшем приведенные В.И. Далем паремиологические выражения ушли из активного запаса языка.

В макрополе «родственные отношения» компоненты *бабушка/баушка/бабуля/бабка* могут иметь синоним *старуха*. В ряде паремий старухой называют не просто старую женщину, но и бабушку: *Старуха покоится внуками* [Мокиенко 2010].

Ряд паремий с компонентами *бабушка* или *страха* построены по одной модели и являются вариантами: *Мерила бабушка клюкой, да и махнула рукой: быть по-старому, как поставлено! / Меряла старуха клюкой, да махнула рукой* [Мокиенко 2010].

Одним из важнейших концептов паремиологического макрополя «родительские отношения» являются пословицы и поговорки с компонентом *дед/дедушка/дедуля (дедуня)*. При репрезентации в пословицах лингвокультурологических представлений русского народа о дедушке тематически затрагиваются разные аспекты жизненных ситуаций. Так, следует обратить внимание на группу паремий, в которых указывается (эксплицитно и имплицитно), что *дедушка (дед)* все равно несет ответственность за семью (и за бабу, и за внуков): *Где дед ни бери, а (только) бабу корми; У кого есть дед, у того и обед; Поки деда (дида), поки и хлеба; Дед растянулся, бабу скорчило, и внучата пропали* [Мокиенко 2010]. В последней приведенной пословице устойчивый оборот *дед растянулся* означает 'дед умер', поэтому и внучата пропали (в прямом значении 'погибли', в переносном значении 'стало им невыносимо жить').

Русские паремии констатируют, что деды по-своему определяют будущее своих внуков: *Жил дед свиньей, зажил внук поросенком* [Мокиенко 2010].

В ряде паремий констатируется гендерное разделение трудовых ролей *деда* (дедушки) и *бабы* (бабушки), что было характерно для русской крестьянской народной культуры: *Баба с кашкою, а дед с ложкою (лошкою); Бабушка на печь, а дед по дрова* [Мокиенко 2010].

Паремиологический фонд русского языка включает поговорки не просто о дедушках (дедах), но и о прадедах. Компонент прадед в пословицах имеет не прямое, а переносное обобщенное значение — *предки: Прадеды ели просто, да жили лет до сту; Прадеды наши жили просто, да лет со сто, а мы пятьдесят, да и то на собачью стать; Прадеды наши так жилали и нам так жить наказали* [Мокиенко 2010].

В целом, в русской культурной традиции отмечается уважение к старшим. Считалось, что старшие (*деды*) мудрее, много знают, могут помочь советом: *Дедушка много знал, да (так и) помер* [Мокиенко 2010].

Как и в поговорках об отце, матери и бабушке, в пословицах о дедушке содержатся обязательные поучения о том, что *деду* нужно помогать, «посадить на печь». Как уже отмечалось, в русской избе печь занимала центральное место, на теплой печи спали дедушка, бабушка и малые дети. Дедушку и бабушку внуки должны кормить, так как они сами постареют и их ждет та же участь. Назидательный смысл подобных поговорок соотносится с христианскими воззрениями о том, что нужно почитать родителей (и соответственно бабушку и дедушку), так как почитание родителей является одной из христианских заповедей: «Чти отца твоего и мать твою, да благо тебе будет, да долголетен будешь на земле». В народной наивной картине мира русского крестьянства считалось, что если дети и внуки не будут почитать родителей (*дедушек* и *бабушек*), то они будут наказаны, о них не будут заботиться их дети и внуки. Эти воззрения отражаются в следующих пословицах: *Корми деда на печи: и сам будешь там; Подсади деда на печь — тебя внуки подсадят; Помогай деду, а тебе помогут внуки* [Мокиенко 2010].

Русская поговорология зафиксировала иронично-любительные отношения к дедушкам, как, например, в поговорке: *Постой, дедушка, не умирай: за киселем побежали*. В поговорке содержится часть поговорки *За семь верст киселя хлебать* ‘ехать очень далеко’. То есть дедушке предлагается подождать неопределенно долго, не умирать вообще. Кроме того, в русской лингвокультуре и народных традициях важно было выполнить последнюю волю умирающего. Если дед перед

смертью попросил киселя, то нужно было обязательно его достать, принести и накормить умирающего.

Однако даже при уважительном отношении в паремиях с компонентом дед (дедушка) не наблюдается однозначно положительной коннотации. Дедушка, хоть и умен, но немощен, у него может не быть денег, расходы понесут внуки: *Накажет дед, как помрёт — без рубля поп не похоронит* [Мокиенко 2010]. То есть за похороны нужно платить внукам, если у дедушки не осталось денег даже на похороны.

В ряде паремий подчеркивается немощность старого человека: *Старому деду и на печке ухаб*. В данной пословице лексическая единица ухаб обозначает яму на дороге, которая доставляет неудобства при езде, транспортное средство трясет, соответственно дискомфорт испытывают все пассажиры. В пословице речь идет о том, что старый человек даже в комфортных условиях чувствует себя плохо.

Русские паремии показывают, что дедушка/дед, несмотря на возраст и умудренность опытом, может совершать досадные ошибки, над чем пословицы иронизируют: *Починил дед клетку, что и собаки лаят; Бывает и на деда грех* [Мокиенко 2010].

Во многих паремиях о дедушках (дедах) и бабушках (бабках) содержатся элементы наивной картины мира, в которых обращается внимание на естественное течение жизни, на то, что к любому человеку придет старость, что любой человек, умирая «ничего с собой не возьмет»: *Дедушка сед, а смерти на него нет; Дедушка умрёт, ничего с собою не возьмёт* [Мокиенко 2010].

В некоторых пословицах констатируется, что старые люди (и деды, и бабушки) чувствуют себя молодыми или вспоминают свою молодость и грустят о прожитой жизни, иногда в паремии присутствует ирония: *Стар дед, да душа молода; Сиротинушка наш дедушка: ни отца, ни матери* [Мокиенко 2010].

В паремиях с компонентом дед речь идет и о естественном течении жизни, смене поколений: *Что было — видели деды, что будет — увидят внуки* [Мокиенко 2010].

Иногда в подобных поговорках содержится ироничное сожаление о лучших прошедших годах, когда деды жили хорошо: *Деды не знали беды, да внуки набрались муки; Жили деды, не видали беды; стали жить внуки — натерпелись муки; Наши деды живали, да мёд пивали: а мы живём — ни едим, ни пьём* [Мокиенко 2010].

В русских сказках содержатся сходные мысли о старине. В «стародавние времена» жизнь была лучше. Такие утверждения находят продолжение в поговорках о том, что нужно жить по-старому, тогда и в жизни будет все также хорошо, как и в дедовские времена: *Деды наши баивали правду, а мы только поддакивать умеем; Как жили деды наши, так и нам жить велели* [Мокиенко 2010].

Традиционная форма русских поговорок предполагает рифмовку. В части поговорок рифмуется *дед* и *обед*. Отметим, что в семантическом плане в подобных поговорках заключен определенный смысл. Обычно *деда* (отца) кормили внуки, что было обязательным, но деды от этого могли страдать: *Соли, дед, шти, а хлеба жди; Жаль деда, а быть ему без обеда* [Мокиенко 2010].

Зависимое положение старых людей воспринималось как данность, но деду иногда советовали ни на кого не надеяться: *Не надейся, дед, на чужой обед, а пораньше вставай да свой затевай* [Мокиенко 2010].

О материальных неурядицах деда говорят многие пословицы, зависимое положение доставляет старому человеку страдания: *«Охнет и дед, когда денег нет; Тужил дед, что худо одет; Дедушка старенек, а немного у него денег* [Мокиенко 2010].

Поговорки о дедушке, также, как и поговорки о бабушке, матери, отце, содержат яркие метафоры, когда лексема *дед* (*дедушка*) обозначает не родного человека, а какой-либо предмет. Метафорический перенос в таком случае может быть осуществлен по функции (важности предмета): *Хлеб — калачу дедушка; Ржаной (оржаной) хлебушка (хлебушко) — [белому] калачу дедушка* [Мокиенко 2010].

В некоторых пословицах компонент *дедушка* (*дед*) отсутствует, но предполагается: *Ноябрь — сентябрев внук, октябрев сын, зиме родной батюшка;*

Ноябрь — сентябрев внук, октябрев сын, зиме родной батюшка». [Мокиенко 2010].

Паремии о дедушках зачастую не содержат прямой назидательности, бывают ироничными, шутливо осмысляя действительность, какие-либо житейские события: *Не учи дедушку кашлять; Забавен не в деда — кто ты сделал?; Лукав не в деда — кто ты сделал?* [Мокиенко 2010].

В русской лингвокультуре (что отражено и в пословицах, и в поговорках) содержатся шутливые угрозы маленьким детям, чтобы они не баловались и слушались взрослых. Детей могли пугать сказочными персонажами бабой-ягой, лешим, домовым. А могли пугать и дедушкой: *Вот ужсо, погоди, — придёт дед, посадит тебя в мешок!* [Мокиенко 2010].

К пословицам, репрезентирующим концепт *дед/дедушка* макрополя «родственные отношения», примыкает группа паремиологических единиц, именуемых прибаутки, по терминологии Г.Л. Пермякова — присловья. Прибаутки с компонентом *дед/дедушка* не являются назидательными, не содержат обобщения, не являются суждениями, но используются как своеобразные украшения речи, забавные шутливые фразы: *Хороши пирожки-гороховички, я не едал, а от дедушки слышал, а дедушка видал, как мужик на рынке едал* [Мокиенко 2010].

Следует отметить интересный факт. Прибаутки и шутливые выражения появляются в русской паремиологии и в советское время, они включают маркеры советского времени, соответственные лексические единицы — советизмы: *В Москве живёт наш дед — Верховный Совет* [Мокиенко 2010]. В некоторых случаях на период происхождения прибауток указывают новые для советского крестьянства реалии жизни: *Отдохни, сошка! — сказал дед Тимошка. — Теперь не твой час: есть трактор у нас* [Мокиенко 2010].

Таким образом, паремий с компонентами *бабушка/бабка/баба* и *дедушка/дед, дедуля/дедуня* в количественном отношении меньше, чем паремий с компонентами *мать/матушка, отец/батюшка*. Однако они значимы в качественном отношении, поскольку показывают внутрисемейные отношения,

мировоззренческие приоритеты русского этноса, показывая важность уважительного и почтительного отношения к старым людям. Бабушек и дедушек не исключают из семьи, признавая за ними авторитет, житейскую мудрость. Русские паремии о бабушках и дедушках показывают амбивалентные отношения в семье и социуме к старым людям. С одной стороны, это почтительное, даже любовно-снисходительное отношение к бабушкам и дедушкам, а с другой стороны в пословицах содержится ироническое снисхождение к физической слабости и даже глупости стариков. Пословицы и поговорки о бабушках и дедушках показывают наивную народную картину мира, при этом философски осмысляя естественное течение жизни и наступление старости, осмысляют гендерные аспекты внутрисемейных отношений. Так, дедушка ответственен за семью, ее благосостояние, за потомков, а бабушка заботится обо всех домочадцах, пока хватает сил. Отмечено значительное количество прибауток о бабушках и дедушках. Паремии о бабушках и дедушках — важная часть русского лингвокультурологического пространства, в них зафиксированы ценностные ориентиры русской лингвокультурологии, демонстрирующие традиционные патриархальные взгляды на семью и общество.

ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ

Изучение паремий в российской лингвистике имеет свои традиции; тем не менее нужно отметить, что не существует единого мнения по поводу определения сущности пословиц и поговорок.

Под паремией мы понимаем обобщенное именование пословиц и поговорок; данные единицы характеризуются воспроизводимостью, лексикализированностью, устойчивостью, семантической целостностью, идиоматичностью. Под пословицами мы понимаем устойчивое и воспроизводимое логически законченное изречение, обладающее ритмической структурой, которое содержит или не содержит образ; пословицы могут иметь варианты и трансформироваться. Поговорки, следуя научной концепции В.М. Мокиенко, мы определяем как фразеологические единицы, которые отличаются структурой от логически законченных пословиц.

Целесообразно заметить, что понятие *мать*, репрезентированное в паремиях русского языка, включено в лингвокультурологическое пространство русского языка и с точки зрения семантического наполнения и стилистических характеристик делится на несколько групп: паремии о матери как женщине, давшей жизнь своим детям; единицы, в которых репрезентируется образ родины-матери; паремии, в которых метафорически именуют место жительства (конкретные города) матерью или матушкой; единицы, репрезентирующих образ Божьей матери; периферийная группа паремий с компонентом мать/матушка, включающая прибаутки.

Паремии о матери в русской лингвокультуре максимально полно демонстрируют ценности русского этноса в аспекте семейных отношений: характеризуют национально-культурные особенности уважительного отношения к матери, осуждают непочтительность и пренебрежение по отношению к ней. Мать позиционируются в паремиях как абсолютная нравственно-духовная ценность, первооснова.

Паремии с компонентом *отец/батюшка* являются значимой частью паремий о родственных отношениях, репрезентирующие прежде всего сакральный взгляд на отца; также нами выделены паремии, в которых констатируется ответственность отца и разнообразных функций отца в социуме и семье; единицы об отношении детей и родителей (с осуждением непочтительности и неблагодарности детей); паремии, в которых противопоставляются отец и мать, их отношение к детям; пословицы и поговорки иронического характера; периферийная группа паремий с компонентом *отец/батюшка*, включающая прибаутки.

В выборке проанализированных русских паремий отмечено значительное количество единиц, в которых речь идет об обоих родителях. Мать и отец, родители в целом рассматриваются как нравственно-духовная ценность.

Меньшая часть выборки содержит паремии с компонентами *бабушка/бабка/баба* и *дедушка/дед, дедуля/дедуня*, которые отмечены нами как значимые для демонстрации внутрисемейных отношений. Паремии о бабушке и дедушке маркируют мировоззренческие приоритеты русского этноса, демонстрируют традиционные патриархальные взгляды на семью и общество и указывают на необходимость уважения старых людей в целом. Паремии характеризуют бабушек и дедушек как членов семьи, носителей житейской мудрости. Паремии о бабушках и дедушках маркируют также гендерные роли бабушки и дедушки в семье. Русские паремии о бабушках и дедушках также показывают амбивалентное отношение в социуме к старым людям: почтительное и ироническо-снисходительное к физической слабости и глупости стариков. В выборке отмечено значительное количество прибауток о бабушках и дедушках.

ГЛАВА 3. ХАРАКТЕРИСТИКА КИТАЙСКИХ ПАРЕМИЙ О РОДИТЕЛЯХ

Паремиологический фонд китайского языка включает сотни пословиц, большая часть которых сформировалась много веков назад. Источниками китайских паремий считаются религиозные представления китайцев, прежде всего, народа хань, китайская литература, образ жизни и система ценностей крестьянства. Древнейшие китайские пословицы, сохранившиеся в языке до настоящего времени, отражают аксиологию, парадигму ценностных доминант китайской лингвокультуры.

Среди самых значительных тем китайских паремий следует указать такие темы, как: уважения к старшим, почитания родителей и семьи; праведного труда; почтения к учителям; значимости учения и передачи мудрости следующим поколениям; счастья и стремления к гармонии в жизни; тему дружбы; любви и пр.

3.1. Фиксация представлений о семье в иероглифическом письме — иероглиф 家 ‘семья’

Родственные отношения — одна из основ человеческого общества. Она возникла вместе с институтом брака и семьи и сформировала ценности и нормы поведения в конкретной культуре. Язык, как носитель и кристаллизация культуры, отражает эволюцию и укоренение этих представлений. Паремии, как квинтэссенция народной мудрости, в лаконичной форме аккумулируют наиболее важные и устойчивые представления этноса о семейных отношениях.

Китайская иероглифика, будучи идеографической, произошла от рисунков. Её ранняя форма, цзягувэнь (гадательные надписи на костях и панцирях), наилучшим образом отражает изобразительные особенности, предлагая ценные ключи к пониманию древних представлений. Структура иероглифа — это не просто символ для записи звучания, но и результат осмысления мира, жизни и построения значений древними людьми. Анализ структуры иероглифа 家 ‘семья’ является базой для понимания китайских представлений о семье.

В цзягувэне иероглиф 家 изображал свинью в доме: 宀 ‘крыша’ и 豕 ‘свинья’. Эта структура — не случайный рисунок, а отражение социально-экономических отношений древности.

Лу Цзунда (陆宗达) [Лу 2016: 161] указывает, что китайский иероглиф 家 ‘семья’ является отражением в письменности того факта, что скот полностью перешёл в собственность отдельных семей. В древнем обществе с низким уровнем развития производительных сил скот был важнейшим движимым имуществом и символом богатства. Патриархальная семья с господством мужчины появилась именно вместе с развитием частной собственности на скот. Таким образом, первоначальное формирование понятия 家 ‘семья’ происходило не вокруг брака или кровного родства, а вокруг *общего имущества* (свиньи) и *общего жилища* (дома). Это раскрывает глубинный слой представлений о 家 ‘семья’ в китайской культуре: в первую очередь, это экономическая общность и единица частной собственности.

Другие ученые, исходя из фольклорных представлений, предлагают иное мнение, считая иероглиф 家 идеограммой, исходное значение которой ‘место, где живут свиньи’ [Дуань 2013: 878]. Поскольку свиньи рожают больше всего детенышей, это слово стали использовать для обозначения места, где живут люди. Эта трактовка связывает способность свиней к многоплодию с чаяниями людей о процветании и продолжении рода, метафорически выражая пожелание многочисленности семьи.

Две рассмотренные гипотезы не являются взаимоисключающими, а вместе составляют многозначное содержание иероглифа 家: это и ‘место частной собственности’, обеспечивающее материальное благосостояние, и ‘место бесконечного продолжения жизни’. Письменность сохраняет следы древних институтов, а культурная эволюция постоянно наделяет её новыми смыслами.

В «Современном словаре китайского языка (现代汉语词典)» определение 家庭 ‘семья’: «общественная единица, основанная на браке и кровном родстве, включающая родителей, детей и других совместно проживающих родственников»

[ССКЯ 2016: 624]. Это современное определение и древние принципы построения иероглифа образуют диахроническую и синхроническую взаимодополняемость: письменность сохраняет следы древних институтов, а современное определение включает более поздние этические и эмоциональные элементы, знаменуя эволюцию от имущественной общности к социальной единице, основанной на кровных и брачных узах.

Анализ китайских паремических единиц о семье показал, что паремии, фиксирующие традиционные представления об укладе общества, можно разделить на два больших класса:

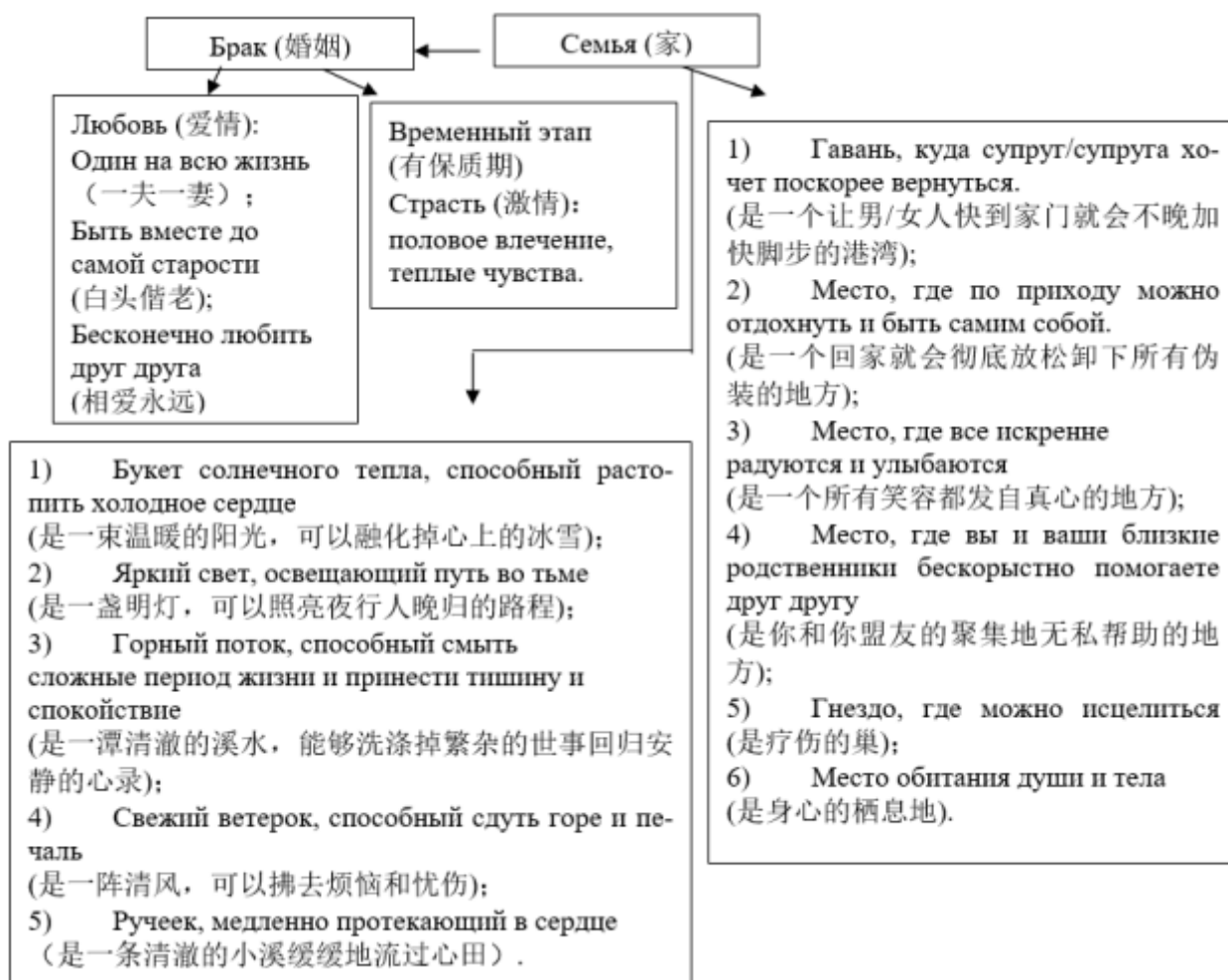
- 1) паремии о родителях и детях;
- 2) паремии о различных аспектах семейно-родственных отношений, в которые включены другие родственники в составе большой патриархальной семьи.

Паремии о родителях и детях, в свою очередь, представляют такие группы, как: пословицы *о семье как о ценности; об отце; о матери; о родителях и детях; о матери и отце с мифонимами и этномаркерами.*

Таким образом, в иероглифике сохранилось древнее представление об институте семьи как об общественной единице, которая включает родителей, детей и других родственников, которые связаны браком, общим хозяйством и совместным проживанием, которое в паремиях дополнены ценностными смыслами.

Китайская паремиологическая система фиксирует значительное количество единиц с компонентами *отец, мать, родители, сын, дочь, дети*, т.к. семья в китайской лингвокультуре является основой системы жизненных координат. Так, И.В. Баяндина предложила анализ современного понимания семьи в китайском обществе в виде схемы:

Схема 1.

Источник: [Баяндина 2020].

Семейные ценности традиционно являются базовыми для китайской лингвокультуры, что хорошо видно из примеров:

在家千日好, 出门半日难 ‘Хорошо и тысячу дней в своей семье, трудно половину дня вне семьи’;

家半三军 ‘Семья как половина трех армий’ [Готлиб, Му Хуаин 2019].

В статье И.А. Селезневой и Л.В. Бабиной «Объективация представлений о семье в русском, английском и китайском языках» отмечается, что для «китайцев настоящее одиночество заключается в отсутствии семьи; необходимо беречь любую вещь, относящуюся к семье и дому; чужие люди не должны вмешиваться в семейную жизнь. Особенностью китайских паремий является присутствие в них исторических реалий. Можно предположить, что собственная культура и история, так же, как и своя семья, занимает важное место в жизни представителя китайской лингвокультуры» [Селезнева, Бабина 2019: 139—144].

На протяжении тысячелетий семья считалась необходимой не только для отдельного человека, но и для социума: 男大须婚, 女长须嫁 ‘Мальчики должны жениться, когда становятся старше, девочки должны выходить замуж, когда становятся старше’; 闺女大了不可留, 留来留去是冤仇 ‘Когда девушка достигает брачного возраста и находит подходящую пару, она должна выйти замуж в нужное время и не должна задерживаться’; 男大当婚, 女大当嫁 ‘Мужчины и женщины должны жениться и создавать семью по достижении брачного возраста. Если дочь упустит возможность, родители будут перед ней виноваты’ [Готлиб, Му Хуаин 2019].

Человек (в основном мужчина) считался безнравственным, если он не создавал семью. Согласно конфуцианской морали, человек должен был продолжить род, только в таком случае он исполнял свой долг перед предками.

不孝有三, 无后为大 ‘Есть три способа выражения отсутствия уважения, отсутствие наследника (сына) — наибольший из них’; 养儿待老, 积谷防饥 ‘Воспитывать детей — чтобы в старости иметь кого-то, кто обеспечит) и хранить зерно, чтобы не страдать от голода в случае голода’ [Готлиб, Му Хуаин 2019].

Следующие паремии — о родителях и о почитании семейных ценностей, которое лежит в основе системы моральных ценностей китайцев: 在家敬父母, 何用远烧香 ‘Почитание родителей превыше всего. Чтобы возжечь благовония и поклониться Будде, не нужно далеко ходить’ голода’.

Хотя в ряде паремий и негативно отмечается, что некоторые сыновья и дочери забывают о родителях, не заботятся о них: 天下有狠心的儿女, 无狠心的爹娘 ‘Есть жестокосердные сыновья и дочери, но нет жестокосердных отцов и матерей’; 娘想儿, 流水长; 儿想娘, 筷子长 ‘Мать мыслит об сыне бесконечно, а воспоминания детей о матери — как длина палочки, очень кроткая’. Подобные паремии оценивают отрицательно непочтительное отношение детей к родителям, особенно к матери. В китайской модели мира это считается недопустимым.

В некоторых паремиях образ матери отождествляется с духовным началом, которое является более ценным, чем материальные блага. Необходимо заботиться

в духовном, затем придет и материальное благополучие: 一心为老娘, 羊肠小道也宽广; 一心为钱财, 就是大道也过不来 ‘Если думаешь о матери, ты будешь успехом, если думаешь только о деньгах, у тебя не будет перспектив’.

Китайские паремии, как и в других лингвокультурах, имеют назидательный смысл. Они оценивают положительное и отрицательное в человеческих поступках, и тем самым закрепляют нравственные ориентиры народа. Паремии о матери и об отце прямо показывают отношение этноса к семье и родителям: 天下无不对之父母 ‘В Поднебесной нет неправых родителей’.

Таким образом, для понимания этапов фиксации в письменности китайского языка необходимо проведение анализа структуры иероглифа 家 ‘семья’, что является результатом осмысления мира, жизни и построения значений древними людьми. Семья в паремиях понимается как общественная единица, основанная на браке и кровном родстве, включающая родителей, детей и других совместно проживающих родственников до трех поколений. Конфуцианство оказало значительное влияние на формирование семейной этики. Китайские паремии о семье разделяются на паремии о родителях и детях и о различных аспектах семейно-родственных отношений, в которые включены другие родственники в составе большой патриархальной семьи и их осмысление в системе ценностных смыслов.

3.2. Паремии об отце

В китайской лингвокультуре (и это находит отражение в паремиологической системе) отмечается андроцентрический взгляд на мироустройство, в центре которого находится император (правитель), символизирующий высшие небесные силы. В семье и семейных отношениях в центре стоит отец, который берет на себя ответственность за всю семью, их жизнь и благополучие.

Российский языковед П.А. Лавровский в своей монографии «Коренное значение в названиях родства у славян» указал, что первоначальное значение слова «отец» во всех индоевропейских языках — не родитель, а кормилец.

Понятие отца возникло как понятие кормильца. Это утверждение находит подтверждение и в китайской лингвокультуре.

Этимология и семантическая эволюция иероглифа 父 ‘отец’: в «Словаре древнекитайского языка» (古汉语常用字字典) иероглиф 父 ‘отец’ объясняется как изображение человека, держащего каменный топор [СДЯ 1989: 227]. В эпоху палеолита взрослые мужчины охотились и работали с каменными топорами, поэтому этот иероглиф стал обозначать взрослого мужчину. Фан Лицзюн (范丽君) указывают, что слово 父 ‘отец’ происходит от звукоподражания удару каменного топора и имеет общие этимологические корни со словами, обозначающими удар или подобные действия, такие как 打 (da) ‘бить’, 拔 (ba) ‘вырывать’ [Фан 2007: 75]. Таким образом, семантическая эволюция слова 父亲 ‘отец’ прослеживается от *действия* ‘работы с топором’ к *субъекту действия* ‘взрослому мужчине, выполняющему эту работу’, а затем к ‘кормильцу и воспитателю семьи’ (отцу).

Примечательно, что термины родства, образованные с помощью иероглифа 父, включают, помимо 父亲 ‘отец’, также 祖父 ‘дедушка по отцу’, 叔父 ‘дядя по отцу’, 姨夫 / 姑父 ‘дядя по матери/муж тети’. С точки зрения когнитивной лингвистики, такой способ словообразования отражает концептуальную сеть родства у ханьцев, где иероглиф 父 является основным понятием-категорией, расширяющимся вовне через семейное сходство. Под этим углом зрения также можно увидеть строгость системы родства и патриархального клана в китайской культуре, где отцовская линия служит системой координат, определяющей старшинство и степень близости родства.

В выборке представлена группа паремий, репрезентирующих уподобления семьи модели государства. Так, пара паремий 国有君, 家有主 ‘У государства есть правитель, у семьи есть хозяин’ и 家不可一日无主, 国不可一日无君 ‘В семье не может быть ни дня без хозяина, в государстве — ни дня без правителя’ уподобляет отца *правителю в семье* и проецируют на него на уровень семьи авторитарность, уникальность и необходимость государственной политической структуры, устанавливая тем самым абсолютную власть отца внутри семьи.

Аналогично строится связь благополучия: с одной стороны, 父子相疑, 其家不祥; 君臣相疑, 其国多难 ‘Если отец и сын подозревают друг друга — в семье быть беде; если правитель и подданные подозревают друг друга — в стране быть смуте’; с другой стороны, доказывается, что внутренняя гармония (отсутствие подозрений) является базовым требованием и для семьи, и для государства. Через параллелизм *отец–сын — правитель–подданный, семья — государство, несчастье — смута* еще больше укрепляется представление о единой логике функционирования семьи и государства.

Трансляция власти: паремия 父叫子亡, 子不得不亡 ‘Если отец велит сыну умереть — сын не смеет не умереть’ и паремия 君叫臣死, 臣不得不死 ‘Если правитель приказывает подданному умереть — подданный не смеет не умереть’ образуют строгую параллель. Это выходит за рамки простой аналогии и становится отражением властной структуры, когда принцип абсолютного подчинения между правителем и подданным интериоризируется в этическую норму отношений отца и сына.

К паремиям, отражающим власть отца, относятся: 父在子不得自专 ‘При живом отце сын не волен в своих решениях’, 父在子不得留名 ‘При живом отце сын не оставляет своего имени’, 父母在, 不有私财 ‘Пока живы родители, не имей личного имущества’, 父辈之言, 金石之音 ‘Слово отца — звук металла и камня’. Все они являются конкретными проявлениями этой властной структуры в повседневной жизни семьи.

Ответственность отца зафиксирована в паремии 养不教, 父之过 ‘Вырастил, но не воспитал — вина отца’. В «Изъяснении писем и толковании иероглифов» (说文解字) иероглиф 父 толкуется как ‘закон, мера, глава семьи, который задаёт правила и ведёт за собой детей’ (矩也, 家长率教者), что также подчёркивает его ответственность за установление правил и воспитание [ИПИТИ 2018: 614].

Данную группу паремий продолжают паремии, репрезентирующие кровную близость и рациональность в отношениях отца и детей:

- кровная близость ее значение для отношений представлена в паремии: 亲莫亲如父子 ‘Нет роднее, чем отец с сыном’, в которой с помощью превосходной степени акцентируются отношения отца и сына как отношения выше всех остальных. В паремии 父子同心土变金 ‘Отец с сыном едины — и земля в золото превратится’ метафорой качественного изменения показывается чудо, которое может сотворить единство отца и сына. В паремии 蜂蚁也有君臣, 虎狼也有父子 ‘У муравьёв и пчёл есть свой царь и подданные, у тигров и волков есть отец и сын’ проводится аналогия с животным миром, отношения отца и сына поднимаются на уровень, равный отношениям правителя и подданных, подчёркивается их естественность и всеобщность;

- практическая рациональность является основой паремий 父不记子过 ‘Отец не помнит обид сына’ и 父子无隔夜仇 ‘У отца и сына нет обиды до утра’, которые показывают важность прощения и примирения. Кровные узы не дают конфликту между отцом и сыном затянуться надолго, что смягчает эмоциональным буфером строгую иерархию китайской семьи.

Паремии, формирующие идеальную модель «отец милосерден — сын почтителен», демонстрируют два аспекта:

- причинно-следственная связь между воспитанием отца и личностью сына представлены в паремиях 父不慈则子不孝 ‘Отец немилосерден — сын непочтителен’ и 父慈子孝 ‘Отец милосерден — сын почтителен’, которые указывают на то, что роль отца — это не только осуществление власти, но и исполнение морального долга, эмоциональная самоотдача. В паремиях 父亲英雄 儿好汉 ‘Отец — герой, и сын — молодец’ и 父强子不弱, 将门出虎子 ‘Отец силен — и сын не слаб, из дома полководца — и тигр’ описывается передача талантов и характера от отца к сыну. И наоборот, 父不识耕田, 子不识种谷 ‘Отец не пашет — сын зёрен не знает’ показывает негативное влияние отцовской безответственности;

- баланс между строгостью и милосердием отца представлены в паремиях 棍棒底下出孝子 ‘Под палкой вырастают почтительные дети’ и 父不疼，子不孝 ‘Отец не любит — сын не почтителен’, в которых воплощаются типичные черты «строгого отца» в традиционном китайском воспитании и подчёркивается, что любовь отца — эмоциональная основа для сыновней почтительности. Эти два ряда паремий, кажущиеся противоречивыми, вместе рисуют образ отца, сочетающего строгость с любовью.

В выборке представлена группа паремических единиц с компонентом 父 ‘отец’, в которых отец сравнивается с учителем и маркируется как наставник. Так, лексическая единица 师父 ‘учитель-отец, наставник’ в паремии 一日为师，终身为父 ‘Один день учителем — на всю жизнь отцом’ является ярким примером включения учителя в родственную этическую парадигму отца. Это не просто уважение, а реконструкция модели социальных отношений: через этическую метафору некровные отношения учителя и ученика сакрализируются и уподобляются кровным, выстраивая социальный порядок «учитель и ученик — как отец и сын». Это ядро этноспецифической концепции 师道尊严 ‘достоинства учительского пути’ в китайском языке, демонстрирующее мощную расширяемость отца как этической парадигмы.

В группу паремий об отце включены паремии с ироническим или критическим оттенком, к которым относятся уже упомянутые единицы о негативном влиянии отца, такие как 父不识耕田，子不识种谷 ‘Отец не пашет — сын зёрен не знает’ и 父不正，子奔他乡 ‘Отец неправеден — сын уходит на чужбину’, которые подчёркивают ответственность отца и последствия его неверного родительского поведения.

Стоит отметить размытость и избирательность значения иероглифа 子 ‘сын’ в паремиях. С одной стороны, в реальном употреблении паремия 父子无隔夜仇 ‘У отца и сына нет обиды до утра’ может трансформироваться в ‘У отца и дочери нет обиды до утра’, что указывает на её определённую инклюзивность. Но, с другой стороны, такие паремии, как 子承父业 ‘Сын наследует дело отца’ строго

подразумевают именно сына, и не существует варианта 女承父业 ‘дочь наследует дело отца’. Это отражает реалии традиционного общества, где имущество и статус наследовались по мужской линии, и язык закрепляет гендерные роли.

Паремиологическая система китайского языка отражает основные постулаты концепции мироздания и мироустройства Конфуция. Одним из самых главных условий процветания и благополучия государства и семьи по Конфуцию является гармония. Гармония должна включать в себя несколько типов гармоничных отношений: между императором (правителем) и народом; между старшими и младшими; между отцом и детьми; между мужем и женой; между друзьями. Большая часть гармоничных отношений (по Конфуцию) связывается именно с ролью отца как центральной фигуры в социальных отношениях: 父子相疑, 其家不祥; 君臣相疑, 其国多难 ‘Когда отцы и сыновья подозревают друг друга, семья неблагополучна; когда государь и его министры подозревают друг друга, на страну обрушиваются бедствия’; 爹死娘嫁人 – 各人管各人 ‘Отец умер, мать выходит замуж. Каждый идет своей дорогой’ (в значении ‘мир начинается с отца’);

Отец в китайской лингвокультуре занимает особое место, так как в этических нормах (в конфуцианской традиции) многое строится на почитании младшими старших. Это своеобразная констатация и утверждение власти по старшинству (абсолютная власть императора над подданными, власть отца над детьми, мужа над женой), таким образом выстраивались иерархические отношения в социуме. При этом предполагалось, что старшие не будут злоупотреблять своей властью, будут справедливы и мудры. Об этом писал Конфуций в концепции мудрого мужа:

父子无礼, 其家必凶; 兄弟无礼, 不能久同 ‘Без почитания отца сыном в его семье обязательно случится несчастье; без вежливости между братьями невозможна жизнь’, которая позднее стала восприниматься как правило этикета.

Китайские паремии зафиксировали социальную иерархию, опозитизировали власть отца. Однако при этом отец не должен злоупотреблять властью, его долг в

том, чтобы заботиться о семье, брать на себя ответственность за материальное благополучие, за гармонию в семье, за связь с детьми, прежде всего, с сыном: 父子亲而家不退, 兄弟和而家不分 ‘Если отец и сын едины, семья не потерпит краха’; 父子上山 — 各人努力 ‘Отец и сын на горе — каждый старается изо всех сил’; 父子不和家不旺, 邻里不和是非多 ‘Если отцы и сыновья не ладят друг с другом, семьи вряд ли будут процветать; если соседи не ладят друг с другом, будут частые ссоры’; 父一辈子一辈 ‘Отец на всю жизнь, сын на всю жизнь, то есть два поколения’; 父子不同舟 ‘Отец и сын путешествуют в одной лодке, в случае несчастья это приведет к прерыванию рода, и некому будет продолжить дело’.

Одной из главных обязанностей отца было внимание к обучению сына, но также важным в китайских пословицах считается милость отца, любовь к своим детям. Если отец не будет любить своего сына, то сын не будет его уважать и почитать: 父不疼, 子不孝 ‘Если отец плохо относится к ребенку, ребенок не будет уважать его’; 父强子不弱 ‘Если отец силен, то и сын не будет слабым’; 父欲行劫, 子必杀人 ‘Если отец – разбойник, сын будет убивать’; 父子无隔宿之仇 ‘Между отцом и сыном нет ночной ненависти’; 父不知其子, 无以睦一家 ‘Если отец не знает своего сына, семья не уживется’.

Но при этом китайские паремии отражают и противоположный взгляд на воспитание детей и взаимоотношения с ними. Детей нужно наказывать, держать в строгости: 溺爱孩子等于害子, 棍棒底下出孝子 ‘Баловать сына – все равно, что убить его: только из-под палки выходят почтительные дети’; 棍棒底下出孝子 ‘Из-под палок вырастают почтительные дети’.

Отец в китайских пословицах предстает также как человек, несущий ответственность за воспитание детей, особенно сыновей. Во многих китайских пословицах отец вместе с матерью ответственен за детей, за их воспитание, за образование. Этот факт представляется интересным, так как роль женщины (даже матери) в китайской семье исторически сводилась исключительно к ведению домашнего хозяйства и заботе о детях: 教子之法, 莫叫离父; 教女之法, 莫叫离

母 ‘Отец виноват в том, что плохо учил своего сына, а мать — в том, что плохо воспитывала свою дочь’;

В китайских пословицах всегда указывается на необходимость обучения, получения образования для того, чтобы стать успешным.

Таким образом, отец в китайских паремиях стоит в центре семьи, что отражает андроцентрический взгляд на мироустройство китайской лингвокультуры в целом. В группе паремий об отце нами отмечены такие подгруппы как паремии, репрезентирующие уподобления семьи модели государства; примеры о власти и ответственности отца; паремии, репрезентирующие кровную близость и рациональность в отношениях отца и детей; паремии, формирующие модель *отец милосерден — сын почитателен*; паремии, представляющие отца как учителя, наставника; примеры о негативном влиянии отца; паремии о гармонии между отцом как центральной фигуры в семье и детьми; паремии об этических нормах почитания младшими старших.

3.3. Паремии о матери

В современной лингвистике существует обширная литература по исследованию образа матери в различных лингвокультурах, в том числе и в китайской. Так, например, в диссертационном исследовании «Образ матери в традиционной китайской культуре» отмечается: «Образ матери является ценностной константой китайской культуры. Он воплощает в себе её базовые аксиологические принципы, при разнообразии поведенческих моделей. Качества идеальной матери включают в себя добродетель, твердость в следовании морально-нравственным принципам и великодушие, сдержанность чувств, строгость и настойчивость при воспитании детей. Она почитается как опора внутреннего, душевного благополучия человека, источник жизненной мудрости и знания о чувствах и отношениях, гарант справедливости в семейных вопросах» [Олихова 2012: 134]. Важно отметить, что в количественном отношении в китайской паремиологии паремий об отце намного больше, чем паремий о матери.

Для анализа паремий с компонентом 母 ‘мать’ принципиально важным становится рассмотрение структуры и семантической сети иероглифа 母 ‘мать’. В «Изъяснении писем и толковании иероглифов» (说文解字) объясняется: иероглиф 母 ‘мать’ означает «подобно тому, как пастух вскармливает скот, так и она вскармливает детей. Происходит от иероглифа 女 (девушка /женщина), изображает женщину с ребёнком на руках» [ИПТИ 2018: 2615]. Другая версия гласит, что иероглиф 母 изображает женщину, кормящую ребёнка грудью. Оба объяснения раскрывают внутреннюю форму иероглифа: функционально — мать, подобно пастуху, ухаживающему за скотом, несёт ответственность за вскармливание потомства; визуально — иероглиф 母 ‘мать’ основан на иероглифе 女 ‘девушка /женщина’ и изображает либо женщину с ребёнком на руках, либо женщину, кормящую грудью. Эта структура подчёркивает центральную роль матери как защитницы и кормилицы.

Эволюция значений иероглифа 母 ‘мать’ подтверждает этот прототипический образ. В этимологическом словаре «Большой толковый словарь китайского языка /汉语大词典» основные значения иероглифа 母 ‘мать’ включают: ① мать; ② женщина старшего поколения в семье или родне (бабушка, тётя и др.); ③ почётное или ласкательное обращение к женщине; ④ вскармливать, растить; ⑤ самка животных; ⑥ источник, основа; ⑦ то, что порождает другое [БТСКЯ 1991: 816–817]. Все элементы значения, такие как ‘вскармливание’, ‘источник’, ‘порождение’, тесно связаны с прототипом *рождения—вскармливания*, образуя вокруг иероглифа 母 ‘мать’ семантическую сеть.

В группе паремии о матери выделяются единицы, в которых, репрезентируется благодарность за рождение и тяготы воспитания. Мать как женщина, даровавшая детям жизнь, — её благодарность за рождение отражена в паремиях 生一子, 掉一牙 ‘Родишь одного ребёнка — потеряешь один зуб’ и 三年乳哺, 十月怀胎 ‘Три года грудного вскармливания, десять месяцев

вынашивания’, в которых через конкретный физический образ показывает, как деторождение истощает организм матери, так, платой за каждого ребёнка становится зуб, а с помощью точного указания времени превращает заботу матери в исчисляемые затраты.

Паремии 母子连心 ‘Мать и дитя связаны сердцем’, 母子亲, 胜似近 ‘Мать и дитя ближе, чем кто-либо’ с помощью образа *связанных сердец* показывают духовную близость матери и ребёнка, преодолевающую физическое расстояние. Эта метафора помещает отношения матери и ребёнка в состояние почти мистического соединения.

В паремии 儿行千里母担忧 ‘Сын уйдёт за тысячу ли — мать беспокоится день и ночь / Куда бы ни ушёл сын, мать тревожится’ сопоставляется пространственное расстояние 千里 ‘тысячу ли/дальняя дорога’ с эмоциональным состоянием (тревога), показывая, что материнская забота не знает пространственных границ, что передаёт идею неизменности и безусловности материнской любви.

Нами выделена группа паремий, репрезентирующих идею особого влияния матери на детей, которое оценивается как многогранное:

- как *критерий выбора супруги*: в паремии 买屋要看梁, 娶妻要看娘 ‘Покупая дом, смотри на балки; беря жену, смотри на её мать’ проводится аналогия между выбором жены и выбором дома, в котором качество балок определяет надёжность, а качества матери служат основой для суждения о качествах дочери. За этой аналогией стоит представление *какова мать, такова и дочь*;

- как *наследственность и воспитание*: в паремии 苗好粮好, 娘好女好 ‘Хороши всходы — хорош и урожай, хороша мать — хороша и дочь’ сравнивается связь *всходы — урожай* в земледелии с отношениями *мать — дочь* в семье и раскрывается двойное влияние матери: наследственное и воспитательное. В паремии 甜不过蜂蜜, 亲不过母女 ‘Сладше мёда только мёд, ближе матери только дочь’ с помощью превосходной степени указывается на отношения матери

и дочери, которые оцениваются выше всех остальных человеческих привязанностей;

- как *взросление и отделение*: в паремии 儿大不由娘 ‘Сын вырос — не слушается мать’ отражен процесс взросления детей как неизбежный, т.к. по мере взросления дети начинают иметь собственную волю и перестают полностью подчиняться матери. Эта паремия является не только описанием реальности, но и содержит сему бессилия матери перед взрослением детей и необходимость отпустить их. В паремии 儿行千里母担忧 ‘Матери всегда беспокоятся о своих сыновьях и дочерях, когда те находятся далеко от них’ отмечается, что мать близка своим детям, она всегда думает о них, даже когда сыновья и дочери находятся далеко, даже когда дети вырастают;

- как *противоречивость результатов материнского воспитания*: 一棵树结的果儿有酸有甜, 一个娘生的孩儿有忠有奸 ‘Дерево приносит сладкие и кислые плоды, а мать рождает хороших и плохих детей’. В паремии говорится о том, что у одной матери могут вырасти и плохие, и хорошие дети. Русский пословичный фонд также содержит подобные паремиологические единицы’. ср. *Мать одна, а дети разные* [Мокиенков 2010].

Нами выделены группа паремий, отражающих положение и статус матери в традиционном обществе, которое было сложным и многогранным. С одной стороны, мать пользовалась уважением в семье; с другой — у неё не было самостоятельного правового и социального статуса. Данная проблематика представлена как:

- *зависимость положения*: в паремии 既嫁从夫, 夫死从子 ‘За мужем следуй, а если муж умрёт — слушайся сына’ раскрывается реальность пожизненной зависимости женщины в традиционном обществе. В паремии 母以子贵 ‘Мать возвышается благодаря сыну’ показывается, что положение матери в семье часто зависело от успехов сына. Данные паремии рисуют картину отсутствия у матери независимого статуса;

- безусловность и безграничность любви матери и детей в независимости от социального и материального статуса: в паремии 宁跟要饭的娘，不跟做官的爹 ‘Лучше идти с нищей матерью, чем с отцом-чиновником’ представлено крайнее противопоставление, раскрывающее суть материнской любви — какой бы бедной и низкой ни была мать, ее любовь для ребенка является самой надежной и теплой; а отцовское богатство, если оно не сопровождается материнской любовью, может и не быть благом для ребенка; паремия 爹爹顶不上半个娘 ‘Отец и полматери не заменит’ подчеркивает незаменимость роли матери. С данными примерами сближаются паремии 打在儿身，疼在娘 ‘Бьют по телу ребенка — болит сердце матери’, в которой разделяется «удар» и «боль» и показывается неразрывная связь страдания между матерью и ребенком: боль, испытываемая ребенком физически, отзывается многократной болью в сердце матери, и паремия 瓜儿恋秧，孩儿恋娘 ‘Дыня любит свою плеть, дитя любит свою мать’, в которой сравнивается природное свойство растений с человеческой эмоцией, возводя «любовь к матери» в ранг почти инстинктивного чувства.

В выборке представлена группа китайских паремий, обсуждающих взаимоотношения матери и дочери, матери и сына, которые показаны по-разному, общим является лишь то, что матери одинаково любят своих детей. В китайской культурной традиции считалось, что матери более близки своим дочерям, они должны воспитывать дочь как хорошую хозяйку, покорную жену и почтительную дочь. Но вместе с тем, китайские пословицы создают особенно поэтические образы любви матери к дочери: 掌上明珠 ‘Жемчужина на ладони (о горячо любимом ребёнке, особенно дочери)’. Мать в китайской паремиологии (как и в русской) настолько любит своих детей, что переживает их неудачи и трудности как свои: 女儿是娘的挂心钩 ‘Дочери — это крючки, на которые матери вешают свои сердца и всегда беспокоятся о них’; 打在儿身，痛在娘心 ‘Это бьет по сыну и ранит мать’.

Китайские паремии зафиксировали не только оценочные характеристики матери (добрая, понимающая, отзывчивая и пр.), но и отразили представления

китайского социума о том, что дети – это отражение матери (родителей): 母亲慈悲, 儿孝顺 ‘Мать добрая, сын почтительный’; 什么母什么女, 什么桌子什么腿 ‘Какая мать, такая и дочь, какие ножки, такой и стол’.

В китайской лингвокультуре матери становятся уважаемыми, если они вырастили успешных и почтительных сыновей, это подтверждается на материале паремий: 母以子贵 ‘Мать стала благородной успехами сына’.

Паремии об особенностях материнского воспитания в Китае фиксируют то, что с одной стороны, матери предписывается быть милосердной (особенно в сравнении с отцом), но с другой стороны, матери нельзя быть слишком снисходительной, так как это вредно для воспитания ребенка, который вырастет избалованным и ленивым: 慈母多败儿 ‘Слишком милосердные матери растят сыновей-неудачников’. В китайском паремиологическом фонде содержатся пословицы, в которых указывается на необходимость физического наказания ребенка для его же блага: 妈妈打儿子 – 心中有数 ‘Если мать поднимает руку на ребёнка, значит так нужно’.

В русском паремиологическом фонде практически не встречаются пословицы, в которых мать физически наказывает своих детей. О физических наказаниях говорится только в случае противопоставления матери и мачехи: *Мать высоко замахивается, да не больно бьёт, мачеха низко замахивается, да больно бьёт; Мать и бия не бьёт; Мать и бьёт, так гладит, а чужая и гладит, так бьёт; Мать и высоко подымет, да не больно опустит руку* [Мокиенко 2010].

Образ матери в китайской паремиологии связан с добротой, самопожертвованием ради семьи, с трудолюбием, с любовью к детям. В китайской паремиологической системе содержатся национально своеобразные характеристики связи матери и ребенка, вместе с тем, они универсальны. Мать связана со своими детьми духовно, как воспитатель и, самое главное, она дала сыну или дочери жизнь, окружила любовью и заботой. Мать воспринимается как самое ценное, что есть в жизни человека: –母爱如天, 凯风寒泉 ‘Материнская любовь согреет даже в зимнюю стужу’.

Следует указать, что в русской паремиологии содержатся пословицы с подобным осмыслением роли матери, ее ценности в жизни каждого. В китайской паремиологической системе содержатся пословицы, в которых говорится о любви детей к матери (что, несомненно, оценивается положительно и в русской и китайской лингвокультурах), но среди русских паремий аналогов нет. Приведем примеры уникальных китайских пословиц: 十月胎恩重, 三生报答轻 ‘Ребенку и жизни не хватит, чтобы отблагодарить родную маму за те, десять месяцев, которые она вынашивала свое дитя’; 寸草春晖 ‘Пылинка не может отплатить за щедрость весенних лучей. (Вечный долг перед своими родителями, вечная благодарность)’.

В контексте представления матери в паремиях нами собраны две особых группы

- 1) группа паремий, в которых родина и земля метафорически именуются *матерью*;
- 2) группа паремий о мачехе.

Группа паремий, в которых родина и земля метафорически именуются матерью. Так, в китайском языке широко распространены метафоры 祖国母亲 ‘Родина-мать’ и 黄河母亲河 ‘Хуанхэ — мать-река’, которые метафорически связывают понятия родины, матери, наделяя Родину материнскими качествами — вскармливание, защита, самоотдача. Однако стоит отметить, что, хотя это выражение широко присутствует в литературном и политическом дискурсе и является общепринятым когнитивным и языковым феноменом, оно не сформировало устойчивых паремий и редко входит в паремиологический фонд.

Группа паремий о мачехе. В подборке паремий китайского языка о матери нами отмечены единицы, формирующие негативный образ мачехи. В китайских пословицах мачеха часто предстает в негативном свете, и этот феномен заслуживает углубленного анализа с точки зрения лингвокультурологии. В паремии 后娘心, 蛇蝎狠 ‘Сердце мачехи — как у змеи и скорпиона’ используются образы змеи и скорпиона — в китайской культуре символов

коварства и жестокости — для метафорического обозначения натуры мачехи, что является полным отрицанием образа мачехи. Паремия 后娘后娘，心狠如狼 ‘Мачеха, мачеха, сердце злое, как у волка’ сравнивает мачеху с волком — свирепым и жестоким животным, имеющим негативную коннотацию в китайской лингвокультуре [Чжу 2019].

В паремии 云里的日头，洞里的风，蝎子的尾巴，后娘的心 ‘Солнце за тучами, ветер в пещере, хвост скорпиона, сердце мачехи’ используется многоступенчатое сравнение, ставя сердце мачехи в один ряд с четырьмя опасными явлениями: солнце за тучами (то появляется, то исчезает, неуловимо), ветер в пещере (холодный, пронизывающий, от него трудно уберечься), хвост скорпиона (ядовитый и смертоносный). Такое метафорическое нагнетание доводит образ мачехи до крайней степени негатива. Нами отмечено множество подобных паремий, например: 晚娘的拳头，云里的日头 ‘Кулак мачехи — как солнце за тучами’, 午后的日头，后娘的舌头 ‘Полуденное солнце — язык мачехи’, 篱笆不是墙，后妈不算娘 ‘Плетень — не стена, мачеха — не мать’ и др. Бытовая аналогия с плетнем, который ненадёжен, как и мачеха, которая в народном сознании никогда не станет полноценной заменой родной матери.

Этот ряд паремий с разных сторон формирует негативный образ мачехи — жестокая, несправедливая, язвительная, обижающая пасынков. Широкое распространение таких образов отражает как сложность реальных отношений между мачехой и приемными детьми, так и сакрализацию *родной матери* в традиционной культуре и настороженность, неприятие по отношению к *неродной матери*.

Отмечены паремии, в которых речь идет о приемных матерях, и в которых отмечается положительный образ: 生娘小于边，养娘大于天 ‘Любовь приемной матери сильнее, чем любовь родной матери’. Это перекликается с прототипическим образом «вскармливания» в структуре иероглифа 母 ‘мать’. Хотя родная мать, безусловно, обладает естественной легитимностью благодаря

тому, что она родила, в народной этике благодарность за воспитание зачастую воспринимается как истинная сущность материнства.

Таким образом, паремии о матери включают такие подгруппы, как паремии о благодарности за рождение и тяготы воспитания детей; паремии о духовной близости матери и ребёнка; паремии об особом многогранном влиянии матери на детей; паремии о роли наследственности и воспитания, которое дает семья; о противоречивости результатов материнского воспитания; паремии о сложном положении и противоречивом статусе матери в традиционном обществе, включающем зависимость положения; паремии о взаимоотношении матери и дочери, матери и сына, которые показаны по-разному. В целом, образ матери в китайской паремиологии ассоциирован с добротой, самопожертвованием ради блага семьи, трудолюбием и любовью к детям. На периферии группы находятся примеры, в которых родина и земля метафорически именуются *матерью*, и паремии о мачехе.

3.4. Паремии о родителях и детях

3.4.1. Паремии об отношении детей к родителям

Паремии данной группы можно представить в нескольких микрогруппах, одной из которых является объединение паремий о сыновней почтительности. Сыновняя почтительность — это одна из норм конфуцианской этики (孝), которая оценивается как основа и ядро всех добродетелей, так в паремии 百善孝为先 ‘Среди ста добродетелей сыновняя почтительность — первая’ с помощью ранжирования лексической единицей «первая» мораль ставит почтительность к родителям во главу угла всех добрых дел — только тот, кто прежде всего проявляет почтительность к родителям, может обладать и другими добродетелями. Это представление значительным образом повлияло на ценностные ориентации и нормы поведения китайцев.

Паремия 家有一老，如有一宝 ‘В семье есть старый — в семье есть сокровище’ с точки зрения семьи позиционирует пожилых людей (родителей) как драгоценное достояние семьи — опыт, мудрость, наставления стариков являются

неотъемлемым богатством семьи. Эта поговорка объединяет сыновнюю почтительность с интересами семьи, делая ее не только моральным долгом, но и рациональным семейным выбором.

Пословица 父道尊, 母道亲 ‘Путь отца — в почитении, путь матери — в близости’ разграничивает роли родителей: путь отца заключается в 尊 ‘почтении’, к нему нужно относиться с уважением; путь матери заключается в 亲 ‘близости’, к ней нужно относиться с душевной теплотой. Это разграничение отражает разные позиции отца и матери в традиционной семье.

Идея о сыновней почтительности, которая выражается в прославлении благодеяний родителей, отражена в пословицах, в которых благодеяния родителей часто сравниваются с такими величественными природными объектами, как небо, земля, горы, реки, море: 父母恩, 比天大 ‘Родительская милость больше неба’ — в пословице родительская милость сравнивается с «небом» — высшим, величайшим, всеобъемлющим; в пословице 父母恩情比山重 ‘Родительская милость тяжелее горы’ сравнение основывается на ее тяжести большей, чем у горы, которая является тяжестью земли, родительская милость также является тяжестью в жизни человека.

В пословице 河深海深, 最深莫过父母恩 ‘Глубоки реки и моря, но глубже всего родительская милость’ используется сравнительная конструкция — реки глубоки, моря глубоки, это уже максимальная глубина, которую можно себе представить, но родительская милость еще глубже рек и морей. Данное предельное выражение доводит родительскую милость до несравнимой высоты. В пословице 父爱如山, 母爱如水 ‘Любовь отца — как гора, любовь матери — как вода’ с помощью взаимодополняющих образов *горы* и *воды* изображается надежность и незыблемость отцовской любви и долгая, питающая забота материнской любви.

Таким образом, природные объекты — небо, земля, горы, реки, море — обладают величественным и безбрежным характером; сравнение с ними родительской милости отражает бесконечное почитание ханьцами родительского

труда по рождению и воспитанию — эта милость превосходит, больше, глубже всего в природе.

Одно из составляющих сыновьей почтительности являются обязанности детей перед родителями. В паремии 父母在，不远游 ‘При родителях далеко не путешествуют’ предписывается норма поведения для детей при живых родителях — не следует надолго уезжать далеко, чтобы родители не оставались без присмотра. За этой нормой стоит акцент на заботе о родителях — сыновняя почтительность заключается не только в материальном обеспечении, но и в повседневном присутствии и уходе.

В паремии 儿不嫌母丑，狗不嫌家贫 ‘Сын не гнушается некрасивой матерью, собака не гнушается бедным домом’ через параллелизм *сын — мать* и *собака — дом* показывается обязанность, которую дети должны проявлять к родителям: независимо от внешности матери, независимо от богатства или бедности семьи, дети должны принимать и почитать их. Эта аналогия возводит сыновнюю почтительность в ранг почти инстинктивного чувства.

В паремии 娘服侍儿小，儿此后娘老 ‘Мать служит ребенку, пока мал, дитя после служит старой матери’ через временную последовательность раскрываются циклы заботы поколений — мать ухаживает за детьми, когда они маленькие, дети должны отплатить за эту милость, когда мать состарится. Это межпоколенческий контракт, основанный на этике «взаимности».

В паремии 在家孝父母，何必远烧香 ‘Дома почитай отца и мать — зачем далеко благовония жечь?’ связывается сыновняя почтительность и религиозные верования — если дома почитать родителей, можно получить покровительство духов, и незачем далеко ходить к богам. Аналогичные паремии: 不孝父母，敬神无益 ‘Не почитаешь родителей — бесполезно и богам кадить’ и 不孝漫烧千束纸，亏心空熬万炉香 ‘Непочтительный зря жжет тысячи связок бумаги, бессовестный зря жжет десять тысяч курильниц благовоний’ ставят сыновнюю почтительность выше религиозных верований, отражая интеграцию и трансформацию народных верований конфуцианской этикой.

В паремии 父母死后献头牛，不如活着宰只鸡 ‘После смерти родителей принести в жертву быка — лучше при жизни зарезать курицу’, 父母在世不孝顺，何必死后泪湿襟 ‘При жизни родителей не почитаешь — зачем после смерти слезы лить?’ и 祭而丰，不如养而薄 ‘Лучше скудное при жизни, чем пышное после смерти’ подчеркивается идея о том, что почитание при жизни важнее пышных жертв после смерти. В искренней заботе о родителях при их жизни китайцы видят суть сыновней почтительности.

В паремиях группы об отношениях детей к родителям представлена микрогруппа о примерах негативного и позитивного образов детей. Единицы с негативной семантикой усиливают важность сыновней почтительности: так, в паремии 娶了媳妇忘了娘 ‘Женился — и забыл мать’ рисуется образ сына, который после женитьбы отделился от матери, и критикуется то, что он забыл свои корни и отплатил неблагодарностью. В паремии выражение 不肖子孙 ‘недостойный потомок’ номинует сына, неспособного продолжить дело предков или нарушившего заветы предков, никчемного. Исходное значение 不肖 ‘непохожий на предков’ впоследствии развилось в значение порицания потомков, нарушающих заветы предков, и его содержание включает отрицательную оценку разрыва семейной преемственности.

В качестве позитивных примеров в группе можно указать паремию 晨昏定省 ‘Утром и вечером навещать и желать доброго утра и спокойной ночи’, в которой представлен ритуал повседневной заботы детей о родителях, норма обслуживания родителей в старом Китае. Паремия 承欢膝下 ‘Радовать родителей, сидя у них на коленях’ описывает идеальную картину, когда дети находятся рядом с родителями и доставляют им радость. Паремия 父母之仇，不共戴天 ‘Враг отца и матери не живёт под одним небом’ доводит сыновнюю почтительность до крайности — с врагом родителей нужно рассчитаться лично, иначе нельзя стоять между небом и землей.

3.4.2. Воспитание и наставление как долг родителей перед детьми

Основным содержанием данной группа паремий является ответственность родителей за воспитание. Паремия 养子教子 ‘Вырастить и воспитать дитя’ представляет собой ядро традиционных китайских представлений о семейном воспитании. 爱子当教子 ‘Любить дитя — значит учить его’ раскрывает диалектическую связь любви и воспитания — по-настоящему любить детей — значит воспитывать их. Ей противопоставлена паремия 养而不教, 不如不要 ‘Вырастил, но не воспитал — лучше бы не растил’, в которой с помощью отрицательной конструкции подчеркивается фундаментальная важность воспитания по сравнению с взращиванием ребенка — если только кормить и не воспитывать, лучше бы и не растить.

Паремия 惯子如杀子 ‘Баловать дитя — всё равно что губить его’ через противопоставление *баловство* и *убийство*, которые являются контекстными антонимами, показывает вред потакания — чрезмерного попустительства, отсутствия воспитания, что вредят ребенку. Такое крайнее выражение призвано предостеречь родителей от чрезмерной любви и потакания.

Паремия 知识非学不可, 子女非教不可 ‘Знания нельзя не учить, детей нельзя не воспитывать’ параллельными конструкциями приравнивает необходимость воспитания детей к необходимости учиться. Паремия 藏宝不如读书, 积财不如教子 ‘Прятать сокровища лучше, чем читать книги; копить богатство лучше, чем учить детей’ ставит *воспитание детей* выше *накопления богатства* — лучше хорошо воспитать детей, чем копить для них богатство. Эти паремии подчеркивают незаменимость семейного воспитания.

В паремиях о воспитании как долге родителей перед детьми используются образы природы. Влияние традиционной китайской земледельческой культуры привело к формированию метафорических связей между воспитанием детей и такими видами деятельности, как обработка земли, посадка деревьев и животноводство. Например, образ *обработки земли* реализован в паремии 庄稼要管, 儿女要教 ‘За посевами нужен уход, за детьми — воспитание’, в которой

проводится параллель между уходом за посевами и воспитанием детей. Паремия 禾苗不管难高产, 孩子不管难成才 ‘За всходами не ухаживать — высокого урожая не ждать, за детьми не смотреть — толковыми им не стать’ соотносит *всходы* — *высокий урожай с детьми — становлением* и показывает фундаментальную роль ухода и воспитания для достижения результата. Ханьцы, опираясь на свой многолетний земледельческий опыт, утверждали, что растить детей — всё равно что выращивать злаки, их необходимо вовремя воспитывать. Нами отмечено также сравнение любви родителей с глубиной моря и реки: 河深海深, 最深莫过父母恩 ‘Какими бы глубокими ни были реки и моря, они не могут быть такими же глубокими, как родительская любовь’.

Связь воспитания с посадкой деревьев представлена в паремии 植树靠培育, 养儿靠教育 ‘Выращивание дерева зависит от ухода, воспитание ребёнка — от образования’ сравнивает уход за саженцами с воспитанием детей; *связь с животноводством* — в паремии 养儿不教不如养驴, 养女不教不如养猪 ‘Вырастить сына и не воспитать — лучше уж осла растить, вырастить дочь и не воспитать — лучше уж свинью растить’. В данном примере через крайнее противопоставление подчёркивается важность воспитания. Это выражение, несмотря на гиперболу, раскрывает сущностное значение воспитания для человека: невоспитанный человек мало чем отличается от скотины.

3.4.3. Методы традиционного семейного воспитания

Паремия характеризуется как хранилище культурно-значимой информации, к которой относятся методы традиционного семейного воспитания, рассматриваемого в аспектах:

- *времени*: в паремиях 修树趁早, 教子趁小 ‘Обрезай ветки, пока дерево молодо; воспитывай дитя, пока мало’, используется метафора «обрезания веток» в то время, когда дерево еще молодо, подчеркивая, что воспитывать детей необходимо с раннего возраста; 小时教不严, 大时蹦上天 ‘С детства строго не воспитаешь — взрослым на голову сядет’ раскрывается связь «строгости» и

«времени» — если в детстве воспитывать недостаточно строго, в зрелом возрасте ребенок станет неуправляемым;

- *сочетания строгости и любви*: в примерах 爱子给好心，不可给好脸 ‘Любить — сердцем, а не лицом’ раскрывается разделение внутренней и внешней сторон любви — родительская любовь к детям должна исходить из глубины сердца, но внешнее проявление не должно быть постоянно мягким и приветливым, в нужные моменты нужно быть строгим; 严是爱，宠是害 ‘Строгость — это любовь, баловство — это вред’ с помощью лаконичного противопоставления объединяется строгость и любовь и баловство приравнивается к вреду;

- *критики как часть стратегии воспитания*: в паремии 教儿光说好，后患不得了 ‘Учишь дитя — всё время хвалить? — потом беды не оберешься’ подчеркивается необходимость критического воспитания — если всё время только хвалить и не указывать на недостатки, в будущем обязательно будут большие проблемы. В примере 爱在心里，狠在面皮 ‘Любовь в сердце, строгость на лице’ углубляется идея необходимости сочетания строгости и любви в воспитании детей. В примере 严父出孝子，严母出贤女 ‘Строгий отец воспитывает почтительного сына, строгая мать — достойную дочь’ устанавливается причинно-следственная связь между строгостью и почтительностью/добродетельностью. В паремии 棍棒底下出孝子，娇生惯养出逆子 ‘П о д палкой вырастают почтительные дети, в холе и неге — неблагодарные’ с помощью крайнего противопоставления подчеркивает необходимость строгого воспитания (вплоть до телесных наказаний), которое может помочь воспитать почтительного сына, а изнеживание и потакание воспитает только неблагодарного сына;

- *важности личного примера родителей*: в паремии 教子不严父之过 教女不贤娘之错 ‘Плохое воспитание сына — вина отца, недостойное поведение дочери — ошибка матери’ закрепляет разделение ответственности и функции родителей в воспитании детей — если сын не получил должного воспитания, это вина отца; если дочь недобродетельна, это ошибка матери. Также встречается вариант 养子不

教父之过，训导不严师之惰 ‘Вырастить сына и не воспитать — вина отца, наставлять и не быть строгим — лень учителя’, ставящий «отца» и «учителя» в один ряд, совместно несущих ответственность за воспитание. В примере 娘勤女不懒，爹懒儿好闲 ‘Трудолюбива мать — не ленива дочь; ленив отец — сын бездельничает’ показывается прямое влияние слов и действий родителей на детей. Это влияние включает как элемент наставления словом, так и, в еще большей степени, элемент личного примера — дети, наблюдая и подражая повседневному поведению родителей, постепенно формируют свои собственные модели поведения. Аналогичные паремии: 爹不识耕田，儿不识谷种 ‘Отец не пашет — сын зерен не знает’, 姑娘是母亲的影子 ‘Дочь — тень своей матери’, 好谷出好米，好娘出好女 ‘Хорошее зерно дает хороший рис, хорошая мать дает хорошую дочь’, 有其父，必有其子 ‘Каков отец, таков и сын’ — раскрывают закономерность того, что в семейном воспитании личный пример важнее наставлений, таким образом, повседневное поведение родителей формирует характер детей гораздо больше, чем любые намеренные поучения.

Родительские ожидания и возможности воспитания

Китайские паремии об отношениях родителей и детей включают группу примеров, формулирующих ожидания родителей результата воспитания. Например, в паремии 望子成龙，望女成凤 ‘Ждать от сына дракона, от дочери — феникса’ концентрированно выражено всеобщие ожидания родителей по всему миру — надежда на то, что сын станет драконом (самое благородное мифическое животное), а дочь станет фениксом (самая почитаемая счастливая птица). Такие примеры, как 多子多福 ‘Много детей — много счастья’, 不孝有三，无后为大 ‘Из трёх видов несыновнего поведения самое тяжкое — не иметь потомства’, 传宗接代 ‘Продолжить род и передать эстафету поколений’ отражают важность продолжения рода в традиционном обществе.

Однако китайские пословицы содержат и трезвое понимание границ воспитания. Так, паремия 父母难保子孙贤 ‘Родителям трудно поручиться, что

внуки и правнуки будут добродетельны' признает ограниченность воспитания — даже если родители стараются изо всех сил, они не могут гарантировать, что потомки обязательно будут добродетельными. В паремии 父母只能生身, 不能生心 'Родители могут дать лишь тело, а не душу' через противопоставление *тела* и *души* раскрывается фундаментальную трудность воспитания — родители могут дать детям физическую жизнь, но не могут напрямую дать им душевные качества. Формирование добродетели требует собственных усилий человека.

Значительная группа паремий о семье включает упоминание отца и матери или родителей в целом. Обычно в китайских паремиях, когда речь идет об образовании детей, о будущем детей мать и отец объединяются: 夫妇是树, 儿女是花 'Родители — это дерево, дети — цветы, и когда дерево расцветает, это одновременно и величие дерева, и результат его глубоких корней'; 养女不教不如养猪, 养子不教不如养驴 'Воспитывайте своих детей без образования, и они будут такими же глупыми и тупыми, как свиньи и ослы'. Паремии также констатируют, что дети начинают по-настоящему ценить родительскую заботу только тогда, когда сами становятся родителями: 养子方知父母恩 'Только когда у вас появляются дети, вы понимаете, как много сделали для вас ваши родители'.

В некоторых паремиях отмечается, что родители несут ответственность за дальнейшую жизнь своих детей. В тех случаях, когда дети, став взрослыми, совершают плохие поступки и преступления, родители должны брать на себя часть вины, так как они плохо воспитали своих детей: 儿女做坏事, 父母终有错 'Родители должны нести определенную ответственность, когда их дети совершают плохие поступки'.

Китайская паремиологическая система зафиксировала особенности общественного социального устройства в аспекте отношений родителей и детей. В китайском социуме сложилась такая практика семейного социального уклада, по которой сыновья мыслились (и были) надеждой родителей на спокойную старость, на сыновей ложилась вся ответственность за благополучие родителей, в том числе материальное: 养儿人家热腾腾, 养女儿家冷清清 'Воспитание сына, который

женится и родит ребенка, — дело живое, а воспитание дочери, которая вырастет и выйдет замуж, оставит дом пустым и очень холодным’. Но в некоторых паремиях речь может идти и о сыновьях, и о дочерях: 养儿养女往上长 ‘Сыновей и дочерей воспитывают в надежде, что они будут успешными в будущем’;

Дочери для семьи преимущественно не представляли особой ценности, так как считалось, что после замужества она становилась частью семьи мужа и заботилась о его родителях. Отсюда и паремии, которые констатируют подобные факты: 养女一门亲 ‘Когда дочь вырастет и выйдет замуж, она станет для родительской семьи как родственница’; 嫁出去的姑娘, 泼出去的水 ‘Замужняя дочь подобна воде, которую вылили’; 养儿人家热腾腾, 养女儿家冷清清 ‘Семьи с сыновьями — горячие, а семьи с дочерьми — холодные и невеселые’.

Китайский паремиологический фонд включает примеры, в которых в аспекте родительских ожиданий фиксируется и осуждается дочерняя или сыновья неблагодарность, что порицается в китайской лингвокультуре. Отметим, что в китайской культуре известна «Канон сыновней почтительности Сяо-Цзин» (孝经), которая посвящена отношениям родителей и детей: 只有痴心的父母, 难得孝顺的儿郎 ‘Родители всегда заботятся о детях, но им сложно получить искреннюю любовь и заботу от детей’; 儿大不由爹, 女大不由娘 ‘Сын вырастает самостоятельным и не прислушивается к воспитанию отца; дочь вырастает и не прислушивается к наставлениям матери’; 端起碗来吃肉, 放下筷子骂娘 ‘Поднимите миску и съешьте мясо, положите палочки и ругайте свою мать’ [Абраменко 2021]. Паремия осуждает неблагодарность как социальное явление. Используя 亲属称谓 ‘мать’ в качестве символа, она проецирует абстрактные общественные отношения на конкретные семейно-родственные связи, а контрастное описание бытовой сцены приёма пищи создаёт сатирический эффект.

Китайских паремиологический фонд включает единицы, которые выступают как антонимичные. Противоречивость паремиологической картины мира различных народов отмечают многие исследователи. В.М. Мокиенко пишет о

смысловой разноплановости и даже противоречивости пословиц: «Информация, заключенная в пословицах, как правило, имеет двойную направленность. С одной стороны, пословицы — это назидания, афоризмы, краткие рекомендации на различные случаи жизни. Вот почему многие сборники паремий построены именно по тематическим циклам, подсказывающим «сюжет» таких назиданий — пословицы о Труде, Лени, Пьянстве, Учении, Храбрости, Трусости, Красноречии и т.п. С другой стороны, пословицы — это хранилища прошлого уклада жизни, истории, культуры, слепки исчезнувших теперь образов и представлений» [Мокиенко 2015: 103].

С одной стороны, во многих китайских паремиях зафиксирована ценность родителей для детей, с другой стороны, дети — также большая ценность для родителей. Антиномия также присутствует в утверждениях о том, что много детей дают семье большое счастье, а в некоторых пословицах, наоборот, отсутствие детей не считается несчастьем. В одной пословице утверждается: 多子多孙多福气 ‘Больше детей значит больше счастья’, а в других антиномичных указывается: 儿女多来冤业多 ‘Когда сыновей и дочерей много, возникает много недовольства’; 有子且勿喜, 无子固勿叹 ‘Иметь детей — не значит большая радость, не иметь детей — не значит большое горе’.

Противоречивы в китайских пословицах советы и приводимые модели поведения, связанные с воспитанием детей: родители должны быть милосердными к своим детям, любить и баловать их; излишняя доброта вредит воспитанию детей; доброта (милость) позволяет растить и воспитывать добродетельных детей: 慈母多败儿 ‘Милосердная мать часто имеет беспутного сына’.

Идеал взаимоотношений в семье отражает следующая паремия: 父慈子孝, 兄友弟恭 ‘Отец любит своего сына, а сын послушен своему отцу; старший брат любит своего младшего брата, а младший брат почитает своего старшего брата’.

В китайском паремиологическом фонде содержатся единицы, которые утверждают, что дети — это отражение их родителей. Подобные пословицы и о матери, и об отце. Родители всегда ответственны за то, как будут жить их дети,

они собственным примером определяют будущность детей: 老子英雄儿好汉, 他爹卖葱娃卖蒜 ‘Отец — герой, сын — хороший человек. Его отец продает лук, его ребенок — чеснок’; 娘勤女不懒, 爹懒儿好闲 ‘Если мать трудолюбива, дочь не будет лениться, а если отец ленив, сыну будет нечем заняться’.

3.4.4. Паремии о сиротстве и о приемном родительстве

Нами отмечена особая группа паремий, в которых представлена житейская мудрость о детях, потерявших одного или обоих родителей, например, в паремии 有爹有娘怀中宝, 没爹没娘路边草 ‘С отцом и матерью — сокровище за пазухой, без отца и матери — трава при дороге’ представлена антитеза *сокровище* и *трава*, которая подчёркивает, что наличие или отсутствие родителей определяет всю судьбу и статус человека.

Китайская паремиология зафиксировала жизненные наблюдения социума о сложной судьбе ребенка, у которого нет матери: 无娘的孩子天保佑 ‘Бог бережёт дитя, у которого нет матери’. Если мать выходит замуж второй раз, то у ребенка может появиться отец, а когда нет матери, и отец женится, то ребенок остается одиноким и никому ненужным: 有亲娘, 有后爷; 无亲娘, 无疼热 ‘Если у тебя есть настоящие родители, отчим будет относиться к тебе так же хорошо, как и твой настоящий отец, а если у тебя нет настоящей матери, о вас некому будет заботиться’. И в тоже время среди китайских паремий встречаются единицы, в которых констатируется, что мать может забыть о своем ребенке, когда второй раз выйдет замуж: 爹死娘嫁人, 各人顾各人 ‘Мой отец умер, мать вышла замуж за другого, и я был оставлен на произвол судьбы’.

Данная тема находит свое отражение и в других паремиях, которые с разных сторон освещают трагедию сиротства и незаменимость кровного родства. Так, паремия 老怕丧子, 少怕丧母 ‘Старость боится потерять сына, а молодость — мать’ раскрывает два самых сильных страха в жизни: для пожилого человека потеря сына означает утрату опоры, для ребёнка потеря матери — лишение защиты и душевного тепла. Паремия 没娘的孩子躲墙根, 没爹的孩子贵如金

‘Дитя без матери прячется у стен, а дитя без отца драгоценен как золото’ раскрывает противопоставление двух образов сиротства: символ покинутости и унижения для ребенка, потерявшего мать (*прячется у стен*), особое положение или жалость матери к ребёнку, лишённому отца (*драгоценен как золото*).

Паремия 婶子再强，不如亲娘 / 妗子再强，不如亲娘 ‘Как ни хороша тётя (жена брата отца / жена брата матери), она не заменит родную мать’. Представляют житейскую мудрость о том, родственницы не способны заменить кровную мать, что подтверждает идею уникальности материнской любви.

Таким образом, паремии о родителях и детях представлены следующими группами: о сыновней почтительности, которая представлена как норма конфуцианской этики и основа и ядро всех добродетелей; об обязанностях детей перед родителями, важнейшей из которых является забота о родителях при их жизни; паремии о примерах негативного и позитивного образов детей; паремии воспитании и наставлении как долге родителей перед детьми; паремии о методах традиционного семейного воспитания, которые включают указания на время воспитания, сочетания строгости и любви, критику как часть стратегии воспитания; важность личного примера родителей; а также паремии о родительских ожиданиях и возможностях воспитания. Важной частью паремий данного раздела являются примеры, указывающие на особенность китайского общественного социального устройства, рекомендующего практику материальной и духовной ответственности за благополучие родителей, возложенную на сыновей. Периферией группы являются паремии о сиротстве и о приемном родительстве, в которых зафиксировано признание сложной судьбой жизнь ребенка без матери, трагедию сиротства и незаменимость кровного родства.

3.5. Роль этнолингвомаркеров в репрезентации родственных отношений в китайских паремиях

В китайских паремиях, связанных с родственными отношениями, широко используются мифологические животные — дракон, феникс, цилинь (единорог),

— что свидетельствует о глубоком проникновении мифологического мышления в сферу семейных представлений. Так, паремия 龙生龙, 凤生凤 ‘Дракон рождает дракона, феникс — феникса’ посредством образов сверхъестественных существ метафорически выражает представление о неизбежности наследования детьми качеств родителей. Данная паремия имеет ряд вариативных форм: 龙生龙, 凤生凤, 耗子养儿会打洞 ‘Дракон рождает дракона, феникс — феникса, у мыши сын умеет рыть норы’; 龙生龙, 凤生凤, 老鼠生儿会打洞 ‘Дракон рождает дракона, феникс — феникса, мышь рождает сына, который умеет рыть норы’; 龙生龙, 凤生凤, 老母猪子多尽吃糠 ‘Дракон рождает дракона, феникс — феникса, у старой свиньи много поросят, и все едят отруби’. Переход от сакральных образов дракона и феникса к бытовым образам мыши или свиньи сохраняет общую семантику ‘подобное рождает подобное’, отражая детерминистское представление о кровнородственной преемственности.

В паремии 望子成龙, 望女成凤 ‘Надеяться, что сын станет драконом, а дочь — фениксом’ образы дракона и феникса выступают не только как символы императорской власти и благой предзнаменованности, но и как репрезентация высших ожиданий родителей по отношению к детям. Образ цилиня в выражении 麒麟送子 ‘Цилинь приносит ребёнка’ связан с представлением о божественном даровании потомства; в традиции хвалебного именования ребёнка словом 麟儿 ‘дитя цилиня’ проявляется сакрализация деторождения и родительских надежд.

Паремия 凤凰无宝不落 ‘Феникс не опускается без сокровища’ через мотив выбора ценности подчёркивает прагматическую ориентацию человеческого поведения. Она засвидетельствована, в частности, в романе

《金瓶梅》, в котором используется как средство сатирического намёка на корыстные мотивы брачного выбора, демонстрируя функционирование мифологических образов в повседневной этике.

В паремии 龙门出孝子 ‘Из врат дракона выходят сыновья, почитающие родителей’ топоним Лунмэнь обозначает не только конкретный географический

объект на Хуанхэ, но и культурный символ, связанный с легендой *о карпе, перепрыгивающем через врата дракона*; благодаря этому «Лунмэнь» становится метафорой судьбоносного преодоления и достижения выдающихся результатов.

В данную группу паремий мы включили примеры с компаменами-именами собственными: чэньюй 孟母三迁 ‘Мать Мэн трижды меняла место жительства’ является одним из наиболее известных сюжетов в истории китайской семейной педагогики. Мать философа 孟子, стремясь создать сыну благоприятную среду воспитания, трижды переезжала, что в традиционной интерпретации привело к формированию мудреца. Паремия 有母如孟母, 何愁儿不肖 ‘Если мать подобна матери Мэна, чего бояться, что сын окажется недостойным?’ закрепляет образ матери Мэна как идеальный эталон материнства: при такой матери сын непременно станет достойным человеком.

Чэньюй 精忠报国 ‘Верность стране’ восходит к преданию о том, как мать полководца 岳飞 вытатуировала на его спине эти слова, побуждая к служению отечеству. Этот сюжет соединяет семейное воспитание с государственной этикой, отражая принцип *единства семьи и государства*.

Чэньюй 曾子杀猪 ‘Цзэн-цзы заколол свинью’ повествует о том, как ученик 曾子 ради исполнения шутивого обещания, данного сыну его женой, действительно зарезал свинью, подчёркивая фундаментальный принцип честности в семейном воспитании: только согласованность слов и поступков родителей формирует у детей нравственную надёжность.

Чэньюй 光宗耀祖 ‘Прославить род и украсить предков’ связывает личные достижения с честью предков и рода, подчёркивая коллективистский характер традиционного сознания, в котором успех индивида воспринимается как успех всей семьи и клана.

Паремия 祖坟冒青烟 ‘Над могилой предков поднимается голубой дым’ через образ родового захоронения объясняет успех потомков благословением предков и благоприятным фэншуй. В выражении 改换门楣 ‘Сменить семейный фасад’ архитектурный элемент *дверной косяк* метафорически обозначает

семейную репутацию: успех воспитания и карьерный рост детей интерпретируются как *прославление дверного косяка*, что отражает тесную связь семейного престижа и социального статуса.

Паремия 寒门产贵子, 白户出公卿 ‘Из бедного дома рождается знатный сын, из простого двора выходит сановник’ использует образ *дома* как символ семьи: даже в бедной семье могут вырасти выдающиеся личности. Она одновременно утверждает возможность социальной мобильности и веру в решающую роль воспитания, превосходящую материальные условия.

Чэньй 椿萱并茂 ‘Чунь и сюань цветут вместе’, где ‘чунь’ символизирует отца (по мотивам трактата 《庄子》), а ‘сюань’ — мать (по мотивам антологии 《诗经》), обозначает благополучие и здоровье обоих родителей. Метафора 芝兰玉树 ‘Сандаловое дерево и нефритовое дерево’ характеризует талантливых потомков, уподобляя нравственные качества ароматному растению и драгоценному нефриту. Наконец, выражения 弄璋之喜 ‘Радость игры с нефритовым скипетром’ и 弄瓦之喜 ‘Радость игры с глиняным пряслицем’ через противопоставление нефрита и глины отражают традиционное распределение гендерных ролей в патриархальной семье: мальчику желают добродетели, ассоциируемой с нефритом, девочке — трудолюбия и хозяйственности.

Китайский паремиологический фонд отличается большим количеством паремий, которые содержат этномаркеры, это касается и паремий об отце и о матери. Этномаркерами следует считать репрезентанты национальной картины мира, отражающие национальную специфику. К этномаркерам с точки зрения О.В. Ломакиной и М.В. Горбаневского относят 1) антропонимы, которые могут «нести ярко выраженную смысловую нагрузку и обладать скрытым ассоциативным фоном, иметь особый звуковой облик, имена и названия способны передать национальный и местный колорит, отражать историческую эпоху» [Горбаневский 1988]; 2) названия артефактов, присущих материальной культуре конкретного народа: предметов быта, одежды; 3) этнонимы — названия народов и племен [Ломакина 2014: 217].

Помимо этномаркеров, в национальных пословицах могут содержаться мифонимы (антропонимы, именующие мифологических персонажей), которые репрезентируют мифопоэтическую картину мира. Для китайского народа в центре мифопоэтической картины мира – мифические существа (дракон, феникс), а также номинации реальных животных, которые наделяются мистическими качествами.

Паремии о родителях, которые включают мифонимы и этномаркеры: 娘想儿, 长江水; 儿想娘, 哭一场 ‘Мысли матери о ребенке бесконечны, как воды реки Янцзы, в то время как мысли ребенка о матери относительно недолговечны’. Река Янцзы, как самая длинная река Китая, выступает в роли ключевого для паремии символа: её семантический признак бесконечной протяжённости позволяет пословице воплотить вечность материнской тоски и любви в конкретном природном образе.

Национальными особенностями китайских паремий является метафоризация, связанная с образами животных. В паремиях об отце часто включены образы дракона, тигра, феникса, которые в Китае используются для характеристики людей в зависимости от их взаимоотношений и поведения, и передаются из поколения в поколение [Denisenko, Zheng 2021]. Китайская паремия также основана на поклонении людей перед тотемами: 虎父无犬子 ‘Тигр не рождает собаку’ (Это метафора того, что хороший отец не рождает бесполезного ребенка); 龙生龙, 凤生凤, 老鼠的儿子会打洞 ‘Дракон рождает дракона, феникс рождает феникса, мышь рождает мышь, которая может проделать дыру. То есть сын всегда похож на отца, продолжает его дела’; 望子成龙, 望女成凤 ‘Родители мечтают, чтобы сын стал драконом, а дочь — фениксом. То есть родители мечтают, чтобы дети добились выдающихся успехов’.

В целом, рассматривая паремии о родителях в китайской лингвокультуре, следует указать, что пословицы и поговорки китайского языка, «отражая систему ценностей конкретного народа, представляют собой универсалии, репрезентируемые в каждом языке определенным образом» [Ломакина 2014: 217].

Таким образом, для китайского паремического фонда отмечено широкое распространение этнолингвомаркеров в репрезентации родственных отношений. Нами отмечено использование таких мифонимов, как мифологические животные дракон, феникс, цилинь. Их включение в паремии указывает на общую семантику родства, отражает детерминистское представление о кровнородственной преемственности, о высших ожиданиях родителей по отношению к детям. К этномаркерам мы отнеси также имена собственные (антропонимы и топонимы) и нарицательные имена-символы дом, родовое захоронение, названия драгоценных и полудрагоценных камней, эндемичных растений Китая, названия артефактов, присущих материальной культуре китайского народа, а также метафоричные образы зодиакальных и тотемных животных.

3.6. Паремии о бабушках, дедушках и родственниках в китайской языковой картине мира

Китайская паремиологическая система зафиксировала различные аспекты семейно-родственных отношений, а также уникальные социальные отношения семейного характера, связанные с традициями народа. «Обычай китайцев жить неразделенными семьями, число членов которых достигало несколько сот человек и объединяло несколько поколений, имеет древнюю традицию. Образцовая китайская традиционная семья должна была быть трехпоколенной (примерно 19–20 человек), жить под одной крышей. В такой семье явно должна была проявляться семейная солидарность, иерархия между сыновьями, невестками и внуками, соблюдаться уважение к старшим. Все родственники четко делились на две категории: «нэй цзу» (родственники по внутренней линии) и «вай цзу» (родственники по внешней линии)», – отмечается в исследованиях о культуре китайских семей [Доменак, Хуа Шанмин 1991: 165].

Необходимо также указать, что в традиционных китайских семьях на протяжении 2000 лет складывались особые семейные отношения на основе конфуцианских представлений о семье как о малом государстве. взаимоотношения в семье подчинялись пяти правилам: строгая иерархия, при которой младшие всегда подчиняются старшим, женщины в семье — мужчинам; строгое разделение

мужских и женских обязанностей; сыновняя почитательность; большое количество детей, особенно мальчиков – это счастье; покорность всех женщин в семье. Так, например, в «Китайско-русском фразеологическом словаре» содержится идиома: 三从四德 ‘Тройная покорность и четыре достоинства’ — традиционная формула требований к женщине (покорность: в юности — отцу, в замужестве — мужу, в старости — сыну; добродетель, скромность в речах, женственность, трудолюбие) [Готлиб, Му Хуаин 2019]. Особо отметим, что в китайской лингвокультурной традиции почитание предков восходит к древней китайской философии. Согласно представлениям Конфуция, необходимо заботиться о родителях при жизни и воздавать им почести после смерти, сыновняя почитательность рассматривается как основа построения семьи и общества. То есть почитание предков, культ предков составляет основу китайской языковой и концептуальной картины мира. В большинстве китайских семей и до настоящего времени сохранился обычай — алтарь предков, где находятся таблички с их именами. Считается, что если предков почитают, то они оказывают покровительство и помогают в жизни; если о предках забывать, то это навлечет несчастья. Таким образом, в китайской лингвокультуре одной из самых важных добродетелей признается уважение к родителям, к старшим, в том числе к бабушкам и дедушкам. Это зафиксировано, например, в пословице: 家有一老, 如有一宝 ‘Если есть старый человек в доме, значит в доме есть драгоценность’.

Таким образом, традиционные китайские представления о семье характеризуются наличием «большой семьи». Паремии о родственных отношениях составляют этический спектр родства, идущий от ближних к дальним, различающий степень близости. Это позволило нам рассмотреть примеры в двух подгруппах: 1) паремии о бабушках, дедушках и внуках и 2) паремии о родственниках внутри китайской семьи.

3.6.1. Паремии о бабушках, дедушках и внуках

Любовь дедушек и бабушек к внукам получает выражение в таких паремиях, как 爷见孙, 猫见荤 ‘Дед увидел внука — как кот увидел мясо’; 疼孙子, 积金子

‘Любить внука — всё равно что золото копить’, 爷爷亲孙孙, 亲似命根根 ‘Дед любит внука — любит, как зеницу ока’. В последнем примере с помощью предельного выражения *зеница ока* (букв. корень жизни) раскрывается, что любовь деда к внуку проникает до глубины души, подобна самой жизни.

Паремии о бабушках и дедушках констатируют то, что внуки любят дом бабушек, потому что там о них особо заботятся: 奶奶亲孙子, 胜似命根子 ‘Бабушка любит внука, как свою жизнь’; 狗恋恩情猫恋食, 小孩恋他姥姥家 ‘Собаки умеют быть благодарными, кошки любят еду, а дети любят бабушкин дом’; 爷爷亲孙孙, 亲似命根子 ‘Дедушка внука любит — пуще глаза бережёт’; 爷爷亲孙无二心 ‘Дедушка любит внука всем сердцем’.

С другой стороны, в китайских пословицах утверждается, что от дедушек и бабушек зависит какие сыновья и дочери у вас будут. То есть указывается на связь поколений и на то, что в семье от поколения к поколению передаются традиции и даже черты характера. То есть жизнь каждого следующего поколения в семье определяется старшими родными (бабушками, дедушками и вообще предками). Китайские паремии о родителях, бабушках и дедушках во многом критически осмысляют взаимоотношения между поколениями, обращая внимание на противоречия: 父母难保子孙贤 ‘Родителям трудно гарантировать, что их дети и внуки будут хорошими и послушными’. В китайской языковой картине мира (что отражено в паремиях) философски осмысляются отношения старшего и младшего поколений и констатируется, что бабушки и дедушки могут принимать участие в воспитании внуков, но не могут определить их будущее: 父母难保子孙贤 ‘Предкам трудно гарантировать, что их дети и внуки будут хорошими и послушными’; 儿孙自有儿孙福, 莫为儿孙作远忧 ‘У сыновей и внуков своя судьба и свое будущее, родителям и старшим не нужно вмешиваться в их жизнь’.

Философское осмысление жизненных перипетий свойственно китайской паремиологии. Так, например, в паремиях о родителях, бабушках и дедушках эксплицитно или имплицитно говорится о том, что необходимо выполнять свой долг, несмотря ни на что: 子孙虽愚, 经书不可不读 ‘Хотя наши дети и внуки

могут быть глупцами, мы не должны забывать читать ‘Священное Писание’. В китайской философской парадигме паремии о бабушках и дедушках демонстрируют ценностные доминанты китайского народа, хотя при этом, возникают многочисленные антиномии.

Следует отметить, что бабушки и дедушки в китайском языке и китайских паремиях разделяются в зависимости от того, чьими родителями они являются (мужа или жены). Так, например, 奶奶, 爷爷 ‘бабушка и дедушка по отцовской линии’, 外婆, 外公 ‘бабушка и дедушка по материнской линии’. Существует и обобщенное именование всех бабушек и дедушек — 祖父母. Этими иероглифами обозначают как именование бабушек и дедушек в косвенной речи, когда говорится о них. Бабушка по линии отца в семье являются наиболее близкими ребенку, поскольку в патриархальной китайской традиции престарелые родители жили вместе с семьей старшего сына. Бабушка и дедушка со стороны матери считаются близкими родственниками, в составе иероглифов их номинации содержится иероглиф 亲 ‘посторонний’: 奶奶抱孙子越抱越亲 ‘Бабушка обняла внука — и сердце к сердцу прилипло’.

В ряде паремий приводятся житейские наблюдения за поведением родителей, детей, бабушек и дедушек, внуков: 外婆抱孙子, 累死不唉哼 ‘Бабушка носит внука — устала до смерти, но не жалуется’. В данном примере речь идет о помощи со стороны бабушек и дедушек в воспитании ребенка, об их самоотверженности и о любви в семье; 外婆的摇篮, 外孙的梦乡 ‘У бабушки в люльке — внуку самые сладкие сны’ — приведенная паремия констатирует, что бабушки проявляют максимальную заботу о внуках, поэтому внукам так хорошо в бабушкином доме; 父亲母亲疼末子, 公公婆婆疼长孙 ‘Бабушки и дедушки обычно больше всего любят первого внука, а родители — младшего ребенка’. В приведенной паремии речь идет о том, что в семье бывают предпочтения, некоторых детей и внуков любят больше, а также указано на то, что молодые родители в большей степени рассчитывают на участие бабуки и дедушки в воспитании старших детей, чем младших.

Укажем на одну существенную особенность, касающуюся количественных критериев китайских паремий. В китайской языковой системе количество паремий о бабушках и дедушках, об отношении со внуками и воспитании внуков, является примерно одинаковым (в нашей картотеке по 25 паремий). В русской паремиологической системе количество единиц о воспитании внуков бабушкой значительно больше, чем дедушкой. Дедушка в русской паремиологии чаще несет ответственность за обеспечение семьи (бабки, внуков), но практически не занимается воспитанием.

В китайской паремиологии дедушки наравне с бабушками любят и воспитывают внуков, но не всегда получают ответную любовь: 奶奶疼孙子, 胜似攢金子 ‘Бабушка любит внука больше, чем копить золото’; 爷养儿子糖拌饭, 儿子养爷横百眼 ‘Дед кормит внука сладким рисом, а внук смотрит на деда с презрением’.

Китайские паремии описывают особенности пожилых людей и констатируют, что старые люди (прежде всего, речь идет о старых мужчинах) прямодушны, но упрямы, что зафиксировано в чэньюй: 姜桂之性 ‘Имбирь и корица чем старше, тем острее (злее) (С возрастом характер становится только прямее и твёрже)’. В некоторых китайских паремиях отмечается, что бабушки слишком болтливы: 奶奶的唠叨—听不完 ‘Как начнёт бабушка говорить — ни дня, ни края не видно’. Русский аналог пословицы: *Бабка болтает — чёрт её толкает*.

Следует отметить, что в русской паремиологии также содержатся примеры, в которых указывается на глупость, вздорность стариков, в русской лингвокультуре справедливо отмечается, что в старости далеко не все люди становятся мудрыми и звучит ирония по поводу старого мудрого человека. В конце жизни уже не важно кто сколько знает, насколько является мудрым, так как смерть уравнивает всех: *Дедушка много знал, да (так и) помер*.

Среди китайских и русских паремий в небольшом количестве встречаются примеры, которые отмечают физическое несовершенство старых людей. При этом

в паремиях практически не присутствует снисходительного отношения к физическим недостаткам. Такие пословицы имеют оттенок презрительности и пренебрежительности: 奶奶的裹脚布 – 又臭又长 ‘Бабушкина обмотка для ног — и длинная, и вонючая’; ср.: *Бабушка пеняет, что от дедушки воняет, а от самой не дохнёшь*.

3.6.2. Паремии о родственниках внутри китайской семьи

Рассматривая китайскую паремиологическую систему, следует обратить внимание на паремии, в которых репрезентируются сложные иерархически упорядоченные отношения внутри семьи. При этом речь идет не только о матери и отце, бабушке и дедушке, но и о дядях и тетях, о братьях и сестрах, об отношениях невестки и свекрови и пр. В русской паремиологической системе подобные пословицы содержатся, но их в количественном отношении значительно меньше, чем в китайской паремиологии (кроме паремий о свекрах и свекровях).

Следует отметить, что в паремиях отражаются, прежде всего, представления китайского народа о семейных отношениях в диахронии, то есть взгляды традиционного Китая. В древнем Китае существовало три типа семейных отношений: существовала «семья как таковая (в современной терминологии — нуклеарная семья), так называемая расширенная семья и клан»: «Базовой социальной единицей в древнекитайском обществе, как и сейчас, являлась нуклеарная семья, т.е. семья, основанная на браке как союзе между мужчиной и женщиной, кровном и некровном родстве. В состав этой семьи входят, как правило, родители, их дети, связанные между собой как кровными, так и некровными узами, т.е. родные и приемные дети, а также родители супругов» [Ван Мо, Цунь Линь 2020: 177]. Большая семья включала братьев и сестер со стороны мужа и жены, которые были дядями и тетями для детей нуклеарной семьи.

Но важным также было понятие клана, в который объединялись родственники до пятого колена, восходящие к одному предку по мужской линии. Именно потому, что в китайском социуме были настолько важны родственные связи, в паремиологическом фонде содержится большое количество паремий о

семье и клане. Поэтому в больших патриархальных китайских семьях были важны родственные связи между дядями и племянниками, тетями и племянниками: 爹娘亲, 娘舅亲, 打断骨头连着筋 ‘Никакие внешние силы не могут разлучить детей с их родителями и дядями по материнской линии’. В паремии речь идет о том, насколько важны семейные родственные связи, кровное родство невозможно разорвать. Общеизвестно, что «... культ предков и традиция сыновней почтительности создали в Китае подлинный культ семьи, явившийся основой функционирования общества» [Вошилина 2017: 30].

Китайские традиционные семьи — это три поколения родных, живущих вместе под одной крышей. Такая модель семьи еще встречается и в современном Китае. Однако под влиянием социальных изменений в обществе старый семейный уклад постепенно разрушается. Уже стали неактуальны пословицы о том, что дети не должны уезжать далеко, пока живы родители: 父母在, 不远游 ‘Дети не должны уезжать далеко, пока живы их мать и отец’.

Однако следует отметить, что традиционные патриархальные взгляды на семью все же оказывают большое влияние на современное китайское общество. Родители живут отдельно от взрослых детей и своих родителей, но все они продолжают сохранять близкие родственные отношения, несмотря на разные места проживания. Так, например, обязательной (или по крайней мере желательной) является совместное проведение праздников. Традиционно все члены большой семьи стараются собраться вместе на празднование Нового года по китайскому календарю.

Китайская паремиологическая система фиксирует особенности взаимоотношений в большой традиционной китайской семье, где была важна иерархия, определяемая по старшинству мужчины. Поэтому важны взаимоотношения не только родители/дети, бабушки/дедушки/внуки, но и отношения между старшими и младшими братьями, между дядями и племянниками/племянницами. Нами отмечены несколько групп паремий о большой семье, в которой акцентируются следующие положения:

- о статусе родственников в рамках большой семьи: паремия 长兄如父, 长嫂为娘 ‘Старший брат как отец, старшая невестка как мать’ раскрывает особое положение старшего брата и старшей невестки в семье — когда отца нет, старший брат исполняет его обязанности; когда матери нет, старшая невестка исполняет ее обязанности. Это представление отражает принцип «замещения» в традиционной семье — старшие дети в отсутствие родителей берут на себя заботу о младших. В паремии 兄弟如手足, 妻子如衣服 ‘Братья как руки и ноги, жена — как одежда’ дано сравнение рук и ног (неотъемлемая часть тела) с одеждой (которую можно сменить), что концентрированно отражает приоритет кровнородственных связей над брачными в традиционном обществе. В примере 兄弟亲骨肉, 姐妹连肝胆 ‘Братья — родные кость и плоть, сестры — связаны печенью и желчным пузырем’ с помощью образов *кость* и *плоть*, *печень* и *желчный пузырь* соответственно изображает близость между братьями и сестрами. Родственные связи как основа жизни представлена в примере 打虎还得亲兄弟, 上阵须教父子兵 ‘Бить тигра — нужны родные братья, идти в бой — нужны отец с сыном’ в экстремальных ситуациях охоты на тигра и боя раскрывает незаменимость братьев, отца и сына перед лицом серьезной опасности — только родные братья осмелятся вместе бить тигра, только отец с сыном могут вместе идти в бой;

- об иерархии в семье: китайская иерархия в семье предписывала в тех случаях, когда родители не могут заниматься воспитанием младших детей, старшим сыновьям заботиться о младших и выполнять их обязанности: 长兄为父, 长嫂为娘 ‘Старший брат — отец, невестка — мать’; ср.: *Старший брат — что второй отец*. Китайская семья в паремиологическом фонде отражена и во всей сложности взаимоотношений свекрови, свекра и невестки. Невестки в семейной иерархии были самыми бесправными, их долг был повиноваться, много работать и рожать детей. Это зафиксировано, например, в следующей пословице: 多年的媳妇熬成婆 ‘Невестка наконец-то стала свекровью после долгих лет страданий’. Ценность невестки повышалась только в том случае, когда она рожала многих сыновей. Китайские пословицы предписывали учить невесток с момента, когда

они только переступают порог их нового дома: 教妇初来, 教儿婴孩 ‘Невестку учи, когда она только что вошла в дом, а детей учи, пока они еще младенцы’; 三朝媳妇, 月里孩儿 ‘Необходимо установить правила и для невестки, и для новорожденного, чтобы не избаловать их’. Паремии о свекровях и невестках, об их сложных иерархических отношениях отражают реальные жизненные ситуации, когда, например, свекровь излишне критикует невестку или даже жестока с ней. Но невестки могут пытаться найти общий язык со свекровями и свекрами: 严婆不打笑面媳 ‘Даже строгая свекровь не победит улыбчивую невестку’. Но невестка может и высказать свое недовольство в каких-то случаях: 姑口烦而妇耳顽 ‘Если свекровь всегда ворчит, невестке надоест это слушать’.

- *об отношениях между братьями*: в паремии 兄弟和顺家必昌 ‘Братья в согласии — дом процветает’ связывает братскую гармонию с процветанием семьи, отражая распространение идеи «в семье лад — и все блага» на отношения братьев. В примере 兄弟俩人吵了架, 还是一个藤上瓜 ‘Братья поссорятся — а всё равно с одной плети дыня’ с помощью метафоры *дыни одной плети* раскрывается неразрывность кровной связи между братьями — даже если они ссорятся, это не меняет того факта, что у них одни корни и одно происхождение. В паремии 兄不友则弟不恭 ‘Старший брат не дружелюбен — младший не будет почтителен’ раскрывается этика взаимности в отношениях братьев; в примере 难得者兄弟, 易得者田地 ‘Редко встретишь брата, а земли легко найти’ противопоставляются братья и земля — землю легко приобрести, а братья в семье — это счастливая судьба.

Стоит отметить, что в отношениях братьев также присутствует сторона практической рациональности: паремия 亲兄弟, 明算账 ‘Родные братья, а деньги — счёт любят’ подчеркивает, что даже при близких родственных отношениях в денежных делах должна быть четкость и раздельность. Эта паремия вносит в родственные чувства рациональное чувство, границы, предотвращая нарушение братских чувств денежными спорами;

- *нормы поведения в семье*: в паремиях 父兄失教，子弟不堪 ‘Дети не вырастут хорошими, если отцы не будут воспитывать своих детей, а братья не будут воспитывать своих братьев и сестер’ и 父子相合家不败，弟兄相合不分家 ‘Когда отцы и сыновья едины и гармоничны, семьи не распадаются; когда [взрослые] братья живут в согласии, семьи не распадаются’ утверждается, что в семейных отношениях каждый должен был исполнять свой долг, тем самым в семье должна поддерживаться гармония. В примерах 父子无礼，其家必凶；兄弟无礼，不能久同 ‘Без вежливости между отцом и сыном в его семье обязательно случится несчастье; без вежливости между братьями невозможна жизнь’ и 夫妻交市，莫问上午益；兄弟交憎，莫问谁直 ‘Не нужно спрашивать, кому выгодна сделка между мужем и женой, и не нужно выяснять, кто прав, а кто виноват, когда братья враждуют’ осуждается вражда между родственниками, особенно между братьями; подобная ситуация не только нарушает гармонию в семье, но и мешает почитанию предков, родителей, бабушек и дедушек. Система китайских паремий, в которых репрезентируется отношение социума к семейным связям, констатирует важный аспект — необходимость согласия и уважения между братьями, отцами и сыновьями. В китайской языковой картине мира во множестве половиц говорится о том, что совместный труд — залог благополучия всей семьи: 弟兄相骂硬如铁，父子同心土变金 ‘Если братья ссорятся друг с другом, их отношения будут твердыми, как железо, и их трудно будет примирить; но если отцы и сыновья умеют работать вместе, даже желтая земля может быть превращена в золото’; ср. русск.: *И брат с братом ссорится*. Китайская паремиологическая система фиксирует тесную взаимосвязь между всеми членами большой семьи, но при этом указывается, что каждый из членов семьи несет ответственность исключительно за свои поступки: 父子兄弟，罪不可及 ‘В отношениях между отцом, сыном и братом, когда один человек совершает преступление, он несет за него личную ответственность, и никто другой в этом не участвует’. Но при этом считается, что родители должны нести ответственность за плохие поступки своих детей. И в тоже время паремии констатируют, что дети — продолжение своих родителей,

если дети совершают преступления, то они просто продолжают то, что делали их родители, а значит родители виновны в преступлениях детей: 父强子不弱 ‘Если отец силен, то и сын не будет слабым’; ср.: *Если батенька рыбак, сын в воду смотрит*;

- *сущностные свойства родства*: китайцы придают большое значение родственным связям, во время праздников обязательно навещают друг друга чтобы поддерживать родственные отношения. Что касается длительности и всеобщности родства, то паремия 千年不断亲 ‘Тысячу лет не прерывается родство’ подчеркивает длительности родственных связей, которые не должны прерываться. В примере 三年不上门, 当亲也不亲 ‘Три года не ходить в гости — и родня не родня’ стороны подчеркивает важность поддержания связи — если долго не общаться, даже родственники станут чужими. В паремии 隔山隔水不隔亲 ‘Горы и воды разделяют, но не родню’ противопоставлены естественные препятствия горы и вода и родственные связи китайцев. Паремия 皇帝也有草鞋亲 ‘У императора и то есть родня, лапти плетущая’ указывает на разветвленную сеть большой китайской семьи, подчеркивая всеобщность родственных связей — у каждого, независимо от знатности и богатства, есть родня. В примере 千里征途靠骏马, 万里难关靠亲人 ‘В дальний путь — на быстрого коня полагайся, в беде многотрудной — на родных’ родные позиционируются как опора в жизненных трудностях. Пример: 人亲骨肉香 ‘У родных людей и кости пахнут вкусно’ еще больше указывает на связь по родству через сенсорный образ.

Что касается степени родства, то паремия 姑舅亲, 辈辈亲, 打断骨头连着筋 ‘Родня по тете и дяде (с отцовской стороны) — из поколения в поколение, кость порвешь — за жилы держится’ с помощью физиологических образов раскрывает глубину родства по линии отца. Данному примеру противопоставлена паремия 娘姨亲, 当辈亲, 死了娘姨断了亲 ‘Родня по тете (с материнской стороны) — только на одно поколение, умерла тетя — и родство прервалось’ — родственники по линии матери (тетя по матери) близки только в пределах одного поколения (поколения самого человека), затем родственные отношения ослабевают и прерываются. Эта паремия раскрывает различный статус

родственников по отцовской и материнской линии в традиционных представлениях — родственники по отцу считаются 本家 ‘своим родом’, родственники по матери считаются 外亲 ‘внешней родней’, отношения более слабые, далекие.

Что касается влияния богатства и бедности на родственников, то пословица 贫来亲也疏 ‘Беден — и родня далека’ показывает негативное влияние бедности на родственные отношения — как только человек беднеет, родственники тоже отдаляются. В примере 贫居闹市无人问, 富在深山有远亲 ‘Беден — хоть в шумном городе живи — никто не спросит; богат — хоть в глухих горах живи — далекая родня объявится’ через противопоставление шумный город / глухие горы раскрывается превратность мира о важности богатства для родственных связей. В паремии 贫贱亲戚离, 富贵他人合 ‘Беден и ничтожен — родня покидает; богат и знатен — чужие приходят’ подчеркивается данная закономерность. В примере 亲是亲, 财是财 ‘Родня — родней, а деньги — деньгами’ обобщается, что чувства и деньги должны быть разделены. В паремии 靠亲戚吃饭饿 ‘К родне обедать пойдешь — с голоду помрешь, к друзьям одеваться пойдешь — замерзнешь’ содержится идея о том, что можно полагаться только на себя. В примере: 亲戚远来香 ‘Родственники издалека — душисты’ раскрывается важная закономерность в общении с родственниками — сохранение определенной дистанции делает отношения более гармоничными;

- *паремии о противопоставлении родственников и соседей*: в примерах 亲帮亲, 邻帮邻 ‘Родня помогает родне, сосед помогает соседу’ и 打不断的亲, 骂不断的邻 ‘Родня, сколько ни ссорься — не рассоришься, соседи, сколько ни ругайся — не разругаешься’ раскрывается принцип взаимопомощи в социальных отношениях и подчеркивается наличие родственных и соседских связей. В то же время нами отмечены паремии, которые сравнивают родственников и соседей: 远亲不如近邻 ‘Дальняя родня лучше близкого соседа’, 先有亲, 后有邻 ‘Сначала родня, потом

соседи'. Данные примеры не противоречат друг другу, а с разных сторон раскрывают различную ценность родственников и соседей;

- *о предрассудках*: традиционные взгляды китайского народа на семью и родственников включают множество предрассудков. Например, считалось, что по поступкам и внешности дяди невесты, по ее братьям можно судить о ней самой: 讨老婆看妻舅, 买衣裳看衫袖 'Глядя на дядю своей жены, он мог судить о характере и талантах своей невесты, а глядя на рукав, он мог судить о фактуре и качестве изготовления всего одеяния'; 未看老婆, 先看阿舅 'Мужчина узнает, как выглядит жена, посмотрев на ее старшего и младшего братьев, прежде чем отправиться на свидание вслепую'. В древнем обществе, где господствовал принцип мужчина выше женщины, женщина была ограничена пределами гинекея, и её добродетели были труднодоступны для непосредственного наблюдения посторонними. Мужчина же, выступая в качестве визитной карточки семьи в социуме, своей речью и поведением непосредственно отражал общую атмосферу и домашнее воспитание всего рода;

- *о свойственных родственниках*:

1) свекры: китайские паремии о взаимоотношениях свекров, сыновей и невесток утверждают, что на первом месте в китайской иерархии семейных связей всегда стоят собственные родители, т.е. сыновняя почтительность преобладает. Приведем пример: 公公当不了生身父, 婆婆当不了自己的娘 'Тесть не может быть как родной отец, а свекровь не может быть родной матерью'; паремия 巧媳妇不怕挑剔婆 'Невестка, которая хорошо работает (владеет руками), не боится, что свекровь будет выискивать ее недостатки' указывает на то, что невестка и свекровь живут вместе;

2) о невестках: национальным своеобразием отличаются китайские пословицы о невестках, которые не отличаются внешней привлекательностью. Их называют сокровищем семьи, так как некрасивая невестка никогда не будет привлекать других мужчин, будет верна и покорна: 丑陋夫人家中宝, 美貌佳人惹祸端 'Некрасивые невестки — сокровище семьи и не доставляют хлопот, а

красивые — доставляют»; 丑妇家中宝 ‘Уродливые невестки более спокойны, они — сокровище семьи и не доставляют хлопот’. Одной из добродетелей невестки считался усердный труд, но в ряде паремий указывается, что даже экономная, трудолюбивая и бережливая невестка не сможет вести хозяйство, если не из чего приготовить еду: 穷媳妇知米贵 ‘Бедная невестка знает, как дорог рис’; 巧妇难为无米之炊 ‘Какой бы искусной ни была невестка, она не сможет готовить без риса’. Паремия также выражает мысль о том, что при отсутствии самых необходимых условий даже самый способный человек не сможет ничего добиться. Лениость невестки осуждалась; в следующей паремии иронично указывается, что невестка хотела произвести на родственников хорошее впечатление и усердно трудилась, но только три дня: 新来媳妇三日勤 ‘Новая невестка усердно трудилась три дня’. В то же время существует ряд примеров, выражающих противоречия, например, в отношениях свекрови и невестки доминирует конфликт: 提起闺女笑盈盈, 提起媳妇牙根疼 ‘При виде дочери – радость и смех, при виде невестки — зубы сводит от досады’; 婆婆嘴碎, 媳妇耳背 ‘У свекрови язык без костей, у невестки уши врозь’; однако есть и пожелания гармонии 婆媳和睦无人欺 ‘Свекровь с невесткой в ладу — никто в обиду не дадут’;

3) теща, тесть: в паремиологическом фонде Китая в выбранном корпусе примеров единиц о взаимоотношении между тестем, тещей и зятем гораздо меньше, чем о взаимоотношениях невестки и свекрови/свекра. Это явление не случайно и является отражением традиционной социальной системы — патриархального строя (принцип наследования по крови), модели проживания (патрилокальность) и этической основы (ось отец—сын). В них в основном подчеркивается, что взаимоотношения должны быть доброжелательными, что необходимо для гармонии в семьях: 爱妻敬丈母, 爱子敬先生 ‘Если ты любишь свою жену, ты должен уважать ее родителей, то есть тещу и тестя; точно так же, если ты любишь своего сына, ты должен уважать его учителей’; 女婿有半子之劳 ‘Зять — это половина сына, и зять должен брать на себя обязательства сводного сына’; 丈母娘看女婿亲 ‘Теща переносит свою любовь к дочери на зятя, поэтому

она очень ласкова с ним.’ Что касается зятя, то пословицы о нём преимущественно позитивны: 丈母娘看女婿，越看越欢喜 ‘Тёща на зятя глядит — всё больше хвалит’. Паремия 一个女婿半个儿 ‘Один зять — полсына’ подтверждает наделение зятя статусом квази-кровного родственника (особенно в семьях, где есть только дочери и нет сыновей), что по своей сути является отношением благодарности, основанным на свойстве. Это составляет разительный контраст с внутренними конфликтами между свекровью и невесткой, коренящимися в борьбе за власть.

Современные китайские исследователи справедливо указывают, что в настоящее время китайская семья сильно изменилась: «Растет количество семей с одним ребенком. <...> Все это привело к важнейшим изменениям в структуре семьи. Если раньше «отец» был ядром семьи, то сейчас происходят большие изменения в векторе развития семейных взаимоотношений — от отца к детям. Если раньше придерживались принципа «младший уважает старших», то сейчас «ребенок — центр семьи». Подобные изменения не только касаются семьи, но и являются факторами, влияющими на общество в целом, на его стабильность и благосостояние. Проблема ухода за пожилыми людьми тоже становится проблемой современной семьи» [Жэнь Линлин 2017: 261]. В ближайшем времени социальные изменения, касающиеся семьи, найдут отражение в новых пословицах, поговорках, идиомах.

Таким образом, в китайской языковой картине мира паремии о бабушках, дедушках, о родственниках в диахронии отражают национальные особенности мировосприятия народа. Паремии о бабушках, дедушках, родственниках по материнской и отцовской линии отражают традиционные взгляды на семейные отношения, структуру семьи. Эти взгляды восходят к древнекитайской философии и опираются на учение Конфуция.

Паремии о бабушках, дедушках, родственниках полностью воссоздают отношения в традиционной китайской большой семье и даже в семейном клане, фиксируют и положительно оценивают иерархические отношения в семье, где младшие подчиняются старшим, где царит сыновняя почтительность (по

отношению к родителям и бабушкам/дедушкам), гармония и любовь между мужем и женой, между старшими и младшими родственниками, где преобладает любовь родителей к детям и наоборот.

Однако паремии антиномичны, то есть обнажают противоречия реальных семейных отношений, констатируя, что дети могут быть непочтительны к старшим, родители могут плохо заботиться о детях, бабушки и дедушки не всегда почитаются, но в тоже время могут и не желать заботиться о внуках, братья могут ссориться и враждовать.

Таким образом, паремии о бабушках, дедушках и родственниках занимают особое место в китайской языковой картине мира и указывают на имеющий древнюю традицию обычай китайцев — жить неразделенными семьями, которые объединяют несколько поколений. Данная группа паремий представлена примерами о бабушках, дедушках и внуках и о родственниках внутри китайской семьи. Паремии о бабушках и дедушках констатируют то, что внуки любят дом бабушек, потому что там о них особо заботятся, т.к. у китайцев жизнь каждого следующего поколения в семье определяется старшими родными. В китайских паремиях дедушки и бабушки разделены в зависимости от того, чьими родителями они являются, указаны недостатки пожилых людей и отмечена их ценность для семьи. Для группы паремий о большой семье отмечено понятие клана, в который объединялись родственники до пятого колена, восходящие к одному предку по мужской линии, обязательным является совместное проведение праздников; важна иерархия, определяемая по старшинству мужчины; прописаны статусы родственников в рамках большой семьи; определены отношения между братьями; нормы поведения в семье; сущностные свойства родства; противопоставление ценности родственников и соседей; отмечены паремии о свойственных родственниках.

3.7. Аксикологические доминанты и аксикологические лакуны в русской и китайской паремиологии

Паремии о семье, семейных отношениях русской и китайской лингвокультур в полной мере отражают систему морально-нравственных ценностей этносов.

Русская и китайская система ценностей и оценок в семейных отношениях во многом совпадают, так как аксиологические доминанты имеют универсальный характер. Китайская и русская лингвокультуры отличаются патриархальностью. Однако это патриархальность разного рода.

Н.Ю. Нелюбова отмечает, что аксиологические доминанты «обладают разной степенью ценности» [Нелюбова 2025]. Это утверждение полностью находят подтверждение при анализе семейных отношений в России и Китае: с одной стороны, и в России, и в Китае главой семьи является отец семейства. Без его позволения невозможно принятие никаких решений, ни хозяйственно-бытовых, ни имущественных, ни матримониальных; с другой стороны, отцы в Китае и России по-разному использовали свои права.

В традиционной культуре Китая (согласно конфуцианской философской доктрине) отец имел неограниченные права, он принимал решения за жену и детей, младших братьев, младших родственников, был обязан заботиться о престарелых родителях. Права отца были закреплены законодательно со времени династии Цин, эти законы не менялись вплоть до XX в. В Российской империи существовали законы, которые, закрепляя власть отца в семье, предписывали «воспитывать детей в страхе Божию», заботиться о сыновьях, определяя их на службу или «в промысел», а дочерей надлежало выдавать замуж. Отдельно говорилось о том, что для непослушных детей нужно применять «домашние воспитательные меры» (одобрялись телесные наказания).

В Китае часто решения о вступлении в брак принимались не только непосредственно отцом юноши или девушки, основой становилось мнение главы семейного клана (дедушки со стороны отца), на семейном совете по вопросу брака могли принимать участие и родственники по мужской линии. Традиционно в Китае особенно в сельской местности клановые отношения были основой социального уклада. Несколько поколений семьи жили рядом (иногда под одной крышей), у них были общие предки (до пятого колена), общая земля для ведения хозяйства, единое святилище для почитания общих предков. В России кровное родство также считалось важным, но считалось близким только до третьего

колена. Хотя по повелению Святейшего Синода (высшего православного религиозного органа в Российской империи) троюродные братья и сестры могли пожениться. То есть родство не считалось близким.

В китайском же праве ситуация была принципиально иной: запрет распространялся не на все степени кровного родства, а на принадлежность к одной патрилинейной линии (одна фамилия). Поэтому браки между ортокузенами (по отцу) были абсолютно невозможны, в то время как браки между кросс-кузенами (по матери) не только допускались, но и считались предпочтительными. Власть мужчин клана в Китае являлась абсолютной, женщины не принимали никаких решений. В России власть отца семейства считалась абсолютной, но зачастую женщины также принимали решения о браке своих детей. Власть отца в Китае освящена конфуцианской философской традицией почитания предков (традиция сыновней почтительности). Почитание предков — главная обязанность мужчин семьи, даже необходимость жениться и продолжить род считалась обязанностью, долгом перед предками. Пренебрежение сыновней почтительностью считалось огромным морально-нравственным падением. Сыновья должны были почитать всех старших мужчин, членов клана, должны были заботиться о них в материальном и духовном плане, но должны также были и уделять внимание воспитанию сыновей. Пренебрежение отцовскими обязанностями также осуждалось: 不得乎亲, 不可以为人; 不顺乎亲, 不可以为子 ‘Сын, который не ладит со своими родителями, не может быть человеком; сын, который не подчиняется во всем желаниям своих родителей, не может быть сыном’; 父欲行劫, 子必杀人 ‘Если отец разбойник, сын будет убивать’.

В китайской лингвокультуре всегда считалось, что сыновья будут повторять судьбу отца, усугубляя пороки: 父子亲而家不退, 兄弟和而家不分 父子亲而家不退, 兄弟和而家不分 ‘Если отец и сын едины, семья не потерпит краха’; 父若英雄, 子必好汉 ‘Если отец хороший, то и дети должны быть хорошими’.

В российской лингвокультуре аксиологические доминанты, связанные с почитанием отца, имеют несколько иной характер. Почитание отца —

христианская добродетель, отца почитают, как Господа, так как семья — это малая церковь: *Добр отец до детей, добр и Бог до людей*.

Русские паремии, как и китайские подчеркивают, что сын (дети) — отражение своих отцов: *Каков отец, таков и молодец; Каков отец, таков и сын; Каков отец, таковы и дети*.

Но если в китайской лингвокультуре добродетель — абсолютное подчинение, то в русской лингвокультуре об этом не говорится напрямую. В китайской паремиологии отмечена паремия: 父要子死, 不得不死 ‘Отец требует смерти сына, сын вынужден подчиниться’.

Таким образом, аксиологическая доминанта в паремиях — *почитание отца* — является общей для российской и китайской лингвокультур, но наполнение понятия «почитание», «послушание» понимается по-разному, что связывается с различными религиозными постулатами (конфуцианство и христианство).

Общей аксиологической доминантой русской и китайской паремиологических систем является *почитание матери и любовь к ней*. Нужно отметить, что и в русских, и китайских паремиях делается акцент на любви матери к своим детям: 娘想儿, 黄河水; 儿想娘, 扁担长 ‘Тоска матери по детям подобна бесконечным водам Желтой реки, в то время как тоска детей по матери коротка и недостаточно глубока, как коромысло’.

Однако китайские паремии любовь к детям считают долгом, освященным традициями: 父道尊, 母道亲 ‘Отцы должны демонстрировать торжественность и авторитет, а матери — близость и любовь’.

В русской паремиологии любовь к матери и любовь матери к детям связывается с христианской традицией почитания Божьей матери (Богородицы): *Бог до людей, что мать до детей* (в русской паремиологии подобная пословица есть и об отце); *Всяка мать за своё дитя молится*. То есть любая мать желает своим детям добра, «вымаливает» им счастливую жизнь.

Любовь матери к своим детям безгранична, она жертвует собой ради благополучия детей, защищает их всегда, прощает обиды, заботится о них: *При матке все детки гладки; Обиды прощает только мать; Малое дитя спать не*

даёт, а с большим сам не уснёшь; Угроз мать не боится, когда дитя валится; Любая матка за дитяtko глаза выдерет. Рождение детей считается христианской добродетелью. Когда мать рождает и воспитывает много детей, она таким образом спасает свою душу.

Показательно совпадение аксиологических доминант в русской и китайской паремиологии, когда речь идет о том, что отец особенно близок с сыном и отвечает за его образование, наставляет его, а мать особенно близка с дочерью, воспитывает и обучает ее ведению домашнего хозяйства. В таком случае в семье будет счастье и благополучие: *Счастлив отец в сыновьях, а мать — в дочерях; 甜不过蜂蜜, 亲不过母女* ‘Мед — самый сладкий, а связь между матерью и дочерью — самая тесная’; *По матери и дочь; 知子莫若父, 知女莫若母* ‘Отцы лучше всех знают своих сыновей, а матери — своих дочерей’.

Такой же общей аксиологической доминантой китайской и русской паремиологии является *положительно оцениваемая любовь обоих родителей к своим детям и любовь детей к своим родителям: Без родителей у детей — несчастливое будущее; 家贫见孝子* ‘Истинная сыновья почтительность познаётся в бедности’; *可怜天下父母心* ‘Сердце родителей полно трогательной заботы о детях.’

Родители хотят, чтобы их дети добивались успехов и достижений, а дети — чтобы их родители прожили долгую, здоровую и благословенную жизнь: *Родители для дитя, что земля для травки: пока за землю держится — цветет, а подорви — завянет; По матери (По матере) и тоскнуть не грех; Нет такого дружка, как родимая матушка да родимый батюшка.*

В русских и китайских паремиях констатируется, что дети бывают жестокими по отношению к родителям, это осуждается: *子心硬如石, 母心软如水* ‘Сердце ребенка твердо, как камень, и всегда равнодушно к родителям, а сердце родителей мягко, как вода, и всегда помнит о своих детях’; *儿不忘娘, 物不忘本* ‘Ребенок не должен забывать свою мать, и все вещи не должны терять своего корня’.

В русских пословицах указывается, что непочтительные дети не будут счастливы, будут наказаны Богом; и, наоборот, если дети почитают родителей, то живут долго и счастливо, Бог им помогает: *Скажи, как ты относишься к матери, и я скажу, кто ты; Кто родителей почитает, того Бог не забывает; Уважай родителей — и тебя дети уважают.*

В русской паремиологии содержатся паремии об обязанностях внуков по отношению к деду и бабушке: *Корми деда на печи: и сам будешь там; Корми деда* (т.е. долг) — *сам им будешь; Подсади деда на печь — тебя внуки подсадят.* В паремии используется образ печки — центра русской избы, которая по традиции была предназначена для детей и стариков, старики и дети на печи спали.

Таким образом *аксиологические доминанты* в русских и китайских паремиях (*любовь к родителям, любовь родителей к детям, любовь к матери и любовь матери, почитание отца, отцовская ответственность перед детьми* и пр.) в основном совпадают, они универсальны, однако в пословицах отражена и национальная специфика, связанная с религиозно-нравственными основами общества, традиционным семейным укладом.

Таким образом, при универсальности аксиологических доминант паремий в них все же наблюдаются значительные национальные различия в их интерпретации. В целом, совпадающих аксиологических доминант русских и китайских паремий о семейных отношениях значительно больше, чем аксиологических лакун.

Отметим, что *аксиологическую лакуну* мы рассматриваем как «пробелы в понимании», которые возникают на основании различных оценок и интерпретаций образа мира в сознании коммуникантов, принадлежащих к различным лингвокультурам. Аксиологические лакуны связываются с уникальными предметами материальной культуры, с особыми традициями и обычаями различных народов.

По мнению О.В. Ломакиной, аксиологические лакуны связаны с лингво-аксиологическими маркерами. В паремиях лингво-аксиологические маркеры могут передавать оценку конкретной лингвокультурой тех или иных жизненных

ситуаций. Так, в китайской и русской лингвокультуре в паремиях оцениваются отношения семьи (в основном матери) к замужней дочери и зятю. Паремии не просто оценивают отношения, но и прямо указывают как нужно их выстраивать.

В китайских пословицах указывается, что дочь «становится просто родственницей», но при этом замужняя дочь все же должна почитать своих родителей, а зять должен их уважать: 养女一门亲 ‘Когда дочь вырастет и выйдет замуж, она станет для родительской семьи как родственница’; 女儿不断娘家路 ‘Даже если дочь выходит замуж, она должна часто навещать материнский дом’.

Среди русских паремий также встречаются пословицы подобного рода: *Выданная дочь — отрезанный ломоть; Дочь отцу с матерью не корысть: покорми, да и в люди отдай; Дочь питаю — за окно кидаю, сына кормлю — в долг даю, отца-мать кормлю — долг плачу.*

Китайская паремиология содержит положительную оценку хороших отношений между родителями жены и зятем, а в некоторых пословицах — прямое указание как нужно выстраивать эти отношения: 爱妻敬丈母, 爱子敬先生 ‘Если ты любишь свою жену, ты должен уважать ее родителей, то есть тещу и тестя; точно так же, если ты любишь своего сына, ты должен уважать его учителей’; 丈母娘看女婿亲 ‘Теща переносит свою любовь к дочери на зятя, поэтому она очень ласкова с ним’; 丈母娘看女婿; 越看越喜欢 ‘Если теща любит свою дочь, то и зять ей понравится’.

Зять также зачастую рассматривался родителями дочери как «часть сына», на него возлагались определенные надежды в помощи и поддержке в трудных ситуациях и в старости: 女婿有半子之劳 ‘Зять — это половина сына, и зять должен брать на себя обязательства сводного сына’.

В русской паремиологии значительное количество пословиц, в которых говорится о плохих отношениях между зятем и тещей: *Никто не удивляется, что зять с тещей ругается; Тёща в дом — дом кверху дном; Тёща в дом — чёрт в дом; Тёща — злая сатана.*

В некоторых случаях русские пословицы описывают ситуацию и физического насилия по отношению к теще: *Трезвый думаешь: как бы не пить, а пьяный — как бы тещу избить.*

Но в тоже время русская паремиология включает пословицы, в которых говорится и о близких, хороших родственных отношениях между родителями жены и зятем, между тещей и зятем: *Одно дитя роженое, другое — суженое* (Роженое дитя — дочь; суженое дитя — зять); *Хороший зять входит в дом как сын, а плохой и дочь уводит; По дочери [и] зять помилует, [а по] снохе сын опостылеет.* В русской лингвокультуре и в настоящее время множество анекдотов и антипословиц о взаимоотношениях зятя и тещи, в основном не очень доброжелательных.

В целом, в русской паремиологии больше примеров об отношениях тестя, тещи и зятя (чаще плохих), чем в китайской. Полагаем, что это связывается с китайской традицией семейного клана. Жена становилась частью клана мужа, а своей семье практически переставала быть родной, поэтому и отношения между тещей, тестем и зятем не выстраивались.

Полагаем, что в китайских и русских паремиях усматриваются аксиологические лакуны, когда речь идет о семейных взаимоотношениях тещи, тестя и зятя. Различное устройство традиционной семьи у китайцев и русских не позволяет носителям этих лингвокультур без дополнительных комментариев понять почему в русских пословицах в основном отношения тещи и зятя плохие, а в китайских паремиях теща зятя любит и не критикует.

Помимо этого, в китайской семейной традиции зять не может ругаться с тещей, так как это нарушает философскую конфуцианскую концепцию «сыновней почтительности», что считалось недопустимым и осуждалось обществом; и тем более в китайской паремиологии не могло быть паремий о физическом насилии зятя в отношении тещи и тестя.

Аксиологической лакуной русской паремиологии по отношению к иным лингвокультурам является понятие «посаженные родители», «посаженный отец», «посаженная мать». В русском свадебном обряде большую роль играют родители,

которые благословляют жениха и невесту на брак, которые встречают хлебом-солью молодых в доме после венчания.

Обычно в русских крестьянских семьях молодые муж и жена жили вместе с родителями мужа, а родители жены помогали молодым материально и советами (у невесты всегда было приданое, — определенное количество хозяйственных вещей, включая полотенца, простыни, рубахи и пр. Обычно приданое невеста готовила сама (шила и вышивала), но с помощью родителей, которые покупали необходимое полотно для рукоделия.

Однако были нередки и такие случаи, когда кто-то из родителей отсутствовал во время свадьбы (чаще отец), иногда невеста была сиротой, в таких случаях уважаемые люди села, либо какие-то родственники выполняли роль родителей, они в таком случае несли ответственность за невесту или жениха на свадьбе и после нее.

Без родителей и обряда благословения молодых, свадьба не могла состояться. Этот обычай приглашать «посаженных» родителей (то есть сидящих на месте родителей на свадебном пиру) нашел отражение в ряде русских пословиц. Быть посаженным родителем считалось почетным, они должны были быть уважаемыми в обществе, состоятельными, у них должны были быть дети. Мужчина и женщина, которые соглашались быть посаженными родителями осознавали свой долг перед молодыми и понимали, что они несут и моральную, и материальную ответственность за молодых супругов.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля дано толкование понятия «посаженные родители»: «Посаженный отец, мать, ряженные или прибеседные, заступающие место родителей при свадебных обрядах; жених или невеста им посаженные дети, посаженный сын и дочь. В посаженные родители берут и крестных. Посаженная сватья, сев. крестная мать невесты. Посажатый м. твер. посаженный отец»⁸: *Что честнее посажёные отец да мать, то свадьба счастливее. <Честнее — почётнее>.*

⁸ Режим доступа: <https://www.slovardalja.net/word.php?wordid=31245> (дата обращения: 06.01.2026).

Понятия «посаженные родители» в китайской лингвокультуре нет, как нет понятия крестный отец, крестная мать, крестные родители, кум, кума. Это аксиологические лакуны. Данные понятия находят отражение в русской паремиологии, так как это важная часть народной культуры, элемент традиций и норм поведения в социуме.

Так, например, в паремии: *Кабы знатьё, что у кума[-то] питьё, [так] всех бы ребятишек забрал (привёл)* отражается житейская ситуация, когда к куму пришли в гости, а там — богатое угощение. Пришедший в гости расстраивается, что не привел с собой детей вкусно покушать. Обычно к кумовьям (крестным родителям детей) ходили в гости часто, при этом полагалось угощать пришедших, дарить подарки.

В китайской паремиологии (как и в русской) находят отражение традиционные отношения внутри семьи. Однако структура семьи, клановость китайской семьи находит отражение в пословицах, в которых упоминаются дяди со стороны отца, младшие братья и сестры.

Понятие сыновней почтительности распространяется на отношение ко всем страшим в семье, поэтому во многих пословицах речь идет о том, что старшие братья и сестры должны брать на себя ответственность за младших, а младшие должны почитать старших: 如父如子, 如母如女 ‘Старшие сыновья и дочери должны брать на себя родительские обязанности и заботиться о младших братьях и сестрах в отсутствие родителей’.

О важности родственных отношений (по мужской линии) и гармонии в семье свидетельствует следующая паремия: 父慈子孝, 兄友弟恭 ‘Отец любит своего сына, а сын послушен своему отцу; старший брат любит своего младшего брата, а младший брат почитает своего старшего брата’.

Братья по китайской традиции считаются очень близкими родственниками, в некоторых пословицах они представляются даже более важными в семье, чем жена и дети (которые могут быть не упомянуты вообще): 父母俱存, 兄弟无故, 便是人间一乐 ‘Здоровые родители и здоровые братья — одно из величайших

благословений в жизни'; 父子相合家不败, 弟兄相合不分家 'Когда отцы и сыновья едины и гармоничны, семьи не распадаются; когда братья живут в согласии, семьи не распадаются'.

Для носителей русской лингвокультуры подобные пословицы не будут понятны в полной мере, так как иерархия родственных семейных отношений иная.

Таким образом, в китайской и русской паремиологии наблюдается большое количество совпадающих аксиологических доминант. Однако аксиологические доминанты обладают в китайском и русском паремиологическом фонде различной степенью ценности. То есть каких-либо паремий может быть больше. Так, в русском паремиологическом фонде паремий о матери больше, чем в китайском. Помимо этого, следует отметить, что аксиологические доминанты различаются оттенками значений, связанных с национально-культурными особенностями.

В китайском и русском паремиологическом фонде присутствуют аксиологические лакуны, связанные с традициями и национальными особенностями лингвокультуры. Например, в русских паремиях — *посаженный отец, посаженная мать, кум, кума* и пр.

Паремии о семье, семейных отношениях русской и китайской лингвокультур в полной мере отражают систему морально-нравственных ценностей этносов, которые в значительной мере совпадают вследствие универсального характера аксиологических доминант. Так, нами отмечена аксиологическая доминанта почитание отца, которая является общей для двух лингвокультур.

Основным различием является оценка роли и власть отца, которая в Китае освящена конфуцианской философской традицией почитания предков. В российской лингвокультуре аксиологические доминанты, связанные с почитанием отца, имеют иной характер, т.к. почитание отца является христианской добродетелью, потому что семья — это малая церковь.

Нами выявлено совпадение аксиологических доминант в русской и китайской паремиологии, в паремиях о том, что отец особенно близок с сыном и отвечает за его образование, наставляет его, а мать особенно близка с дочерью, воспитывает и обучает ее ведению домашнего хозяйства. Также совпадает

доминанта положительно оцениваемой любви обоих родителей к своим детям и любви детей к своим родителям. В русских и китайских паремиях совпадает осуждение жестокости детей по отношению к родителям (см. таблицу 1).

Таблица 1

Совпадение и лакунарность аксиологических доминант паремий о семейных отношениях в русской и китайской лингвокультурах

Аксиологическая доминанта	Русская лингвокультура	Характер соответствия	Китайская лингвокультура
Ценность родителей для детей	-осуждается непочтительность отцу	универсальная	-осуждается непочтительность ко всем мужчинам клана
Отец – глава семьи	- является признанный главой; - семья определена в границах третьего колена	универсальная	- имеет неограниченные права; - семья определена в границах клана (до пятого колена по отцовской линии, патрилинейность)
Отец – абсолютный авторитет	- уважение	универсальная	- абсолютное подчинение
Партнерство мужа и жены	- жена могла иметь совещательный голос	специфичность в культуре	- жена не могла иметь совещательный голос
Гармония между супругами	- супруги-партнеры с разной сферой деятельности; - основа – соборность; - семья – малая церковь	специфичность в культуре	- иерархия без конфликта; - нет прямых отказов и обличений; - общий интерес выше личного
Мать – нравственно-духовная основа	- абсолютная ценность	универсальная	- духовная связь с сыном и дочерью проявляется по-разному; - при подневольном положении в большой семье
Мать – первооснова	- рождение; - забота; - воспитание	универсальная	- рождение; - забота; - воспитание
Родители–наставники	- функция воспитателя	специфичность в культуре	- функция воспитателя и наставника
Бабушки и дедушки	- внуки обязаны заботиться о двух парах дедушек и бабушек	специфичность в культуре	- внуки обязаны заботиться о дедушке и бабушке со стороны отца
Старшие братья	помогают родителям и младшим	специфичность в культуре	принимают функции и значимость отца
Посаженные родители	высокая обрядовая значимость	специфичность в культуре	нет

ВЫВОДЫ ПО ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ

Анализируя языковой и речевой статус китайских паремий, следует уточнить, что в настоящее время они рассматриваются и как единицы языка, и как единицы речи. Традиционно в рамках широко понимаемой паремической системы выделяют следующие типы единиц: *成语* (дословно ‘готовое выражение’) ‘идиома, чэньюй’; *谚语* ‘пословица; яньюй’; *歇后语* (дословно ‘речение с усечённой концовкой’) ‘недоговорка-иносказание (выражение с определенной недосказанностью); сехоуэй’; *惯用语* (дословно ‘привычное выражение’) ‘фразеологическое сочетание; гуаньюньюй’; *俗语* (дословно ‘просторечное выражение’) ‘поговорка; суюй’, а также шую (устойчивые словесные комплексы с устойчивой, не вариативной структурой) и гэянь (афоризмы, крылатые выражения). В рамках современного китайского языкознания проводятся вполне четкие границы между собственно идиомами (чэньюй), пословицами (яньюй) и поговорками (сехоуэй, гуаньюньюй), а также афоризмами гэянь. В основе разделения лежит логико-семантический принцип, то есть разделение зависит от структуры (количества иероглифов) и семантического наполнения изречения.

Для исследования паремий, которые фиксируют особенности китайской семьи, нами проведен анализ структуры иероглифов, обозначающих семью, мать, отца, именующих других родственников, входящих в большую китайскую семью. Семья в паремиях представлена как общественная единица, основанная на браке и кровном родстве, включающая родителей, детей и других совместно проживающих родственников до трех поколений. На формирование семейной этики оказало значительное влияние конфуцианств, постулаты которого прослеживаются в паремиях о родителях и детях и о различных аспектах семейных отношений в составе большой патриархальной семьи.

Особое место в уникальной языковой картине мира китайского народа занимают паремии об отце, который связывается с его ответственностью за семью, за детей, за их воспитание и образование. Отец — основа материального и

духовного благополучия семьи, центр семьи, что отражает андроцентрический взгляд на мироустройство китайской лингвокультуры в целом. Анализ показал существование модели отец милосерден — сын почитателен, а также акцент в примерах на роли отца как учителя, наставника.

Паремии о матери указывают на мать как символ жизни. Мать сохраняет духовную связь с детьми на всю жизнь, дети боятся смерти матери. Мать совершает маленький подвиг каждый день, когда заботится о детях; ее любовь, бескорыстная и жертвенная помогает детям, создает стабильную основу для их дальнейшей жизни. Любовь матери считается важнейшей силой. Согласно премиям китайского языка, мать обладает противоречивым статусом в традиционном обществе, что включает зависимость её положения от большой семьи. У матери существуют отношения с сыновьями и дочерьми, которые заметно отличаются. На периферии выборки находятся примеры, в которых родина и земля метафорически именуются матерью.

Следует отметить, что в количественном отношении в китайской паремиологии много примеров, в которых говорится и об отце, и о матери, то есть о родителях в целом. Это объясняется тем, что в китайской языковой и концептуальной картине мира много внимания уделяется гармонии в семье. Именно поэтому справедливо считается, что только вместе родители могут воспитать достойных детей. Данная группа паремических единиц раскрывает такие аспекты отношений родителей и детей, как сыновняя почитательность, обязанности детей перед родителями, включая заботу о родителях при их жизни, воспитание детей как долг родителей, в том числе, методы традиционной семейного воспитания, а также группа примеров о сиротстве и временном родительстве, что подчёркивает роль матери и отца в воспитании ребёнка.

Особыми паремиями о матери и отце являются паремиологические единицы с мифонимами и этномаркерами, что отражает уникальные параметры этносознания китайского народа. Данные единицы широко распространены, их включение в паремии указывает на общую семантику родства, отражает

детерминистское представление о кровнородственной преемственности, о высших ожиданиях родителей по отношению к детям.

Паремии о бабушках, дедушках и других кровных и свойственных родственниках занимают особое место в китайской языковой картине мира и указывают на древнюю традицию жить неразделенными семьями. Паремии о бабушках и дедушках включают такие аспекты, как любовь внуков к дому бабушек, которые о них заботятся; разделение на бабушек и дедушек со стороны отца и матери, их ценность для семьи. В патриархальной семье существует иерархия, о которой сказано в паремиях, которые определяют отношения между братьями, сестрами и другими родственниками и нормы поведения в семье.

Общим для русских и китайских паремий о родителях является выражение любви и уважения к ним, признание важности отца и матери, важности семьи в жизни каждого человека. Благодаря родителям человек сможет занять достойное место в обществе, любовь и забота родителей определяют его счастливое будущее. При этом и русские, и китайские паремии осуждают непочтительное отношение к родителям, нежелание заботиться о них в старости.

В китайской языковой картине мира паремии о бабушках, дедушках, о родственниках в диахронии отражают национальные особенности мировосприятия народа. Пословицы о бабушках, дедушках, родственниках по материнской и отцовской линии отражают традиционные взгляды на семейные отношения, структуру семьи. Эти взгляды восходят к древнекитайской философии и опираются на учение Конфуция. Паремии о бабушках, дедушках, родственниках полностью воссоздают отношения в традиционной китайской большой семье и даже в семейном клане.

Паремии фиксируют и положительно оценивают иерархические отношения в семье, где младшие подчиняются старшим, где царит сыновняя почтительность (по отношению к родителям и бабушкам/дедушкам), гармония и любовь между мужем и женой, между старшими и младшими родственниками, где преобладает любовь родителей к детям и наоборот.

В целом, следует утверждать, что паремии о бабушках/дедушках, родственниках репрезентируют традиционные национальные патриархальные взгляды на семью со всеми противоречиями. В ближайшем времени социальные изменения, касающиеся семьи, найдут отражение в новых пословицах, поговорках, идиомах.

В китайской и русской паремиологии наблюдается большое количество совпадающих аксиологических доминант. Однако аксиологические доминанты обладают в китайском и русском паремиологическом фонде различной степенью ценности. Также следует отметить, что аксиологические доминанты различаются оттенками значений, связанных с национально-культурными особенностями. В китайском и русском паремиологическом фонде присутствуют аксиологические лакуны, связанные с традициями и национальными особенностями лингвокультуры.

Заключение

Антропоцентрическая парадигма современной лингвистики предполагает особое внимание к социальному контексту культуры, и соответственно к общественным институтам, включая институт семьи. Отношение к родителям и старшему поколению в каждой культуре определено исторически. В языковой системе репрезентация взаимоотношения отцов и детей, отношение к старшему поколению (бабушкам и дедушкам) связывается с паремиологической и фразеологической системами. Устойчивые обороты зафиксировали в образной форме национально-культурные стереотипы семейных отношений. Паремии и фразеологические единицы не просто сохранили нормы и правила отношений детей к родителям, но и положительную или отрицательную оценку поведения в различных жизненных ситуациях: так, в русской и китайской лингвокультурах традиционно положительно маркируется уважительное отношение к родителям.

В рамках лингвокультурологического подхода, изучающего взаимозависимость языка и культуры, а также национально-культурную специфику лексической, фразеологической, грамматической и синтаксической системы языка, мы рассмотрели паремии о матери, отце, бабушках и дедушках, и установили, что они принадлежат к важнейшей части (к ядру) русского и китайского лингвокультурологического пространства. Исследование продолжило существующие в китайско-русском языкознании работы, в которых анализируются отдельные концепты русской и китайской лингвокультур, стереотипы и ценностные доминанты этносов, что помогает сравнить русскую и китайскую языковую и концептуальную картины мира.

Исследование показало, что паремии о матери, отце, бабушках и дедушках демонстрируют традиционные патриархальные взгляды на семью и общество. Среди русских паремий с концептами *бабушка/бабка/баба* и *дедушка/дед, дедуля/дедуня, мать/матушка, отец/батюшка* наиболее частотными являются единицы с компонентом *мать*.

Анализ свыше полутора тысяч паремий с компонентом *мать/матушка* показал, что данные единицы с точки зрения семантического наполнения и стилистических характеристик разделяются на несколько групп. Перечислим их в порядке убывания частотности: *паремии о матери как женщине, давшей жизнь своим детям; паремии с дихотомией мать/мачеха; паремии, репрезентирующие образ родины-матери, земли-матушки; паремии, в которых содержится метафорическое включение матери как символа жизни в гастрономический культурный код; паремии, которые метафорически именуют место жительства (конкретные города: Москва-матушка и пр.); паремии, репрезентирующие религиозные представления о Божьей матери; паремии с компонентом мать/матушка, включающие антропонимы с обобщенным значением; прибаутки с компонентом мать/матушка.*

В русской концептуальной картине мира паремии о матери, отражая один из самых значимых концептов лингвокультуры, репрезентирует отношение русского этноса к общечеловеческим семейным ценностям. В русской лингвокультуре требуется уважительное отношение к матери, осуждается непочтительность и пренебрежение по отношению к ней. Мать в русской лингвокультуре — абсолютная нравственно-духовная ценность в жизни всякого человека, первооснова всего.

Паремии с компонентом *отец/батюшка* структурирует лингвокультурологическое пространство русского языка, отражая естественную дихотомию мать—отец. Рассмотрев свыше полутора тысяч паремий с компонентом *отец/батюшка*, можно утверждать, что эти единицы можно разделить на несколько групп с точки зрения семантического наполнения и стилистических характеристик: *паремии, репрезентирующие сакральный взгляд на отца; паремии, в которых констатируется ответственность отца; паремии, рассматривающие разнообразные функции отца в социуме и семье; паремии, которые метафорически именуют конкретные города (Батюшка-Питер и пр.); паремии с компонентом отец / батюшка, включающие антропонимы и топонимы с*

обобщенным значением; паремии иронического характера; прибаутки с компонентом отец/батюшка.

В диссертационном исследовании было рассмотрено свыше двухсот паремий, в которых речь идет об обоих родителях. Их также можно разделить на несколько групп в соответствии с семантическим наполнением и стилистической окраской: *паремии об ответственности родителей за своих детей; паремии об отношении детей к родителям (с осуждением непочтительности и неблагодарности); паремии, в которых противопоставляются отец и мать, их отношение к детям.*

Особое место в уникальной языковой картине мира китайского народа занимают паремии об отце, которые отражают патриархальный строй большой семьи. Отец является фундаментом материального и духовного благополучия родственников в рамках большой, до 4 поколений, семьи, тем самым паремии отражают андроцентрический взгляд на устройство патриархальной китайской лингвокультуры. Отец обладает незыблемым авторитетом, модель семьи повторяет модель устройства общества, в котором в центре находится император (правитель), символизирующий высшие небесные силы. В семье и семейных отношениях в центре стоит отец, который берет на себя ответственность за всю семью, их жизнь и благополучие. Отец в китайской семье наделен функцией наставника для сыновей. Образ жизни и поведение отца определяют жизнь детей.

Основной идеей паремий о матери является ее оценка как символа жизни, наличие духовной связи матери с детьми на всю жизнь. Мать в заботе о детях совершает маленький подвиг каждый день; любовь матери бескорыстна, длится всю жизнь, жертвенна, стабильна. Паремии отмечают противоречивый статус матери в традиционном обществе в целом, и материальную и юридическую зависимость матери от семьи. Мать в китайской семье наделена функцией наставника для дочерей. Нами отмечены паремии, в которых родина и земля метафорически именуются матерью.

Особое место в китайской языковой картине мира и в корпусе паремий занимают примеры о бабушках, дедушках и других кровных и свойственных

родственников, что указывает на древнюю традицию Китая — жить неразделенными семьями. В патриархальном клане, который является уникальным социальным явлением, существует иерархия, о которой сказано в паремиях. Иерархические связи определяют отношения между братьями, сестрами и другими родственниками и нормы поведения в семье. Паремии о бабушках и дедушках включают такие аспекты, как любовь внуков к дому бабушек, которые о них заботятся; разделение на бабушек и дедушек со стороны отца и матери, их ценность для семьи.

Нами отмечено, что паремии китайского языка положительно оценивают иерархические отношения в большой семье, указывается на то, что младшие подчиняются старшим, особо отмечается сыновняя почтительность по отношению к отцу, а также бабушкам и дедушкам, гармония и любовь между мужем и женой, между старшими и младшими родственниками, важность заботы о родителях в старости. При этом китайские паремии фиксируют и отрицательные стороны семейных отношений.

Рассмотрев свыше трех тысяч русских и китайских паремий о родителях, следует с уверенностью утверждать, что в них отражается патриархальная традиционная ценностная система двух культур. Мать и отец, родители в целом рассматриваются как мерило нравственной нормы, основа морально-нравственных начал жизни; при этом не исключаются и некоторые противоречия (ироническое отношение к родителям, неодобрение их некоторых поступков и пр.). Паремиях о родителях фиксируется выражение любви и уважения к ним, признание важности отца и матери, важности семьи в жизни каждого человека. Благодаря родителям человек сможет занять достойное место в обществе, любовь и забота родителей определяют его счастливое будущее.

Паремии о бабушках и дедушках зафиксировали ценностные ориентиры русской лингвокультуры, демонстрирующие традиционные патриархальные взгляды на семью и общество, гендерное разделение социальных ролей и гендерные аспекты внутрисемейных отношений. Дедушка ответственен за семью в целом, ее благосостояние, а бабушка обязана заботиться обо всех домочадцах.

Как и паремии о родителях, паремии о бабушках и дедушках сохранили наивную картину мира русского крестьянства. Паремиологический фонд русского языка в сравнении с китайским включает меньшее количество паремий о бабушках и дедушках, однако они значимы в качественном отношении, поскольку репрезентируют мировоззренческие приоритеты русского этноса, положительно оценивая уважительное и почтительное отношение к старым людям. Бабушки и дедушки не исключаются из семьи, признается их житейская мудрость и авторитет. В китайский корпус примеров включены паремии о родственниках в составе семьи, присутствует разделение на линии родства по отцу и матери. В китайской лингвокультуре, отражающей концептуальную картину мира народа, много внимания уделяется гармонии в семье, где каждый выполняет свои обязанности. Именно поэтому китайские паремии утверждают идеал, согласно которому считается, что только вместе родители, живущие в гармонии, могут воспитать достойных детей. Следует указать, что китайские паремии о семейных отношениях, о родителях обнажают противоречия реальных семейных отношений, что объясняется многообразием реальных жизненных ситуаций. Так, осуждается, когда родители плохо заботятся о детях, непочтительность детей, неуважение к бабушкам и дедушкам, но в тоже время негативно маркируются ситуации, когда у дедушек и бабушек нет желания заботиться о внуках, однозначно порицается вражда между братьями. Уникальными параметрами этносознания китайского народа являются мифонимы и этномаркеры в паремиях, к которым мы относим названия мифических животных, номинации растений и цветов-символов, музыкальных инструментов китайской этнокультуры.

Паремии о бабушках и дедушках в двух лингвокультурах показывают противоречия в семье и социуме по отношению к старым людям. С одной стороны, паремии отражают положительную оценку почтительного, даже любовно-снисходительного отношения к бабушкам и дедушкам, а с другой стороны — содержится ироническое снисхождение к физической слабости и даже глупости стариков, констатируется их ненужность.

В китайской и русской паремиологии наблюдается большое количество совпадающих аксиологических доминант, которые обладают различной степенью ценности: каких-либо паремий может быть больше. Так, в русском паремиологическом фонде паремий о матери больше, чем в китайском, в китайском языке больше паремий об отце. Следует отметить, что аксиологические доминанты различаются оттенками значений, связанных с национально-культурными особенностями. В китайском и русском паремиологическом фонде присутствуют аксиологические лакуны, связанные с традициями и национальными особенностями лингвокультуры.

Таким образом, в русских и китайских паремиях о семейных отношениях признается ценность семьи в жизни каждого человека, важность отца и матери, фиксируется выражение любви и уважения к родителям. В паремиях отмечается, что человек сможет занять достойное место в обществе только благодаря воспитанию в семье, счастливое будущее человека определяют любовь и забота его родителей. При этом и русские, и китайские паремии осуждают непочтительное отношение к родителям, нежелание заботиться о них в старости.

Перспектива исследования видится в расширении материала исследования за счет включения других групп родственных и социальных отношений, рассматриваемых на материале паремий русского и китайского языков в сопоставительном аспекте.

Список литературы

1. Абраменко, В. П. Канон сыновней почтительности. Сяо Цзин (孝經) монография : поэтический перевод древнекитайского трактата : исследование / В.П. Абраменко. — М.—Чэнду : ИДВ РАН, 2021. — 177 с.
2. Алефиренко, Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие / Н.Ф. Алефиренко. — М. : Флинта: Наука, 2010. — 288 с.
3. Алефиренко, Н. Ф. Когнитивно-прагматическая природа паремии // Пословицы в фразеологическом поле: когнитивный, дискурсивный, сопоставительный аспекты: монография / Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Семененко; под ред. проф. Т. Н. Федуленковой; Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. — Владимир : Изд-во ВлГУ, 2017. — 231 с.
4. Аль-Анбаги, Ш. Т. Х. Синтаксические конструкции русского делового письма в аспекте арабской документарной традиции / Шайма Тамер Хасан Аль-Анбаги. — М. : РУДН, 2025. — 181 с.
5. Антипословицы русского народа: [словарь] / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко; ОЛМА медиагрупп. — СПб. : Нева, 2005 (ПФ Красный пролетарий). — 573 с.
6. Антонова, Е. Н. Паремиология без границ / Е. Н. Антонова, М. А. Бредис, Т. Е. Владимирова [и др.]. — М. : РУДН, 2020. — 244 с.
7. Арутюнова, Н. Д. Введение // Логический анализ языка. Ментальные действия / Н. Д. Арутюнова — М., 1993. — С. 3—6.
8. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М. М. Бахтин. — М. : Худож. лит., 1975. — 502 с.
9. Бахтин, М. М. Проблемы творчества Достоевского. / М. М. Бахтин. — Л.: Прибой, 1929 (тип. им. Н. Бухарина Госуд. изд-ва). 244 с.
10. Баяндина, И. В. Концепт «семья» в китайской лингвокультуре / И. В. Баяндина. // Молодой ученый. — 2020. — № 16 (306). — С. 191—193.

11. Белко, В. К. Жгучий глагол: словарь народной фразеологии. / В. К. Белко — М. : Зелёный век, 2000. — 285 с.
12. Белова, М. А. Вербальные средства выражения иронии в русских креолизованных текстах: лингвокультурологический аспект / М. А. Белова. — М. : РУДН, 2022. — 195 с.
13. Бенвенист, Э. Общая лингвистика: Пер. с фр. / Под ред., с вступ. статьей и коммент. Ю. С. Степанова. / Э. Бенвенист. — М.: Прогресс, 1974. — 446 с.
14. Большой словарь русских пословиц: около 70000 пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева; Междунар. ассоц. преподавателей русского яз. и лит., Российское о-во преподавателей русского яз. и лит., Санкт-Петербургский гос. ун-т, Межкафедральный словарный каб. им. проф. Б. А. Ларина. — М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. — 1023 с.
15. Бредис, М. А. Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал / М. А. Бредис, М. С. Димогло, О. В. Ломакина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2020. — Т. 11. № 2. — С. 265—284.
16. Бредис, М. А. Лингвокультурологический комментарий в полилингвальных словарях пословиц / М. А. Бредис, Е. Е. Иванов // Вопросы лексикографии. — 2022. — № 26. — С. 5—29.
17. Бредис, М. А. Паремиология на перекрестках языков и культур / М. А. Бредис, Е. Е., Иванов, О. В. Ломакина, Н. Ю. Нелюбова, Ю. А. Петрушевская. — М. : Изд-во РУДН, 2021. — 246 с.
18. Бредис, М. А. Пословица в современной лингвистике: определение, статус, функционирование / М. А. Бредис, О. В. Ломакина, В. М. Мокиенко // Вестник Московского университета. — 2019. — № 3. — С. 34—41.
19. Бредис, М. А. Числовой код лингвокультуры: анализ нумератива четыре как компонента фразеологизмов и паремий (на материале разноструктурных языков) / М. А. Бредис, О. В. Ломакина, Б. Сюэ // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. — 2023. — № 1(13). — С. 72—82.

20. Бредис, М. А. Числовой код русинской лингвокультуры (на фразеологическом материале) / М. А. Бредис, О. В. Ломакина, В. М. Мокиенко // Когнитивные исследования языка. — 2021. — № 2 (45). — С. 202—212.
21. Буслаев, Ф. И. О влиянии христианства на славянский язык. Опыт истории языка по Остромирову Евангелию. / Ф. И. Буслаев. — М. : Университетская типография, 1848. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Fedor_Buslaev/o-vlijanii-hristianstva-na-slavjanskij-jazyk-opyt-istorii-jazyka-po-ostromirovu-evangeliju/ (дата обращения: 24. 04. 2024).
22. Буслаев, Ф. И. О сродстве одного русского заклęcia с немецким, относящимся к эпохе языческой [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства: в 2 т. Т. 1. Русская народная поэзия. — СПб. : В тип. тов-ва «Общественная польза», 1861. — С. 250—256.
23. Буслаев, Ф. И. Отзывы иностранцев о русском национальном искусстве / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Сочинения по археологии и истории искусства: в 3 т. Т. 1. — СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1908. — С. 194—205.
24. Вайсгербер, Л. Родной язык и формирование духа = Muttersprache und geistesbildung / Й.Л. Вайсгербер; пер. с нем., вступ. ст. и коммент. О. А. Радченко. Изд. 2-е, испр. и доп. — М. : УРСС, [2004] (Тип. ООО Рохос). — 229 с.
25. Ван, Мо. Структура семьи и традиции семейных отношений в Китайской народной республике в историко-социальном контексте // Социология / Ван Мо, Цунь Линь. — 2020. — № 4. — С.174 — 180.
26. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов [Текст] / Анна Вежбицкая ; [пер с англ. А. Д. Шмелева]. — М. : Языки славянской культуры, 2001. — 287 с.
27. Верещагин, Е. М. Язык и культура Лингвострановедение в преподавании рус. яз. как иностранного : Метод. руководство / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : Рус. яз., 1990. — 246,[1] с.
28. Виноградов, В. В. Великий русский язык. / Виноградов, В. В. — М.: ОГУЗ Государственное издательство художественной литературы, 1945. — 172 с.

29. Воробьев, В. В. лингвокультурология : (Теория и методы) / В. В. Воробьев. — М. : Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1997. — 331 с.
30. Воробьев, В. В. Лингвокультурология и профессиональное общение : Коллективная монография (к 75-летию Владимира Васильевича Воробьева) / В. В. Воробьев, Е. С. Закирова, Д. С. Скарнев. — М. : "Русский язык". Курсы, 2024. — 256 с.
31. Вощилина, Е. В. Семейно-клановые отношения в китайском обществе / Е. В. Вощилина // Культурологические опыты : Научный сборник статей студентов, магистрантов, аспирантов кафедры культурологии и искусствоведения. Том Выпуск II. — Улан-Удэ : Восточно-Сибирский государственный институт культуры, 2017. — С. 27—30.
32. Горбаневский, М. В. Ономастика в художественной литературе : Филологические этюды / М. В. Горбаневский. — М. : РУДН, 1988. — 88 с.
33. Готлиб, О. М. Китайско-русский фразеологический словарь : Около 3 500 выражений / О. М. Готлиб, Х. Му. — М. : Восток/Запад, 2007. — 608 с.
34. Гоу, Яньминь. Русские и китайские приметы антропоцентрической направленности: лингвокультурологический подход: дис. ... канд. фил. наук : 10.02.20 / Гоу Яньминь; науч. рук. О. В. Ломакина ; РУДН — М. : РУДН, 2022. — 289 с.
35. Гумбольдт, В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Избранные труды по языкознанию. / В. фон. Гумбольдт. М. : Прогресс, 1984. — С. 37—297.
36. Гумбольдт, В. фон. Язык и философия культуры. / В. фон. Гумбольдт. — М. : Прогресс, 1985. — 377 с.
37. Пословицы русского народа [Текст] : Сборник В. Даля / [Предисл. М. Шолохова] ; [Вступ. статья В. Чичерова, с. V-XXVIII]. — М. : Гослитиздат, 1957. — 991 с.
38. Даль, В.И. Пословицы русского народа в 2 ч. Часть 1 / составитель В. И. Даль. — М. : Издательство Юрайт, 2025. — 411 с.

39. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский; [Сост., послесл., коммент. С. А. Вайгачева]. — М.: Книга, 1991. — 573 с.
40. Дин, Лина. Русские и китайские фразеологизмы духовно-религиозных текстов: тематическая классификация и лингвокультурологическая интерпретация : дис. ... канд. фил. наук : 10.02.20 / Дин Лина; науч. рук. М. В. Лысякова; РУДН — М. : РУДН, 2025. — 218 с.
41. Дмитриева, Н. М. Этические константы русской языковой картины мира: диахронический аспект : дис. ... док. фил. наук: 5.9.5 / Н. В. Дмитриева; науч. рук. В. М. Шаклеин; — М. : РУДН, 2023. — 423 с.
42. Доменак, Ж.-Л. Семейные отношения в Китае : [Пер. с фр.] / Ж.-Л. Доменак, Хуа Шанмин. — М. : Наука, 1991. — 215 с.
43. Жовтис, А. Л. Стих в пословице // Русское стихосложение : Традиции и проблемы развития. [Сб. ст.] / АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; Отв. ред. Л. И. Тимофеев / А. Л. Жовтис. — М. : Наука, 1985. — С. 168–178.
44. Жуков, В.П. Словарь русских пословиц и поговорок: около 1200 рус. пословиц и поговорок, толкование значений, опис. ситуаций употребления, примеры из худож. лит. / В. П. Жуков. 11-е изд., стер. — М. : Рус. яз.- Медиа, 2004. — 537 с.
45. Жэнь, Л. Отношения в китайской семье: традиции и перемены / Л. Жэнь // Теории и проблемы политических исследований. — 2017. — Т. 6. № 3А. — С. 255—263.
46. Звегинцев, В.А. Теоретико-лингвистические предпосылки гипотезы Сепира-Уорфа Новое в лингвистике. Вып. 1. / В. А. Звегинцев. — М.: Издательство иностранной литературы. 1960. — С.111-134
47. Зиновьева, Е. И. Лингвокультурология: от теории к практике : Учебник / Е. И. Зиновьева. — СПб. : Нестор-История, 2016. — 182 с.
48. Иванов, Е. Е. Паремиологический минимум и основной паремиологический фонд / Е. Е. Иванов // Паремиология в дискурсе : Общие и прикладные вопросы паремиологии. Пословица в дискурсе и в тексте. Пословица и языковая картина мира. — М. : Ленанд, 2015. — С. 48—66.

49. Ковшова, М. Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок. Антропонимический код культуры / М. Л. Ковшова. — М. : ЛЕНАНД, 2019. — 400 с.
50. Кольцова, Н. В. Сопоставление концептуальных полей «богатство / бедность» в китайской и русской лингвокультурах: анализ языковых и рисуночных ассоциаций / Н. В. Кольцова, Н. Л. Чулкина // Вопросы психолингвистики. — 2019. — № 1(39). — С. 149-164.
51. Комова, Д. Д. Номинации и характеристика Бога в пословицах: лингвоаксиологический аспект (на материале русского, русинского, китайского и португальского языков) / Д. Д. Комова, С. Г. Коровина, О. В. Ломакина // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. — 2021. — № 66. — С. 100—110.
52. Коурова, О. И. История становления новой научной дисциплины - лингвокультурологии / О. И. Коурова // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. — 2018. — № 1(37). — С. 147—151.
53. Кравчук, А. И. Список иероглифов "Ши Чжоу пянь" / А. И. Кравчук // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 1-1(55). — С. 132—135.
54. Крапивин В. Дорога негаснущей надежды. / В. Крапивин, Д. Струев. — 2015. —
— Режим доступа:
<https://ruscorpora.ru/results?search=ClsqJAoICAAQChgyIAoQBSAAKLiuxMDdmuclQAVqBDAuOTV4AKABATICCAE6AQFCLAoqCigKA3JlcRIhCh%2FQt9C%2B0LvQvtGC0LDRjyDRgdC10YDQtdC00LjQvdCw> (дата обращения: 18. 03. 2024).
55. Красных, В В. Культура, культурная память и лингвокультура: их основные функции и роль в культурной идентификации / В. В. Красных // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. — 2012. — № 3. — С. 67—74.
56. Куссе, Х. Культура: объяснительные возможности понятия в дискурсивной лингвистике / Х. Куссе, В. Е. Чернявская // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. — 2019. — Т. 16, № 3. — С. 444—462.

57. Леви-Стросс, К. Структурная антропология / К. Леви-Стросс; [Пер. с фр. под ред. и с примеч. Вяч. Вс. Иванова]. — М. : Наука, 1985. — 535 с.
58. Ли, Хуэй. Лингвокультурологическое представление волшебства в китайских и русских сказках интерпретация : дис. ... канд. фил. наук : 5.9.8 / Ли, Хуэй; РУДН — М. : РУДН, 2025. — 173 с.
59. Линь, Баосюань. Создать лингвострановедение русского языка с китайской спецификой / Линь Баосюань // Преподавание русского языка в Китае. — 1994. — № 4. — С. 38—41.
60. Липовцева, Е. М. Модификация значений самоназваний Китая — от докунфуцианской философии к учению Конфуция / Е. М. Липовцева // Вестник Томского государственного университета. — 2007. — № 303. — С. 25—28.
61. Лихачев Д.С. Библиотека литературы Древней Руси / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом); под. ред. Д. С. Лихачева и др. — СПб. : Наука, 1997. — Т. 16. 2010. — 663 с.
62. Лихачев, Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре / Д. С. Лихачев ; Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов. — СПб. : Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2006. — 416 с.
63. Лихачев, Д.С. Историческое самосознание и культура России. // Русская культура / Д. С. Лихачев. — М. : Искусство, 2000. — 438
64. Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка // Освобождение от догм. История русской литературы: состояние и Пути изучения: в 2 Т. /отв. Ред. Николаев Д.П. — М., 1997. — Т. 1. — 312 с / Д. С. Лихачев // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. — 1998. — № 4. — С. 33—42.
65. Лихачев, Д.С. Русская культура / Д. С. Лихачев. — М. : Искусство, 2000. — 438 с.
66. Ломакина, О. В. Изучение пословиц в русле ценностной парадигмы: методология исследования и критерии выделения оценочности / О. В. Ломакина // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. — 2021. — Т. 7. № 1. — С. 97—107.

67. Ломакина, О. В. Метаязык современной лингвоаксиологии: паремиологический уровень / О. В. Ломакина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2025. — Т. 16. № 3. — С. 622—637.
68. Ломакина, О. В. Паремии в текстах Л.Н. Толстого: лингвокультурологический комментарий / О. В. Ломакина // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. — 2010. — № 6(14). — С. 217—221.
69. Ломакина, О. В. Карпаторусинские соматические паремии на славянском фоне / О. В. Ломакина, В. М. Мокиенко // Slavica Tartuensia. — 2018. — Т. XI. — С. 103—128.
70. Ломакина, О. В. Концептуализация общечеловеческих ценностей в пословицах (на материале русского, узбекского и таджикского языков) / О. В. Ломакина // Когнитивные исследования языка. — 2021. — № 3(46). — С. 172—175.
71. Ломакина, О. В. К вопросу об определении концентра современной крылатики / О. В. Ломакина // IV Фирсовские чтения. Язык в современных дискурсивных практиках : материалы докладов и сообщений Международной научно-практической конференции, Москва, 22—23 октября 2019 года / Российский университет дружбы народов. — М. : Российский университет дружбы народов (РУДН), 2019. — С. 259—265.
72. Ломакина, О. В. Концепт "дети" в системе традиционных ценностей этноса (на материале паремий неродственных языков) / О.В. Ломакина // Когнитивные исследования языка. — 2024. — № 1-2(57). — С. 58—62.
73. Ломакина, О. В. Номинация ценности как когнитивная проблема (на материале русских пословиц о труде и безделье) / О. В. Ломакина // Когнитивные исследования языка. — 2024. — № 2-1(58). — С. 277—280.
74. Ломакина, О. В. О современном лексикографическом описании русских пословиц / О. В. Ломакина // Русский язык в школе. — 2011. — № 5. — С. 107—110.

75. Ломакина О.В. Паремиология как система (на материале горномарийского литературного языка) / О.В. Ломакина // Финно-угроведение. — 2024. — № 4 (68). — С. 51-61.
76. Ломакина, О. В. Познавательный потенциал русинских паремий на фоне русского и украинского языков / О. В. Ломакина, В. М. Мокиенко // Русин. — 2016. — № 3(45). — С. 119—128.
77. Ломакина, О. В. Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль / О. В. Ломакина. — М. : Российский университет дружбы народов (РУДН), 2018. — 344 с.
78. Ломакина, О. В. Ценностные константы русинской паремиологии (на фоне украинского и русского языков) / О. В. Ломакина, В. М. Мокиенко // Русин. — 2018. — № 4 (54). — С. 303—317.
79. Лосев, А. Ф. Мифы народов мира / Советская энциклопедия, 1987-1988. / А. Ф. Лосев, Е. М. Мелетинский, Б. Л. Рифтин [и др.]. — М. : ДиректМедиа Паблишинг, 2006. — 398с.
80. Лосев, А. Ф. Знак. Символ. Миф [Текст] : труды по языкознанию / А. Ф. Лосев. — М. : Изд-во МГУ, 1982. — 479 с.
81. Лотман, Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. — СПб. : Искусство-СПб, 2001. — 703 с.
82. Лю, Синьюй. Перспективы китайской и русской лингвистики. / Лю Синьюй // Вестник Российского нового университета. Серия «Человек в современном мире». — 2022. Вып. 2. — С.188—192.
83. Лю, Хун. Формирование лингвострановедческой компетенции китайских студентов-филологов на начальном этапе обучения русскому языку: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук: 13.00.02 / Лю, Хун. Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. — Спб., 2001. — 19 с.
84. Лю, Цзюань. Концепт «Путешествие» в китайской и русской лингвокультурах: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.20 / Лю Цзюань. Волгогр. гос. пед. ун-т. — Волгоград, 2004. — 19 с.

85. Лю, Чаоцзе. Исследование лингвокультурологии в современном Китае / Лю Чаоцзе // Вестник Череповецкого государственного университета. — 2018. №1. — С. 65 — 70.
86. Лю, Юэ. Лингвокультурологический потенциал русских пословиц с компонентами-названиями инструментов (на фоне китайского материала): автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 5.9.5 / Юэ Лю. — СПб, 2024. — 26 с.
87. Люй, Цзинвэй. Функционирование китайских пословиц в российском масс-медийном дискурсе: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.20 / Люй Цзинвэй. — Владивосток, 2020. — 23 с.
88. Ма, Гофань. Краткое обсуждение идиом / Ма Гофань. — ШэньЯн: Ляонинское издательство, 1959. — 51 с. 马国凡. 成语简论.沈阳: 辽宁人民出版社, 1959年, 第51页
89. Ма, Сянфэй. Стереотипные представления об осадках в русской лингвокультуре на фоне китайской: на материале устойчивых выражений: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Ма Сянфэй. — СПб., 2018. — 29 с.
90. Марковина, И. Ю. Культура и текст. Введение в лакунологию: учеб. пособие. / И. Ю. Марковина, Ю. А. Сорокин. — М. : ГЭОТАР-Медиа, 2010. — 144 с.
91. Маслова, В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. / В. А. Маслова. — М. : Академия, 2001. — 208 с.
92. Маслова, В. А. Концепты и ценности: содержание понятий, языковая репрезентация. / В. А. Маслова. // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского Серия «Филология. Социальные коммуникации». — 2011. Т. 24(63). №2. Часть 1. — С.383—387.
93. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок. / В. М Мокиенко., Т. Г. Никитина. — М. : ОЛМА Медиа Групп, 2007. — 784 с.
94. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских пословиц. Около 70 000 пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева ; Международная

ассоциация преподавателей русского языка и литературы. — М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. — 1024 с.

95. Мокиенко, В. М. Лингвокультурологическая паремиология в европейской ретроспективе // Перспективные направления современной лингвистики / под ред. В. В. Воробьева, Д. С. Скареева, М. Л. Новиковой. — М.: РУДН, — 2020. — С. 42—53.

96. Мокиенко В. М. Образы русской речи: Ист.-этимол. очерки фразеологии / В. М. Мокиенко. — СПб.: Фолио-Пресс: С.-Петерб. гос. ун-т, 1999. — 461 с.

97. Мокиенко, В. М. Русские пословицы в школе (опыт учебной лексикографии) / В. М. Мокиенко // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2015. — № 1—1(61). — С. 101—105.

98. Мокиенко, В. М. Современная паремиология (лингвистические аспекты) / В. М. Мокиенко // Мир русского слова. — 2010. — № 3. — С. 6—20.

99. Нань, Яньхуа. Лингвокультурологическое описание паремий русского языка с компонентом-фитонимом на фоне китайского и корейского языков: диссертация ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Нань Яньхуа; С.-Петерб. гос.ун-т. — Санкт-Петербург, 2022. — 238 с.

100. Нелюбова, Н. Ю. Аксиологические доминанты лингвокультуры и их маркированность в паремиологии (на материале французского, русского и тувинского языков): диссертация ... докт. филол. наук: 5.9.8 / Н. Ю. Нелюбова. — М. : РУДН, 2025. — 411 с.

101. Нелюбова, Н.Ю. Место семьи в иерархии ценностей и особенности ее восприятия носителями русского и французского языков (на паремиографическом материале и по данным анкетирования) / Н.Ю. Нелюбова // Русский язык в поликультурном мире: сборник научных статей IV Международного симпозиума (9-11 июня 2020 г.) / отв. ред. Г.Ю. Богданович, Е.Я. Титаренко. В 2-х т. Том 1. — Симферополь: Издательский дом КФУ, 2020. — С. 152-158.

102. Нелюбова, Н. Ю. Отражение иерархии ценностей в пословичном фонде русского и французского языков / Н. Ю. Нелюбова, В. И. Хильтбруннер, В. И.

Ершов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. — 2019. — Т. 23. № 1. — С. 223—243.

103. Общая и русская лингвоаксиология: Коллективная монография / М.С. Милованова (отв. ред.), К.Я. Сигал, В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин, Б.И. Фоминых, Н.А. Боженкова, Л.М. Гончарова, А.Н. Матрусова, Р.Р. Шамсутдинова, П.А. Катышев; ИЯз РАН, Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина. — М.-Ярославль: Канцлер, 2022. — 390 с.

104. Олихова, Е. О. Образ матери в традиционной китайской культуре: автореферат дис. ... кандидата философских наук: 24.00.01 / Олихова Екатерина Олеговна; Моск. гос. лингвист. ун-т. — М. : 2012. — 24 с.

105. Паремиология на перекрёстках языков и культур / М. А. Бредис, Е. Е. Иванов, О. В. Ломакина [и др.]. — М. : Российский университет дружбы народов, 2021. — 246 с.

106. Пермяков, Г. Л. Основы структурной паремиологии / Г. Л. Пермяков; [Авт. предисл. Г. Л. Капчиц; АН СССР, Ин-т востоковедения]. — М. : Наука, 1988. — 235 с.

107. Пословицы (Море пословиц) / Сост. Вэнь Дуаньчжэн, Ван Шушань, Шэнь Хуэйюнь, Пекин: Издательство Юйвэнь, 1999 / «谚海; 温端政, 王树山, 沈慧芸主编, 北京: 语文出版社, 1999 年.

108. Потебня, А. А. Полное собрание трудов: Мысль и язык. / Подготовка текста Ю. С. Рассказова, О. А. Сычева. Комментарии Ю. С. Рассказова. — М. : Лабиринт, 1999. — 300 с.

109. Потебня, А. А. Язык и народность / А. А. Потебня // Вестник Европы. — 1895. — Кн. 9/10. — С. 5—37.

110. Прядохин, М. Г. Китайские недоговорки-иносказания / М.Г. Прядохин; АН СССР, Ин-т востоковедения [и др.]. — М. : Наука, 1977. — 148 с.

111. Пэн, Вэньчжао. Лингвистика и культура как герменевтика языка и культуры 作为语言文化阐释学的语言文化学 / Пэн Вэньчжао, Лю Лин // Известия

- института иностранных языков НОАК 解放军外国语学院学报. 2006. — Vol. 29. № 6. — P. 23—27.
112. Решетнева, У. Н. Этнопоэтика китайских пословиц и поговорок: диссертация ... канд. филол. наук: 10.01.09 / Ульяна Николаевна Решетнева; Омский гос. пед. ун-т. — Челябинск : Челябинский гос.ун-т., 2025. — 218 с.
113. Романов, Д. А. Прибаутка как явление русской народной речи (В добавление к теориям паремий и клише) / Д. А. Романов // Русский язык в школе. — 2018. — № 2. — С. 52—57.
114. Савенкова, Л. Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты / Л.Б. Савенкова; Рост. гос. ун-т. — Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 2002. — 239 с.
115. Савенкова, Л. Б. Русские паремии как функционирующая система: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.01 / Людмила Борисовна Савенкова; Рост. гос. ун-т. — Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 2002. — 46 с.
116. Селезнева, И. А. Объективация представлений о семье в русском, английском и китайском языках / И. А. Селезнева, Л. В. Бабина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2019. — Т. 12. № 2. — С. 139—144.
117. Селиверстова, Е. И. Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость: монографии / Е. И. Селиверстова. 3-е изд., стер. — М. : ФЛИНТА, 2017. — 296 с.
118. Селиверстова, Е. И. Рифмованный бином как основа пословицы / Е. И. Селиверстова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2009. — № 10(44). — С. 63—66.
119. Семененко, Н. Н. Аксиология паремий в фокусе проблемы когнитивно-дискурсивного моделирования семантики русских пословиц / Н. Н. Семененко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2020. — Т. 11. № 2. — С. 213—232.
120. Семененко, Н. Н. Стереотипизированная мораль как ценностный субстрат семантики пословицы / Н. Н. Семененко // Научно-методический электронный журнал "Концепт". — 2017. — № 12. — С. 175—183.

121. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир; Пер. с англ. под ред. и с предисл., [с. 5—22] А. Е. Кибрика. — М. : Прогресс : Изд. группа "Универс", 1993. — 654 с.
122. Син, Фуйи. Лингвистика культуры / Син Фуйи. — Хубэй: Издательство образования провинции Хубэй, 1990. — 465 с.
123. Скнарев, Д. С. Лингвокультурный образ Китая в российских социальных сетях и мессенджерах / Д. С. Скнарев // Языковое и культурное взаимодействие стран инициативы "Один пояс — один путь" : сборник материалов международной научно-практической конференции, Челябинск, 04–06 апреля 2025 года. — Челябинск — Хэнань: Южно-Уральский государственный университет, 2025. — С. 151—155.
124. Словарь афоризмов русских писателей / А. В. Королькова, А. Г. Ломов, А. Н. Тихонов ; под рук. А. Н. Тихонова. — М. : Рус. яз.-Медиа, 2004 (Н. Новгород : ГИПП Нижполиграф). — 627 с.
125. Словарь древних изречений (гэянь) (古代格言辞典, 1988) / Под ред. Хэ Чанфэна. — Гуйян: Гуйчжоу жэньминь, 1988. — 1735 с.
126. Словарь известных изречений (名句用法辞典, 1989) / Под ред. Чжоу Хунъяня. — Шанхай: Цышу, 1989. — 1937 с.
127. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики : Изд. Ш. Балли и А. Сеше при участии А. Ридлингера / Ф. де Соссюр ; Пер. со 2-го фр. изд. А.М. Сухотина ; Под ред. и с примеч. Р.И. Шор. — М. : УРСС, 2004. — 271 с.
128. Срезневский, И. И. Мысли об истории русского языка / И. И. Срезневский ; вступ. ст. С. Г. Бархударова. — М. : URSS : КомКнига, 2006. — 133 с.
129. Степанов, Ю. С. Константы : Слов. рус. культуры : Опыт исслед. / Ю.С. Степанов. — М. : Яз. рус. культуры, 1997. — 824 с.
130. Сунь, Сюйна. Лингвокультурологическое исследование национальной личности в русском языке с позиции китайской лингвокультуры: дис. ... канд. фил. наук : 5.9.5 / Сунь Сюйна; РУДН — М. : РУДН, 2024. — 239 с.

131. Сунь, Юй. Дискуссии о лингвострановедении, лингвокультурологии и лингвистике культуры в Китае / Сунь Юй. — Педагогическое образование в России. — 2021. — № 5. — С. 108—114.
132. Тань, Аошуан. Китайская картина мира : язык, культура, ментальность / Тань Аошуан. — М. : Яз. слав. культуры, 2004. — 231 с.
133. Тарасов, Е.Ф. Проблема анализа содержания общечеловеческих ценностей / Е.Ф. Тарасов // Вопросы психолингвистики. — 2012. — № 15. — С. 8—17.
134. Телия, В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция / В. Н. Телия // Метафора в языке и тексте. — М. : Наука, 1988. — 176 с. — С. 26—51.
135. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты : Монография / В. Н. Телия. — Москва : Школа «Языки русской культуры», 1996. — 288 с.
136. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация : учебное пособие для студентов, аспирантов и соискателей по специальности "Лингвистика и межкультурная коммуникация" / С. Г. Тер-Минасова. — М. : Слово, 2008. — 261 с.
137. Тихонова, Е. В. Обучение переводу фразеологических единиц китайского языка, основанных на образе дракона : учеб. пособие / под общ. ред. С. К. Гураль / Е. В. Тихонова, Е. А. Атаманова. — Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2018. — 104 с.
138. Толстой, Н. И. Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин / Н. И. Толстой // Славянская этнолингвистика: вопросы теории : (Ко Второму Всероссийскому совещанию славистов. Москва, 5—6 ноября 2013 г.) / Российская академия наук, Институт славяноведения, Отдел этнолингвистики и фольклора. — Москва : Институт славяноведения РАН, 2013. — С. 19—31.
139. У, Гохуа (吴国华) , Пэн Вэньчжан (彭文钊). О лингвострановедении. (关于语言国情学) // 当代语言学. 2001.

140. У, Хао (吴昊). Мир русской природы в аспекте лингвокультурологии. / У Хао, Е. Е. Юрков. — СПб.: Изд-во «Осипов», 2006. — 208 с.
141. Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку. Перевод с английского Л. И. Натан и Е. С. Турковой / Б. Л. Уорф // Новое в лингвистике. Вып. 1. — М. : Издательство иностранной литературы. — 462 с. — С.135—168.
142. Фаттахова, Н. Н. Народные приметы: синтаксис и прагматика (на материале русского, татарского и немецкого языков) / Н. Н. Фаттахова, М. А. Кулькова. — 3-е издание, стереотипное. — М. : ФЛИНТА, 2015. — 256 с.
143. Фортунатов, Ф. Ф. Сравнительное языковедение : общий курс / Ф. Ф. Фортунатов. — М. : URSS, 2010. — 178 с.
144. Фэн, Юэ. Специфика лингвокультурологических исследований в современном Китае (на материале книги ло Чанпэя "Язык и культура") / Юэ Фэн. // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2019. — № 4(820). — С. 368—379.
145. Хань, Чжэнь. Система китайских ценностей : перевод с китайского / Хань Чжэнь, Чжан Вэйвэнь ; перевод на русский язык выполнен под руководством д.ф.н. Владилена Георгиевича Букова ; Китайская академия общественных наук. — М. : Весь Мир, 2020. — 462 с.
146. Хо, Сяоцзюн. Орнитологический код культуры в русской паремиологической картине мира: лингвокультурологический аспект (на фоне китайского языка): диссертация ... кандидата филологических наук: : дис. ... канд. фил. наук : 10.02.01 / Хо Сяоцзюн; Санкт-Петербургский гос. ун-т. — Санкт-Петербург, 2022. — 208 с.
147. Хомяков, А. С. Сочинения: в 2 т. / А. С. Хомяков; вступ. ст., сост., подгот. текста, примеч. В. А. Кошелева; ред. Е. В. Харитонова. — М.: Московский философский фонд: Медиум, 1994. — 589 с.
148. Чаадаев, П. Я. Философические письма: статьи, афоризмы, письма / П. Я. Чаадаев. — М. : Эксмо, 2006. — 541 с.
149. Чеснокова, О. С. Испанская фразеология в контексте лингвокультурологии / О. С. Чеснокова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия:

Русский и иностранные языки и методика их преподавания. — 2003. — № 1. — С. 73—78.

150. Чжан, Мянью. этнокультурное своеобразие пословиц и поговорок в китайском языке / Чжан Мянью, Д. К. Саяхова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 12(78): в 4-х ч. — Ч. 3. — С. 192—194.

151. Чжао, Айго. От лингвострановедения к лингвокультурологии / Чжао Айго // Преподавание русского языка в Китае. — 2007. — № 3. — С. 28—32.

152. Чжао, Миншань. Область исследований лингвокультурологии / Чжао Миншань // Вестник Института иностранных языков НОАК. — 1998. — № 3(57). — С. 44—57.

153. Чжоу, Цин. Этнокультурная специфика китайского и русского академического дискурса в ситуации «преподаватель – студент» : диссертация ... канд. филол. наук : 5.9.8. / Чжоу Цин; РУДН. — М., 2025. — 206 с.

154. Чжу, Ц. Образы животных в русской и китайской лингвокультурах: сопоставительный аспект / Ц. Чжу // Русский язык в XXI веке: исследования молодых : Материалы VI международной научной студенческой конференции, Сургут, 07—08 февраля 2019 года. — Сургут: Сургутский государственный педагогический университет, 2019. — С. 141—144.

155. Шаклеин, В. М. Современная парадигма лингвокультурологических исследований / В. М. Шаклеин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. — 2003. — № 1. — С. 6—12.

156. Шахматов, А. А. Материалы для изучения великорусских говоров : [извлечения из сообщений на "Программу для собирания особенностей народных говоров"]. / А. А. Шахматов — СПб : тип. Имп. Акад. наук, 1896—1910. — 562 с.

157. Шахматов, А. А. Очерк современного русского литературного языка. / А. А. Шахматов — М. : Государственное учебно-педагогическое издательство, 1939. — 288 с.

158. Шулежкова, С. Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие / С. Г. Шулежкова. — М. : Азбуковник, 2002. — 286 с.

159. Шэнь, Сяолун. Китайская лингвистика культуры / Шэнь Сяолун. — Цзилинь: Издательство образования провинции Цзилинь, 1990. — 458 с.
160. Энциклопедия древних литературных цитат (古书典故词典, 1984) / Под ред. Чжао Цзысюня. — Наньчан: Цзянси женьминь, 1984. — 1478 с.
161. Эртельт-Фиит, А. Лакуны и их классификационная сетка / А. Эртельт-Фиит, Е. Денисова-Шмидт // Вопросы психолингвистики. — 2007. — № 6. — С. 39—51.
162. Юань, Лиин. Русские пословицы о воспитанности/невоспитанности на фоне аналогичных паремий китайского языка: лингвокультурологический аспект: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Юань Лиин; С.-Петербург. гос. ун-т. — Санкт-Петербург, 2016. — 26 с.
163. Ян, Сюе. Гендерные доминанты в китайских и русских паремиях в контексте семейных отношений : диссертация ... канд. филол. наук : 5.9.8. / Ян Сюе; РУДН;. — М., 2025. — 211 с.
164. Agar, M. LANGUAGE SHOCK: Understanding the Culture of Conversation. / Michael Agar. — New York: Wm. Morrow, 1993. — 284 p.
165. Bonvillain, N. Language, culture and communication. The meaning of messages. / Nancy Bonvillain. — Upper Saddle River, New Jersey: Prentice Hall, 1997. — 374 p.
166. Denisenko, V. N. Twelve Chinese Zoosigns of Zodiak: Tradition and Modernity / V. N. Denisenko, Y.X. Zheng // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2021. — Т. 12. — № 4. — С. 1299—1313.
167. Idioms Database: Evidence from Nineteenth-Century Russian / A. N. Baranov, D. O. Dobrovol'skij, K. L. Kiseleva [et al.] // Literature, Language and Computing : Russian Contribution from the LiLaC-2023, St. Petersburg, 09—11 ноября 2023 года. — Saint Petersburg: Springer, 2025. — P. 85—99.
168. Gladkova, A. Anna Wierzbicka, language, culture and communication / A. Gladkova, T. Larina // Russian Journal of Linguistics. — 2018. — Vol. 22. No. 4. — P. 717—748.
169. Mambrol, N. Key Theories of Emile Benveniste (Мамброл Н. Ключи к теории Эмиля Бенвениста) / N. Mambrol // Режим доступа:

<https://literariness.org/2018/02/20/key-theories-of-emile-benveniste/> (дата обращения: 25.11.2024).

170. Mambrol, N. Key Theories of Emile Benveniste/ N. Mambrol // *literariness Journal*. 2018. Vol. 20. Режим доступа: <https://literariness.org/2018/02/20/key-theories-of-emile-benveniste/> (дата обращения: 15.07.2025).

171. Palmer, G. B. *Toward a theory of cultural linguistics* / G. B. Palmer. — Austin: University of Texas Press, 1996. — 348 p.

172. Whorf, B. L. *Language, thought, and reality; selected writings* / B. L. Whorf. — New York. London: Technology Press of Massachusetts Institute of Technology, 1956. — 278 p.

173. Wierzbicka, A. *Duša (soul), toska (yearning), sud'ba (fate): Three Key Concepts in Russian Language and Russian Culture* / Anna Wierzbicka // Zygmunt Saloni (ed.): *Metody formalne w opisie języków słowiańskich*. — Białystok, Białystok University Press, 1990. — P. 13–36.

174. Wierzbicka, A. *Emotions across languages and Cultures: Diversity and Universals* / Anna Wierzbicka. — Cambridge : Cambridge University Press, 1999. — 349 c.

175. Wierzbicka, A. *Russian cultural scripts: The theory of cultural scripts and its applications* / Anna Wierzbicka // *Ethos*. — 2002. — № 30(4). — P. 401 — 432.

176. 何长风. *古代格言辞典*. 贵阳: 贵州人民出版社, 1988 年 Хэ, Чанфэн. *Словарь древних изречений* / Хэ Чанфэн. — Гуйчжоу : Народное издательство Гуйчжоу, 1988. — 1610 с.

177. 周鸿雁. *名句用法辞典*. 上海: 上海辞书出版社, 1989 年 Чжоу, Хунянь. *Словарь известных изречений* / Чжоу Хунянь. — Шанхай: Шанхайское издательство Цышу, 1989. — 1989 с.

178. 呼志强 . *中国人应该知道的民谚俗语*. 南宁: 广西人民出版社, 2014 年. Ху, Чжицян. *Национальные пословицы, которые следует знать китайцам* / Ху Чжицян. — Наньнин: Гуансийское народное издательство, 2014. — 2089 с.

179. 唐兰。中国文字学。/ 上海世纪出版集团出版社. 2005. 155 页. Тан, Лань. История китайского письма / Тан Лань. — Шанхай: Шанхайское издательство Цышу, 2005. — 155с.
180. 大辞海·语言学卷/夏征农,陈至立主编;许宝华,杨剑桥等著,一修订版,一上海:上海辞书出版社, 2003. Большой лексикон – лингвистический том / под редакцией Ся Чжэньнуна, Чэнь Чжили; Сюй Баохуа, Ян Цзяньцяо и др. — Шанхай: Издательство Шанхайского словаря, 2003. — 814 с.
181. 成语词典 : Толковый словарь китайских идиом. / составитель Сюй, Чэнчжи ; Сычуаньское лексикографическое издательство. — М. : Шанс, 2022. — 596 с.
182. 新华成语词典.出版社: 北京商务印书馆. 1185 页/ 2015 年 Словарь чэньюй Синьхуа. — Пекин: Коммерческое издательство, 2015. — 1185 с.
183. 李翰文主编 . 典故词典 俗语谚语词典. 北京: 九州图书出版, 1990 年. Сост. Ли, Ханьвэнь / Словарь чэньюев, пословиц и поговорок / Ли Ханьвэнь. — Пекин: Цзючжоу чубань гунси, 1990. — 2414 с.
184. 李鹏年, 陈鉴夷. 清代六部成语词典. 天津: 天津人民出版社, 1990 年. Ли, Пэннянь. Словарь чэньюев по шести ведомствам династии Цин /под ред. Ли Пэнняня и Чэнь Цзяньи. — Тяньцзинь: Народное издательство, 1990. — 1897 с.
185. 汉语成语分类大辞典 . 出版社: 内蒙古人民出版社 .1987 年 Классифицированный большой словарь китайских чэньюев. — Нэймэнгу: Изд. Нэймэнгу жэньминь чубаньшэ, 1987. 汉语成语分类词典 / 叶子雄主编. — 上海: 复旦大学出版社, 1987. — 842 с.
186. 温端政. 中国俗语大辞典.上海: 上海辞书出版社, 2011 年, 第 1137 页. Вэнь, Дуаньчжэн. Большой словарь китайских поговорок / Вэнь Дуаньчжэн. — Шанхай: Шанхайское издательство словарей, 2011. — 1137 с.
187. 温端政. 中国谚语大辞典.上海: 上海辞书出版社, 2011 年, 第 1398 页 Вэнь, Дуаньчжэн. Большой словарь китайских пословиц / Вэнь Дуаньчжэн. — Шанхай: Шанхайское издательство словарей, 2011. — 1398 с.

188. 温端政. 分类谚语词典. 上海: 上海辞书出版社, 2005 年 370 页. / Вэнь, Дуаньчжэн. Классификационный словарь пословиц. / Вэнь Дуаньчжэн. — Шанхай: Шанхайское словарное изд-во, 2005. — 370 с.
189. 温端政. 俗语研究与探索: 俗语的性质, 范围和分类. 上海辞书出版社, 2005. 229 页. / Вэнь, Дуаньчжэн. Изучение поговорок: характеристика, сфера употребления и классификация поговорок. / Вэнь, Дуаньчжэн. — Шанхай: Цышу, 2005. 229 с.
190. 温端政主编. 中国俗语大词典. 上海: 上海辞书出版社, 2001 年 / Сост. Вэнь, Дуаньчжэн. Большой словарь китайских поговорок / Вэнь Дуаньчжэн. — Шанхай: Шанхайское издательство словарей, 2011. — 1893 с.
191. 潘玉坤. 《史籀篇》年代考. 载《杭州師範學 院學報》(社會科學版), 2002 年, 第 2 期, 頁 82—85. Пань, Юйкунь. Исследование об эпохе списка «Ши Чжоу пянь». / Пань Юйкунь. // Журнал Ханчжоуского педагогического университета (издание по социальным наукам) — 2002. — №2. — С.82—85.
192. 熟语是语言中定型的词组或句子。使用时一般不能任意改变其 组织。包括成语、谚语、格言、歇后语等). [夏征农. 辞海. 上海:上海辞书出版社, 2000. 6155 页. Ся, Чжэннон. Цыхай. / Ся Чжэннон. — Шанхай: Шанхайское изд-во Цышу, 2000. — 6155 с.
193. 王国维. 观堂林集: 附别集·史籀篇疏证. 第二册 (第七卷) // 中华书局, 1959. 1008 页. Ван, Говэй. Гуаньтан цилинь (Собрание сочинений господина Гуаньтана): Приложение. Комментарий к «Ши Чжоу пянь». / Ван Говэй. — Пекин: Книжная компания Чжунхуа, 1959. — 1008 с.
194. 现代汉语词典. 中国社会科学院语言研究所词典编辑室. 北京: 商务印书馆, 2005. 1958 页. Словарь современного китайского языка (ССКЯ). Отдел редактирования словаря НИИ Лингвистики Китайской академии социальных наук. — Пекин: Шаньуйньшугуань, 2005. — 1958 с.
195. 罗常培. 语言与文化. 北京: 北京出版社 2011. 220 页. Ло, Чанпей. Языки культура. / Ло Чанпей. — Пекин: Пекинское изд-во, 2011. — 220 с.

196. 谚语辞海 / 马建东, 温端政主编. 上海: 上海辞书出版社, 2017 年 1536 页. Ма, Цзяндун. Энциклопедический словарь (Цыхай) китайских пословиц. / Ма Цзяндун, Вэнь Дуаньчжэн. — Шанхай: Шанхайское словарное изд-во, 2017. — 1536 с.
197. 郑宏峰, 姜瑞良主编. 中华谚语. 北京: 线装书局, 2008 年 / Сост. Чжэнь Хунфэн, Цзян Жуйлян / Пословицы китайского языка. / Чжэнь Хунфэн, Цзян Жуйлян. — Пекин: Издательство Сяньчжуан шуцзюй, 2008. — 779 с.
198. 陈君慧. 谚语大全. 哈尔滨: 北方文艺出版社, 2014 年. Чэнь, Цзюньхуэй. Словарь пословиц. / Чэнь, Цзюньхуэй. — Харбин: Северная литература и искусство, 2014. — 879 с.
199. 韩欣之. 汉语成语分类词典 (修订版). 上海: 上海学术出版社, 1996. Хань, Синьчжи. Классифицированный словарь китайских чэньюев (исправленное издание). / Хань Синьчжи. — Шанхай: Шанхайское академическое издательство, 1996. — 1879 с.
200. 陆宗达 《训诂简论》 北京: 北京出版社 2016 年 181 页. Лу, Цзунда. Рассуждения о филологии. / Лу Цзунда. — Пекин: Пекинское издательство, 2016. — 181 с.
201. 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编. 现代汉语词典 第 7 版. 北京: 商务印书馆, 1766 页. Современный словарь китайского языка / Институт лексикографии Академии общественных наук Китая (ред.). — Пекин: Коммерческое издательство, 1980. — 1766 с.
202. 说文解字 (全五册) / 汤可敬译注. 北京: 中华书局, 2018. Изъяснение письмен и толкование иероглифов: в 5 т. / Пер. и коммент. Тан Кэцзина. — Пекин: Книгоиздательство «Чжунхуа», 2018. — 3616 с.
203. 罗竹风主编; 汉语大词典 第 7 卷 共 13 卷[M]. 上海: 汉语大词典出版社, 1991 1554 页 / Большой словарь китайского языка: в 13 т. Т. 7. / под. ред. Ло Чжуфэн. Шанхай: Шанхайское издательство словарей, 1991. — 1554 с.

204. 达世平, 沈光海. 古汉语常用字字源字典. 上海: 上海书店, 1989. 327 页. Да, Шипин. Этимологический словарь часто употребляемых иероглифов древнекитайского языка. / Да Шипин, Шэнь Гуанхай. — Шанхай: Шанхайское книжное издательство, 1989. — 327 с.
205. 范丽君. 蒙、汉语中“父亲”称谓词源理据比较. 满语研究 2007 (01):73-77. Фань, Лицзюнь. Сравнение этимологических оснований терминов «отец» в монгольском и китайском языках / Фань Лицзюнь // Исследования по чжурчжэньскому языку. — 2007. — № 1. — С. 73—77.
206. 段玉裁. 说文解字注. 北京: 中华书局, 2013. 878 页. Дуань, Юйцай. Комментарии к «Изъяснению писем и толкованию иероглифов». / Дуань Юйцай — Пекин: Книгоиздательство «Чжунхуа», 2013. — 878 с.
207. 温端政等编著. 中国谚语大全. 上海: 上海辞书出版社, 2004. Большой словарь китайских пословиц / Под ред. Вэн Д. — Шанхай: Шанхайское лексикографическое издательство, 2004. — 1371 с.
208. 厉振仪. 常用谚语分类词典. 上海: 上海大学出版社, 2010. Ли, Чжэньи. Классифицированный словарь общеупотребительных пословиц. / Ли Чжэньи. — Шанхай: Издательство Шанхайского университета, 2010. — 594 с.
209. 李庆军. 谚语分类词典. 合肥: 黄山书社, 1991. Ли, Цинцзюнь. Классификационный словарь пословиц. / Ли Цинцзюнь. — Хэфэй: Хуаншаньское издательство, 1991. — 595 с.
210. 董瑞珍, 庄帆. 谚语分类. 北京: 中国文联出版社, 2012. Дун, Жуйчжэнь. Классификация пословиц. / Дун Жуйчжэнь, Чжуан Фань. — Пекин: Издательство Китайской федерации литературы и искусства, 2012. — 262 с.

Приложения

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Китайские паремии о женщине с компонентом 'дочь'

	паремия на китайском	перевод на русский
1	掌上明珠	Яркая жемчужина на ладони
2	养子不教如养驴，养女 不教如养猪	Лучше кормить ослов и свиней, чем только обучать детей и не воспитывать их
3	教子不严父之过，养女 不周娘之错	Отец виноват в том, что плохо учил своего сына, а мать – в том, что плохо воспитывала свою дочь
4	夫妇是树，儿女是花	Родители – это дерево, дети – цветы, и когда дерево расцветает, это одновременно и великолепие дерева, и результат его глубоких корней
5	养女一门亲	Когда дочь вырастет и выйдет замуж, она станет для родительской семьи как родственница
6	女儿不断娘家路	Даже если дочь выходит замуж, она должна часто навещать материнский дом
7	儿大不由爹，女大不由 娘	Сын вырастает самостоятельным и не прислушивается к воспитанию отца; дочь вырастает и не прислушивается к наставлениям матери
8	儿女多来冤业多	Когда сыновей и дочерей много, возникает много недовольства
9	女儿是娘的挂心钩	Дочери – это крючки, на которые матери вешают свои сердца и всегда беспокоятся о них
10	天下有狠心的儿女，无 狠心的爹娘	Есть жестокосердные сыновья и дочери, но нет жестокосердных отцов и матерей

11	养儿人家热腾腾，养女儿家冷清清	Воспитание сына, который женится и родит ребенка, – дело живое, а воспитание дочери, которая вырастет и выйдет замуж, оставит дом пустым и очень холодным
12	养儿养女望上长	Сыновей и дочерей воспитывают в надежде, что они будут успешными в будущем

Китайские паремии о женщине с компонентом ‘девушка’

13	闺女大了不可留，留来留去是冤仇	Когда девушка достигает брачного возраста и находит подходящую пару, она должна выйти замуж в нужное время и не должна задерживаться
14	男大当婚，女大当嫁	Мужчины и женщины должны жениться и создавать семью по достижении брачного возраста. Если дочь упустит возможность, родители будут перед ней виноваты
15	嫁出去的姑娘，泼出去的水	Замужняя дочь подобна воде, которую пролили
16	男大须婚，女长须嫁	Мальчики должны жениться, когда становятся старше, девочки должны выходить замуж, когда становятся старше

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Китайские паремии о женщине с компонентом ‘женщина’

	паремия на китайском	перевод на русский
17	男大当婚，女大当嫁	Мужчины и женщины должны жениться и создавать семью по достижении брачного возраста. Если дочь упустит возможность, родители будут перед ней виноваты

18	一女不吃两家茶	Женщина не должна пить чай из двух семей
19	教妇初来，教儿婴孩	Невестку учи, когда она только что вошла в дом, а детей учи, пока они еще младенцы

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Китайские поговорки о женщине с компонентом 'жена'

20	夫妻安，合家欢	Муж и жена живут в гармонии, и вся семья счастлива
21	夫妻交市，莫问谁益：兄弟交憎，莫问谁直	В бизнесе между мужем и женой не нужно спрашивать, сколько слов принесло прибыль; в борьбе между братьями не нужно спрашивать, кто одерживает верх
22	夫妇是树，儿女是花	Муж и жена – это дерево, а дети – цветы.
23	满堂儿女，当不得半席夫妻	Взаимная любовь между мужем и женой должна преобладать над сыновней почтительностью детей к своим родителям
24	巧媳妇不怕挑剔婆	Невестка, которая хорошо работает (владеет руками), не боится, что свекровь будет выискивать ее недостатки
25	三朝媳妇，月里孩儿	Необходимо установить правила и для невестки, и для новорожденного, чтобы не избаловать их
26	讨老婆看妻舅，买衣裳看衫袖	Глядя на дядю своей жены, он мог судить о характере и талантах своей невесты, а глядя на рукав, он мог судить о фактуре и качестве изготовления всего одеяния
27	患难夫妻到白头	Только пары, которые страдают вместе, могут держаться друг за друга и стареть вместе

28	兄弟是手足，妻子如衣服	Братья – как руки и ноги, а жены – как одежда, которую можно менять по своему усмотрению
29	夫妻交市，莫问上午益；兄弟交憎，莫问谁直	Не нужно спрашивать, кому выгодна сделка между мужем и женой, и не нужно выяснять, кто прав, а кто виноват, когда братья враждуют
30	未看老婆，先看阿舅	Мужчина узнает, как выглядит жена, посмотрев на ее старшего и младшего братьев, прежде чем отправиться на свидание вслепую
31	父道尊，母道亲	Отцы должны демонстрировать торжественность и авторитет, а матери – близость и любовь

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Китайские поговорки о женщине с компонентом ‘мать’

32	长兄为父，长嫂为娘	Брат берет на себя те же обязанности, что и отец, а невестка – те же, что и мать.
33	一棵树结的果儿有酸有甜，一个娘生的孩儿有忠有奸	Дерево приносит сладкие и кислые плоды, а мать рождает хороших и плохих детей
34	在家庭中的母亲是宝	Мать в семье – клад
35	养儿待老，积谷防饥	Воспитывать детей – чтобы в старости иметь кого-то, кто обеспечит) и хранить зерно, чтобы не страдать от голода в случае голода
36	孟母三迁 – 望子成龙	Мать Мэн-цзы трижды меняла место жительства
37	一心为老娘，羊肠小道也宽广；一心为钱财，就是大道	Если думаешь о матери, ты будешь успехом, если думаешь только о деньгах, у тебя не будет

	也过不来	перспектив
38	待你父母十二两，儿孙还你整一斤	От того, как вы относитесь к своим родителям, зависит, как ваши дети и внуки будут относиться к вам в будущем
39	父道尊，母道亲	Отцы должны демонстрировать торжественность и авторитет, а матери – близость и любовь
40	儿女多来冤业多	Когда сыновей и дочерей много, возникает много недовольства
41	母亲慈悲，儿孝顺	Мать добрая, сын почтительный
42	什么样的老母下什么样的儿	От того, какая у вас мать, зависит, каким вырастет ваш сын или
43	母以子贵	Мать стала благородной успехами сына

44	母爱是世上最伟大的力量	Материнская любовь – самая великая сила в мире
45	母爱伟大如山	Материнская любовь велика, как гора
46	娘想儿,黄河水;儿想娘,扁担长	Тоска матери по детям подобна бесконечным водам Желтой реки, в то время как тоска детей по матери коротка и недостаточно глубока, как коромысло
47	父母之年、不可不知也、一则以喜、一则以惧	Нельзя не помнить о возрасте отца и матери: для сына в этом сразу и радость, и тревога
48	夫妇是树，儿女是花	Родители – это дерево, дети – цветы
49	父母在，不远游	Дети не должны уезжать далеко, пока живы их мать и отец
50	父道尊，母道亲	Отцы должны демонстрировать торжественность и авторитет, а матери – близость и любовь

51	天下无不对之父母	В Поднебесной нет неправых родителей
52	父母难保子孙贤	Родителям трудно гарантировать, что их дети и внуки будут хорошими и послушными
53	娘想儿，长江水；儿想娘，哭一场	Мысли матери о ребенке бесконечны, как воды реки Янцзы, в то время как мысли ребенка о матери относительно недолговечны
54	什么母什么女，什么桌子什么腿	Какая мать, такая и дочь, какие ножки, такой и стол
55	有亲娘，有后爷；无亲娘，无疼热	Если у тебя есть настоящие родители, отчим будет относиться к тебе так же хорошо, как и твой настоящий отец, а если у тебя нет настоящей матери – о вас некому будет заботиться
56	知子莫若父，知女莫若母	Отец знает сына лучше всего, мать знает дочь лучше всего
57	只有痴心的父母，难得孝顺的儿郎	Родители всегда заботятся о детях, но им сложно получить искреннюю любовь и заботу от детей
58	子孝双亲乐，家和万事成	Родители счастливы, когда их дети послушны; все возможно, когда в семье царит гармония
59	龙生龙，凤生凤，老鼠的儿子会打洞	Дракон рождает дракона, феникс рождает феникса, мышь рождает мышь, которая может проделать дыру. То есть сын всегда похож на отца, продолжает его дела
60	妈妈是最伟大的老师，一个充满慈爱和富于无畏精神的老师	Мама – великий учитель, сердце которого наполнено любовью и бесстрашием
61	爹死娘嫁人，各人顾各人	Мой отец умер, мать вышла замуж за другого, и я был оставлен на произвол судьбы

62	儿不忘娘，物不忘本	Ребенок не должен забывать свою мать, и все вещи не должны терять своего корня
63	父恩比山高，母恩比海深	Любовь отца выше горы, любовь матери глубже моря
64	父母恩比天大	Любовь родителей к ребенку больше, чем небеса
65	妈妈打儿子 一心上有数	Если мать поднимает руку на ребёнка, значит так нужно
66	河深海深，最深莫过父母恩	Какими бы глубокими ни были реки и моря, они не могут быть такими же глубокими, как родительская любовь
67	生娘小于边，养娘大于天	Любовь приемной матери сильнее, чем любовь родной матери
68	养子方知父母恩	Только когда у вас появляются дети, вы понимаете, как много сделали для вас ваши родители
69	要知父母恩，怀里抱子孙	По-настоящему оценить воспитание родителей, зачастую уже после того, как у самих появятся дети и внуки
70	爷有娘有，也要开口	У отцов есть матери, и дети должны просить их об этом
71	打在儿身，痛在娘心	Это бьет по сыну и ранит мать
72	如父如子，如母如女	Старшие сыновья и дочери должны брать на себя родительские обязанности и заботиться о младших братьях и сестрах в отсутствие родителей
73	儿行千里母担忧	Матери всегда беспокоятся о своих сыновьях и дочерях, когда те находятся далеко от них
74	子心硬如石，母心软如水	Сердце ребенка твердо, как камень, и всегда равнодушно к родителям, а сердце родителей мягко, как вода, и всегда помнит о своих детях

75	在家敬父母，何用远烧香	Почитание родителей превыше всего. Чтобы возжечь благовония и поклониться Будде, не нужно далеко ходить
76	没娘的孩子磕墙根，没爹的孩子贵如金	Ребенок, у которого есть отец и нет матери, превращается в приземистого убогого; ребенок, у которого есть мать и нет отца, остается счастливым
77	儿女做坏事，父母终有错	Родители должны нести определенную ответственность, когда их дети совершают плохие поступки
78	娘勤女不懒，爹懒儿好闲	Если мать трудолюбива, дочь не будет лениться, а если отец ленив, сыну будет нечем заняться
79	教子不严父之过，养女不周娘之错	Отец виноват в том, что плохо учил своего сына, а мать – в том, что плохо воспитывала свою дочь
80	教子之法，莫叫离父；教女之法，莫叫离母	Отец виноват в том, что плохо учил своего сына, а мать – в том, что плохо воспитывала свою дочь
81	养女不教不如养猪，养子不教不如养驴	Воспитывайте своих детей без образования, и они будут такими же глупыми и тупыми, как свиньи и ослы
82	老怕丧子，少怕丧母	Пожилые родители боятся смерти своих сыновей, а дети – смерти своих матерей
83	十月胎恩重，三生报答轻	Ребенку и жизни не хватит, чтобы отблагодарить родную маму за те, десять месяцев, которые она вынашивала свое дитя
84	端起碗来吃肉，放下筷子骂娘	Поднимите миску и съешьте мясо, положите палочки и ругайте свою мать
85	慈母多败儿	Слишком милосердные матери растят сыновей-неудачников
86	甜不过蜂蜜，亲不过母女	Мед – самый сладкий, а связь между матерью и дочерью – самая тесная

87	父望子成龙，子望父升天	Родители хотят, чтобы их дети добивались успехов и достижений, а дети – чтобы их родители прожили долгую, здоровую и благословенную жизнь
88	父母俱存，兄弟无故，便是人间一乐	Здоровые родители и здоровые братья – одно из величайших благословений в жизни

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

Китайские поговорки о женщине с компонентом ‘свекровь’

89	姑口烦而妇耳顽	Если свекровь всегда ворчит, невестке надоест это слушать
90	多年的媳妇熬成婆	Невестка наконец-то стала свекровью после долгих лет страданий
91	公公当不了生身父，婆婆当不了自己的娘	Свекор не заменит родного отца, а свекровь – родной матери
92	严婆不打笑面媳	Даже строгая свекровь не победит улыбчивую невестку
93	多年的媳妇熬成婆	Невестка наконец-то стала свекровью после долгих лет страданий

Китайские поговорки о женщине с компонентом ‘Теща’

94	丈母娘看女婿；越看越喜欢	Если теща любит свою дочь, то и зять ей понравится.
95	丈母娘看女婿亲	Теща переносит свою любовь к дочери на зятя, поэтому она очень ласкова с ним

Китайские поговорки о женщине с компонентом ‘Мачеха’

96	有亲娘，有后爷；无亲娘，无疼热	Если у тебя есть настоящие родители, отчим будет относиться к тебе так же хорошо, как и твой настоящий отец, а если у тебя нет
----	-----------------	--

		настоящей матери, о вас никому будет заботиться
--	--	---

Китайские паремии о женщине с компонентом 'Бабушка'

97	老太太咬牙 – 忘了没了	Бабушка пытается укунить – забыла, что нет [зубов]
98	家有一老人, 如有一宝	Если есть старый человек в доме, значит в доме есть драгоценность
99	阿婆不嫁女, 哪得孙儿抱	Бабушки не смогут иметь внуков, если не выдадут замуж своих дочерей
100	儿孙自有儿孙福, 莫为儿孙作远忧	У сыновей и внуков своя судьба и свое будущее, родителям и старшим не нужно вмешиваться в их жизнь
101	奶奶亲孙子, 胜似命根子	Бабушка любит внука, как свою жизнь
102	狗恋恩情猫恋食, 小孩恋他姥姥家	Собаки умеют быть благодарными, кошки любят еду, а дети любят бабушкин дом
103	奶奶抱孙子越抱越亲	Бабушка обняла внука – и сердце к сердцу прилипло
104	外婆抱孙子, 累死不挨哼	Бабушка носит внука – устала до смерти, но не жалуется
105	外婆的摇篮, 外孙的梦乡	У бабушки в люльке – внуку самые сладкие сны
106	奶奶疼孙子, 胜似攒金子	Бабушка любит внука больше, чем копить золото
107	奶奶的唠叨 – 听不完	Как начнёт бабушка говорить – ни дня, ни края не видно

108	姜桂之性	Характер имбиря и корицы’ – старое упрямство
109	奶奶的裹脚布 – 又臭又长	Бабушкина обмотка для ног – и длинная, и вонючая

Китайские паремии о женщине с компонентом ‘Невестка’

110	穷媳妇知米贵	Бедная невестка знает, как дорог рис
111	丑陋夫人家中宝，美貌佳人惹祸端	Некрасивые невестки – сокровище семьи и не доставляют хлопот, а красивые – доставляют
112	新来媳妇三日勤	Новая невестка усердно трудится три дня
113	丑妇家中宝	Уродливые невестки более спокойны, они сокровище семьи и не доставляют хлопот
114	巧妇难为无米之炊	Какой бы искусной ни была невестка, она не сможет готовить без риса
115	多年的媳妇熬成婆	Невестка наконец-то стала свекровью после долгих лет страданий
116	严婆不打笑面媳	Даже строгая свекровь не победит улыбчивую невестку

ПРИЛОЖЕНИЕ 6

Китайские паремии о мужчине

Китайские паремии о мужчине с компонентом ‘Юноша’

	паремия на китайском	перевод на русский
117	花有重开日，人无再少年	Цветы могут зацвести снова, но у человека никогда не будет возможности снова стать молодым’ в значении ‘Не тратьте время попусту

Китайские паремии о мужчине с компонентом 'Дедушка'

118	爷呀亲孙孙, 亲似命根子	Дедушка внука любит – пуще глаза бережёт
119	爷爷亲孙无二心	Дедушка любит внука всем сердцем
120	爷养儿子糖拌饭, 儿子养爷横百眼	Дед кормит внука сладким рисом, а внук смотрит на деда с презрением

Китайские паремии о мужчине с компонентом 'сын'

121	望子成龙, 望女成凤	Родители мечтают, чтобы сын стал драконом, а дочь – фениксом. То есть родители мечтают, чтобы дети добились выдающихся успехов
122	父亲母亲疼末子, 公公婆婆疼长孙	Бабушки и дедушки обычно больше всего любят первого внука, а родители – младшего ребенка
123	有子且勿喜, 无子固勿叹	Иметь детей – не значит большая радость, не иметь детей – не значит большое горе
124	儿大不由爹, 女大不由娘	Сын вырастает самостоятельным и не прислушивается к воспитанию отца; дочь вырастает и не прислушивается к наставлениям матери
125	子孙虽愚, 经书不可不读	Хотя наши дети и внуки могут быть глупцами, мы не должны забывать читать Священные Писания
126	儿女多来冤业多	Когда сыновей и дочерей много, возникает много недовольства
127	多子多孙多福气	Больше детей значит больше счастья
128	养儿人家热腾腾, 养女儿家冷清清	Воспитание сына, который женится и родит ребенка, – дело живое, а воспитание дочери, которая вырастет и выйдет замуж, оставит дом пустым и очень холодным

129	不得乎亲，不可以为人；不顺乎亲，不可以为子	Сын, который не ладит со своими родителями, не может быть человеком; сын, который не подчиняется во всем желаниям своих родителей, не может быть сыном
-----	-----------------------	--

Китайские паремии о мужчине с компонентом 'дядя'

130	爹娘亲，娘舅亲，打断骨头连着筋	Никакие внешние силы не могут разлучить детей с их родителями и дядями по материнской линии
-----	-----------------	---

Китайские паремии о мужчине с компонентом 'отец'

131	爹死娘嫁人-各人管各人	Отец умер, мать выходит замуж. Каждый идет своей дорогой
132	父子相疑，其家不祥；君臣相疑，其国多难	Когда отцы и сыновья подозревают друг друга, семья неблагополучна; когда государь и его министры подозревают друг друга, на страну обрушиваются бедствия
133	父慈子孝，兄友弟恭	Отец любит своего сына, а сын послушен своему отцу; старший брат любит своего младшего брата, а младший брат почитает своего старшего брата
134	老子英雄儿好汉，他爹卖葱娃卖蒜	Отец – герой, сын – хороший человек. Его отец продает лук, его ребенок – чеснок
135	父一辈子一辈	Отец на всю жизнь, сын на всю жизнь, то есть два поколения
136	父子不和家不旺，邻里不和是非多	Если отцы и сыновья не ладят друг с другом, семьи вряд ли будут процветать; если соседи не ладят друг с другом, будут частые

		ссоры
137	父子上山-各人努力	Отец и сын на горе – каждый старается изо всех сил
138	父子无隔宿之仇	Между отцом и сыном нет ночной ненависти
139	父不疼，子不孝	Если отец плохо относится к ребенку, ребенок не будет уважать его
140	父不知其子，无以睦一家	Если отец не знает своего сына, семья не уживется
141	父道尊，母道亲	Отцы должны демонстрировать торжественность и авторитет, а матери – близость и любовь
142	父强子不弱	Если отец силен, то и сын не будет слабым
143	父兄失教，子弟不堪	Дети не вырастут хорошими, если отцы не будут воспитывать своих детей, а братья не будут воспитывать своих братьев и сестер
144	父欲行劫，子必杀人	Если отец – разбойник, сын будет убивать
145	父子不同舟	Отец и сын путешествуют в одной лодке, в случае несчастья это приведет к прерыванию рода, и некому будет продолжить дело
146	虎父无犬子	Тигр не рождает собаку
147	父子亲而家不退，兄弟和而家不分	Если отец и сын едины, семья не потерпит краха

148	父子无礼，其家必凶；兄弟无礼，不能久同	Без почитания отца сыном в его семье обязательно случится несчастье; без вежливости между братьями невозможна жизнь
149	有其父必有其子	От того, какой у вас отец, зависит, каким будет ваш сын
150	有其父，必有其女	От того, какой у вас отец, зависит, какой у вас будет дочь
151	父子相合家不败，弟兄相合不分家	Когда отцы и сыновья едины и гармоничны, семьи не распадаются; когда [взрослые] братья живут в согласии, семьи не распадаются
152	弟兄相骂硬如铁，父子同心土变金	Если братья ссорятся друг с другом, их отношения будут твердыми, как железо, и их трудно будет примирить; но если отцы и сыновья умеют работать вместе, даже желтая земля может быть превращена в золото
153	父子兄弟，罪不可及	В отношениях между отцом, сыном и братом, когда один человек совершает преступление, он несет за него личную ответственность, и никто другой в этом не участвует
154	父若英雄，子必好汉	Если отец хороший, то и дети должны быть хорошими
155	父要子死，不得不死	Отец требует смерти сына, сын вынужден подчиниться
156	溺爱孩子等于害子，棍棒底下出孝子	Баловать сына – все равно, что убить его: только из-

		под палки выходят почтительные дети
--	--	--

Китайские паремии о мужчине с компонентом ‘свекор’

157	公公当不了生身父，婆婆当不了自己的娘	Свекор не заменит родного отца, а свекровь – родной матери
-----	--------------------	---

Китайские паремии о мужчине с компонентом ‘Царь’

158	龙王爷过河-大风大雨	Царь драконов переходит реку – сильный ветер, сильный дождь
-----	------------	---

Китайские паремии о мужчине с компонентом ‘Зять’

159	丈母娘看女婿亲	еще переносит свою любовь к дочери на зятя, поэтому она очень ласкова с ним
160	女婿有半子之劳	Зять – это половина сына, и зять должен брать на себя обязательства приемного сына
161	爱妻敬丈母，爱子敬先生	Если ты любишь свою жену, ты должен уважать ее родителей, то есть тещу и тестя; точно так же, если ты любишь своего сына, ты должен уважать его учителей

Китайские паремии о мужчине с компонентом ‘Брат’

162	长兄为父，长嫂为娘	Старший брат – отец, невестка – мать
-----	-----------	--------------------------------------

Китайские паремии о мужчине с компонентом ‘Внук’

163	儿孙自有儿孙福，莫为儿孙作远忧	У сыновей и внуков своя судьба и свое будущее, родителям и старшим не нужно вмешиваться в их жизнь
-----	-----------------	--